

The poster features a woman with red hair and a man in a dark jacket. The woman's face and upper body are partially obscured by a dark, textured overlay that also contains the man's portrait. The overall color palette is dominated by dark purples, blacks, and reds, with a white background for the text.

Эрика  
О'Рурк

# СТРАЖНИЦА

Путь во тьме

Захватывающе, волшебно и очень романтично! Без любви жизнь могла бы быть такой простой. Но Мо Фитцджеральд не может убежать от своих чувств к очень симпатичному Колину также, как и от темных тайн ее семьи. Плюс в ее жизнь снова возвращается завораживающий Люк и втягивает Мо в сражение между древними магическими династиями... и окутывает ее своими чарами. Разрываясь между двумя мужчинами Мо даже не подозревается, что Люк что-то скрывает от нее... и что у Колина также есть темная тайна...

---

**Оригинальное название:** Die Wächterin

**Автор:** Эрика О'Рурк / Erica O'Rourke

**Серия:** Избранная Трилогия #2 / Torn Trilogy #2

**Перевод:** Taube770, lena68169

**Редактор:** lena68169

### Глава 1

Правду переоценивают. Многие переоценивают: Ореон, рождественские декорации в витринах стэйт стрит, классическую рок-музыку, свадьбы. Все хотят, чтобы правду считали прекрасным, блестящим подарком, который дарует свободу. Так вот — это ложь.

Правда пугающая и болезненная, и возможно кого-то она и освобождает, но также может привести к одиночеству. Говорят, что правда причиняет боль, и это правда — она ранит, но также, что её можно пережить.

Ложь напротив смертельна, и я вру себе, когда говорю, что вернула прежнюю жизнь, и кошмар, который начался в моей жизни в последнем учебном году, постепенно забывается. И что я снова могу стать девушкой, кокой была всегда. Обычай Мо Фитцджеральд.

Как я уже сказала: правду переоценивают, но ложь смертельна.

— Я не верю тебе, — сказала Лена Сантос, облокотившись на ряд шкафчиков, пока я рылась в своём в поисках книги из библиотеки. — Нет, мне жаль. Но это невозможно.

Я отодвинула бумаги, резинки для волос и подготовительное пособие SAT в сторону, в поисках пыльной книги и засунула ее в мою и без того полную сумку:

— Нашла. Я и вправду вздохну с облегчением, когда наконец выступлю с этим докладом.

— Не пытайся сменить тему. Я отказываюсь верить в то, что ты пропустишь балл Сади Хавкинса.

— У меня никого нет, с кем я могла бы туда пойти.

— И что? У меня тоже, но я все равно пойду. Ты вообще кого-нибудь спрашивала?

Мы шагали по лестнице вверх и не особо спешили добраться до библиотеки. В других школах есть кресла для отдыха и вежливые работники. В Св. Бригитте только деревянные стулья и сестра Агата с её толстыми чёрными очками и привычкой постоянно призывать к тишине. Наш доклад о французской монархии в семнадцатом столетии тоже не давал повода

спешить.

— И кого я по-твоему могу спросить? — Я пожалала плечами и поправила сумку с книгами.

Лена задумчиво, с преувеличенным жестом, постучала себя по подбородку:

— О, даже не знаю... Колина?

— Поверь мне, Колин Донелли не из тех, кто пойдёт на балл в старшей школе.

— Но он это сделает, если ты попросишь. Разве вы так сказать ... не вместе?

— Мы ещё думаем над этим.

Я смотрела себе под ноги, пока мы поворачивали за угол. У меня было много пищи для размышления, как например вопрос, почему Колин вдруг сбросил обороты — а именно очень, очень сильно. Наши отношения были похожи на час пик. Совсем немножко продвигались вперёд, а затем быстро и резко сдавали на тормоза. Колин утверждал, что у него есть на это причины, но у меня постепенно кончалось терпение.

— И кстати говоря: ты можешь себе представить, чтобы моя мама... Ай! — Я врзалась в кого-то и упала на пол, в то время как мои книги, папки и карандаши разлетелись по полу.

— Мне жаль, — сказал мужчина, на которого я налетела — пожилой джентльмен, производивший, в своём чёрном шерстяном пальто и немного старомодном полосатом костюме, впечатление состоятельного дедушки. Он тяжело опирался на трость с ручкой из слоновой кости.

— С тобой тоже ничего не случилось?

В его голосе слышался лёгкий акцент, но я не могла определить какой именно. Его головной убор — черная меховая шапка, на подобие тех, что обычно носят зимой — упал неподалёку на пол.

— Это моя вина, — сказала я, поднимаясь и протянула ему шапку.

— Нет, нет. Позволь мне помочь тебе. — Он наклонился, поднял мою сумку и доброжелательно улыбнулся. — Услуга за услугу, не так ли?

То, что я сбила его, не показалось мне услугой, но я взяла сумку из коричнево-оливковой ткани и улыбнулась в ответ. Как ни странно, при нём не было наклейки, которую бюро выдаёт всем посетителям. При том, что охранники очень пристально следят за тем, чтобы люди регистрировались...

Должно быть Лена тоже заметила, что что-то не так, потому что любезно спросила:

— Вы кого-то ищете? Показать вам дорогу?

— Нет, спасибо. — Он одел свою шапку. Направляясь к лестнице и весело размахивая тростью туда-сюда, он крикнул через плечо:

— Я нашел, кого искал.

Я вцепилась крепче в ремешок сумки, и стояла неподвижно, пока он не скрылся из виду.

— Библиотека, — сказала Лена и подтолкнула меня.

В то время, как сестра Агата убирала книги на полки и хмурилась из-за нашего шёпота, мы устроились за компьютером и делали вид, что проверяем в PowerPoint ещё раз нашу презентацию для доклада.

— А что с другим типом? Тем, которого я видела осенью? — спросила Лена, когда сестра Агата, покачиваясь, покинула стеллажи. — Попроси его пойти с тобой на танцы.

— Его нет.

Сказав это вслух, мне показалось, будто во мне захлопнулась дверь. Нет и хорошо, напоминала я себе.

Но, наверное, это прозвучало слишком резко, потому что Лена не стала допытываться дальше, а устала в записи нашего доклада по истории, изучая их куда более тщательно, чем это было необходимо.

Я почувствовала себя виноватой. Лена была умной и очень милой и наверно единственным человеком в школе Св. Бригитты, которая не обращалась со мной как с прокажённой. После убийства моей лучшей подруги все обходили меня стороной, будто траур заразная штука. Я не хотела, чтобы Лена тоже начала меня избегать.

— Мы могли бы предпринять что-нибудь вместе после балла. Например можешь переночевать у меня, если у тебя ещё нет никаких планов, — сказала я.

Она оттаяла.

— Звучит отлично. Ты уверена, что не хочешь пойти на него?

Я покачала головой, и она вздохнула.

— Хорошо. Тогда я переночую после бала у тебя. Скажи-ка, а ты вообще отослала заявку в нью-йоркский университет?

Я сглотнула и постаралась сказать не слишком упрямо:

— Э-э... ещё нет.

— Что? — Она выглядела по-настоящему испуганной. — Я знаю, что твоё интервью было катастрофой, но они наверняка отнесутся к этому с пониманием.

«Катастрофа» это ещё мягко сказано. Я ушла на середине вопроса. По важной причине, но не такой, которую можно было бы объяснить представительнице колледжа, на которую я пыталась произвести хорошее впечатление. Это испортило мой шанс на досрочное поступление, а, возможно меня и вообще не примут в нью-йоркский университет.

— Ты же не передумала? Ты всё ещё хочешь туда, так? В конце концов, вы же с девятого класса только и говорили о NYU, ты и... — Она замолчала. — Ты и Верити. Теперь понимаю!

При всём её желании — она не понимала, и не было никакой возможности объяснить ей. Верити и я всегда планировали вместе поступить в Колледж в Нью Йорке, чтобы оставить позади подозрительную историю моей семьи и претворство, что в ней всё идеально. Но Верити умерла, а я осталась.

Несмотря на слухи я не специально саботировала это интервью, чтобы самой себе подставить подножку. Я ушла, потому что месть за смерть Верити была для меня важнее, независимо от того, насколько сильно я хотела в университет моей мечты. Я отомстила, а теперь должна снова создать нормальную жизнь.

Сейчас я вряд ли была в состоянии, даже представить себе эту нормальную жизнь. Я знала, как она должна выглядеть: Верти и я, как мы рассматривали витрины в шикарных бутиках Уикер-парка, как ей нравилось смотреть на студентов колледжа, пока мы ели суши, как погружались в путеводитель Нью Йорка и планировали наш грандиозный побег.

Но этот мир исчез в тот день, когда умерла Верити. На его место пришёл мир, наполненный древней магией, опасно-красивый и полный тайн, вместе с подходящим к нему парнем. Мы спасли его мир, и с тех пор я его больше не видела. Каждый день я напоминала себе, как мало я по нему скучаю.

После всего, что я увидела и сделала, я не была уверена в том, как мне вернуться к нормальной жизни. Я даже не была уверена, что вообще хочу этого.

Но одно ясно как день: нормальной жизни здесь, в Чикаго, в тени моей семьи, у меня не будет. Я должна поехать в Нью-Йорк, туда, где люди каждый день открывают себя заново.

Это мы и планировали сделать с Верети всё время, и ради нас двоих я должна претворить этот план в жизнь.

Я потёрла виски и попыталась, отогнать головную боль, которая намечалась уже всё утро.

— Я полностью провалила интервью, а вот Джилл МакАллистер была на высоте. Если они сравнивали нас во время досрочной процедуры приёма, то я ни в коем случае не получу место. Если подожду до обычного приёма — то, возможно, у меня ещё есть шанс. — Кроме того, тогда я смогла бы продемонстрировать им, что оправилась от смерти Верити. Когда обладаешь силой духа, которая помогает преодолеть неблагоприятные ситуации, это как раз то, что нравится видеть в кандидатках сотрудникам приемной комиссии. Мне казалось, что таким образом я извлекаю выгоду из моего траура, но я научилась идти дальше, даже когда мир вокруг распадается на куски и довольствоваться тем, что есть.

Через стеклянные двери библиотеки, я увидела, как кто-то, идя по коридору, слегка зашатался, и чтобы восстановить равновесие прислонился к стене. Лена последовала за моим взглядом.

— Боже мой, — сказала она понизив голос. — Раз уж мы разговариваем о том, что нам не хватает Верити... Эта девочка, Чика, быстро катиться вниз. Как думаешь, она пьяна?

— Констанция?

Я покачала головой. Констанция Грей с детским лицом — сестра моей лучшей подруги. Да, она мучилась, но я не могла представить, чтобы она наполнила бутылку из-под воды водкой, только для того, чтоб осилить урок по биологии. — Возможно её тошнит.

Констанция споткнулась, и её голова вяло повисла. Ёе карамельного цвета волосы, на несколько оттенков темнее чем у Верити, качнулись как занавес на ее спине. Мою кожу покалывало, будто я в носках шлёпала по грубому ковру.

— Прикроешь меня, на случай если сестра Агата вернётся? — спросила я и встала. Лена кивнула со смесью сострадания и горечи на лице.

— Она не примет твою помощь, — крикнула она.

Двери библиотеки захлопнулись позади меня. Констанция и я стояли одни в опустевшем коридоре.

— С тобой всё в порядке?

Её голова дернулась вверх, и мое сердце сжалось. Она была так похожа на Верити. Глаза немного ярче, больше веснушек, более округлые черты лица, но такой же нос, те же скулы, такие же слегка волнистые волосы. На секунду я задумалась, кого она видит каждое утро в зеркале: себя? Или Верити?

Она отвернулась с мрачным выражением лица:

— Со мной все хорошо. Убирайся.

Её голос звучал напряженно, как будто ей было тяжело выдавливать из себя слова, она пошатнулась и ударилась о шкафчики. Лена права — она не хочет принимать мою помощь. Но я всё равно должна попробовать.

— Тебе плохо?

— Я же сказала, убирайся! — Она повернулась, чтобы сердито посмотреть на меня, и под её взглядом я отступила на шаг. Её зрачки были настолько расширены, что почти не было видно голубого кольца радужки.

— С тобой ведь что-то не так.

Однако от неё не пахло алкоголем. Покальвание усиливалось; оно поднималось от моих ладоней. Я потёрла их друг о друга.

— Констанция, что ты приняла? Если тебя найдёт учитель...

— Нет! Мне ... не хорошо. Чешется, — сказала она и прозвучала как плаксивый ребёнок. — Кожа как будто натянулась.

— Кто-то тебе что-то дал. Что это было? — Я огляделась и отвела её в туалетную комнату.

— Ничего!

Внутри она прижалась щекой к кафельной стене, стонала и беспокойно тянула за рукава своего тёмно-синего свитера. Ее ногти царапали кожу, оставляя тонкие красные раны.

— Сильно натянулась.

Я взяла её за руки, но она завизжала и вырвалась. Я должна уговорить её успокоиться. Скоро её кто-нибудь услышит, и нас поймают. Тогда больше не будет играть никакой роли, насколько ей все сочувствуют — то обстоятельство, которое она использовала с самого первого дня школы, чтобы не делать домашнего задания, неуважительно относиться к учителям, пропускать молитвенную службу и каждый день приходить поздно. Но если её на втором уроке застанут в туалете в наркотическом опьянении, то ещё до конца недели она будет ходить в школу, здание которой оснащено металлическими детекторами и в которой имеется видимое присутствие полиции.

Констанция ненавидела меня. Она ясно дала понять это в день похорон Верити, и кто мог упрекнуть ее в этом? Верити и я пошли вместе покушать мороженное. Я выжила. Верити — нет. То, чего Констанция не знала, и чего я не могла рассказать ей — это то, что в убийстве её сестры речь шла не о незапланированном насильственном преступлении. Это было целенаправленное нападение.

Возможно между нами всё было бы по-другому, если бы Констанция знала об этом. Возможно она позволила бы мне заботиться о ней. Но я как-то сомневалась в этом, особенно когда ее локоть угодил мне прямо в лицо, и я с криком отшатнулась.

— Какого черта ты делаешь, Констанция? Прекрати!

У меня текла кровь из носа, я прижала к нему руку, пытаюсь остановить её. Покальвание распространилось от ладоней верх и дошло до груди, оно было неприятным, но не болезненным. Я оглянулась вокруг, стараясь подавить страх и чувство, что не справлюсь с этой ситуацией. В очередной раз.

— Как давно? — спросила я.

Констанция ударялась головой о плитки и продолжала царапать себе руки, в то время как её крики сменились мучительными стонами.

Я схватил её за запястья и оттащила от стены. Кровь капала на мою блузку.

— Когда это началось?

— В эти выходные, — выдохнула она, и на ее шее проступили вены. — Мне ужасно больно. Что со мной не так?

— Я не знаю, милая. Держись.

Шрам на моей руке, розовый и блестящий, болезненно пульсировал, а Констанция начала хныкать. Вокруг нас воздух был заряжен и искажался, а распространяющийся запах озона обжигал нос. На моих глазах волосы Констанции поднялись в воздух, спутываясь в узлы.

— Мо?

— Я с тобой. Всё будет хорошо.

Я соврала. Это было последнее, что я сказала, перед тем как младшая сестра моей лучшей подруги стала в туалетной комнате на втором этаже суперновой и увлекла меня за собой.

## Глава 2

Я не знаю, как долго мы пробыли в отключке. Наверное, не долго, потому что, когда я очнулась, вошла Лена и её выражение было больше похоже на лёгкое беспокойство, чем на откровенную панику.

— Все в... чёрт.

Констанция лежала возле раковин, бледная как свет луны, не считая темно-красных струй крови, тёкших из носа. Я присела возле неё на колени, держа ладонь на расстоянии нескольких сантиметров от её открытого рта.

— Она дышит.

Лена посмотрела на меня, как будто не могла поверить своим глазам.

— У тебя кровь! Что случилось?

Я переложила голову Констанции с чёрно-белой плитки себе на колени.

— Произошёл несчастный случай.

— Её кулак случайно заехал тебе по лицу? — Лена вырвала горсть бумажных полотенец из раздаточного автомата и залила их холодной водой. — Держи.

— Спасибо. Она сделала это не специально. Она... больна.

Можно ли заболеть из-за магии? За мгновение до того, как мы потеряли сознание, я почувствовала её: поразительно-мощную, грубую магию, которая протекла через нас обоих. Сейчас она исчезла, но то, что она вообще появилась в этой комнате свидетельствовало о том, что Констанция Дуга.

Вот тебе и нормальная жизнь.

— Послушай, Мо. Я знаю, что ты переживаешь, но может настало время серьёзно с ней поговорить, понимаешь? С девчонкой что-то не так.

Она протянула мне ещё одну стопку влажных полотенец.

Я убрала волосы Констанции с лица и вытерла кровь. Лёгкое дуновение ветра пролетело по комнате и исчезло.

— Она не просыпается. Разве она не должна была уже прийти в себя?

— Откуда, к чёрту, я могу это знать? Давай позовём школьную медсестру.

— Медсестра тут не поможет.

Нам нужен Люк. Я обещала помочь ему, если ему понадобится моя помощь, но не совсем была готова с моей стороны просить у него о помощи. Это не хорошая идея, становиться должницей Люка ДеФаундре. Я дотронулась до запястья, пытаюсь почувствовать слабую, потустороннюю цепь, связывающую нас. Последний раз я чувствовала её месяц назад, на кладбище, где похоронена Верити.

— Мне нужно больше времени.

Лена посмотрела на свои часы.

— У тебя восемь минут до звонка. Что если она сильно ранена?

— Я знаю кое кого, кто сможет нам помочь.

Лена присела на корточки, тщательно подбирая юбку под себя.

— Мо, во что бы малышка не впуталась, это что-то очень плохое. Не позволяй ей



втянуть и тебя. Пусть кто-то другой позаботится об этом.

Констанцию на полу охватила судорога. Воздух гудел, в то время как мой шрам ярко выделялся светлым цветом на фоне крови, покрывавшей мою руку. В последний раз кровь принадлежала Верити, и она умерла. Я не позволю случиться этому ещё раз.

— Обещай, что не пойдёшь за медсестрой, — сказала я.

— Скажи, что ты шутишь.

— Я позабочусь о ней. Ты же знаешь, что я не позволю, чтобы с ней что-то случилось; она сестра Верити, ради б-га! Но я не могу позволить кому-нибудь увидеть её в таком состоянии.

— Мо, через пять минут, половина десятого класса будет здесь.

— Вернись в библиотеку. Скажи сестре Агате, что я не важно себя чувствую.

Это даже не было ложью. Моя головная боль переросла в мигрень, а желудок свело судорогой от тошноты. Покалывание на коже говорило о том, что магия собирается вкруг. Воздух стал давящим и заряженным, как во время грозы. Я испугалась за всех нас.

— Я серьёзно. Я позабочусь о Констанции. Но тебе нужно идти.

— Я тебя не понимаю.

— Я знаю. Лена, пожалуйста.

Она прикусила губу, от обиды и нерешительности её лицо потемнело. Лена была довольно милостивой, из-за чего люди часто недооценивали её. Они видели большие карие глаза на лице в форме сердечка, и им сразу же хотелось защитить её. Во всяком случае, поначалу. Как только у них была возможность понаблюдать за ней в действии — когда она становилась агрессивной и дикой на футбольном поле или грубоватой и своевольной где бы то ни было — они меняли своё мнение. Но сейчас, она выглядела просто обиженной, будто я каким-то образом предала её.

— Позже, — сказала она запинаясь. — Ты объяснишь мне всё позже, не так ли?

Я колебалась, не желая давать обещания, которое не смогу выполнить.

— Я дам тебе знать, как у неё дела.

Констанция снова задёргалась, её глаза закатились, тело ударилось о пол.

Лена покачала головой и попятилась из туалетной комнаты.

— Констанция, милая. Всё будет хорошо.

Еще одно ложное обещание. Двери кабинок яростно застучали, как будто в комнате бушевал торнадо. Она начала задыхаться, пытаясь вдохнуть достаточно воздуха, в то время, как давление в комнате умножилось. Почему магия атакует её... атакует нас?

Я не хотела снова встречаться с Люком. Я сделала то, что он и его люди, Дуги, требовали от меня, остановила пророчество, которое уничтожило бы их всех. Я даже согласилась помочь, если они снова будут нуждаться во мне. Что-то в его выразительной улыбке, сулило вещи, к которым я возможно ещё не была готова, хотя скучала по ним, убедило меня дать согласие. Но я едва оправилась от того испытания. Теперь мои дни были заполнены школой и работой, а также я пыталась выяснить, как жить обычной жизнью без моей лучшей подруги. Позвав Люка назад, я всё разрушу. Он перевернёт всё вверх дном, приведёт Колина в бешенство и затащит меня обратно в мир, где я была ещё большим изгоем, чем в св. Бригид.

Но сестра Верити была в опасности и Люк единственный, кто может нам помочь.

Обхватив одной рукой дрожащее тело Констанции, я снова прикоснулась к запястью. Линия, которой мы были связаны друг с другом, была невероятно горячей, похоже,



реагировала на магию в комнате. Я закрыла глаза, пытаюсь представить себе серебряную цепочку, ведущую к сети из магических нитей. Я знала, что они существуют, хотя их не было видно невооружённым взглядом. Я представила, как мои пальцы хватаются за неё и тянут, как звонят в колокол в колокольне, созывая на вечернее б-гослужение.

— Пожалуйста, — прошептала я в дико движущийся, заряженный воздух вокруг. — Давай же, Люк. Ты обещал.

Констанция выгнулась от боли. Воздух вокруг нас снова начал гудеть. Я наклонилась, пытаюсь защитить её от растущей магии, а Констанция царапала себе ногтями кожу и нечаянно ударила меня по руке. Мои легкие сжались. Мы не переживём ещё одну волну. Вдалеке, я услышала прозвеневший звонок и гул двууста девочек-подростков, высыпавших в коридор.

А затем, намного ближе, звук, будто лопается мир. Я приготовилась к тому, что последует за этим.

— Мышонок, — невозмутимо сказал Люк, растягивая слова, и как обычно всё та же заноза в заднице. — В следующий раз, может просто позвонишь по телефону, мм?

### Глава 3

Я сторбилась, в то время, как тёмно-зелёные глаза Люка быстро оглядывали комнату. Кто-то дёрнул за дверную ручку, и он махнул рукой, как если бы отпугнул муху. Дверь захлопнулась. С той стороны прозвучали возмущённые голоса. Он подошел к Констанции и, нахмурившись, проверил её зрачки и пульс.

Пока он осматривал Констанцию, я наблюдала за ним — это всегда было легко. Рёв магии возрастал, а удары в дверь становились всё громче. Он слегка дотронулся до моего подбородка и убрал руку.

— Нам сейчас лучше уйти. — внезапно сказал он.

— Разве дверь не задержит их? — спросила я, проводя пальцами по тому месту, до которого он только что дотронулся, пытаюсь сосредоточиться. Он всегда оказывал на меня такое влияние, и это определённо не относится к тем вещам, по которым я скучала.

— Их она задержит, но не магию. Держись крепче. — сказал он, переплетя пальцы одной руки с моими, а другой приобняв Констанцию.

Промелькнуло это ужасное, знакомо-тошнотворное чувство, когда заходишь в промежуточный мир и всё чернеет и становится бездонным.

Мы вышли из него в хижине. Два стула и один кривой стол были придвинуты к стенам, которые по большей части состояли из дыр, вместо досок, а кровать, выглядевшая очень древней, стояла под окном, стекло которого треснуло. Я споткнулась о плетённый ковёр.

— На кровать. — прорычал Люк, кивнув головой в соответствующем направлении.

Констанция всё ещё билась в судорогах, но нам удалось уложить её на постель, в то время как воздух снова начал заряжаться.

— Выйди, — сказал Люк. — У меня всё под контролем.

— Она сестра Верити. Я не оставлю её одну.

Он дотронулся до её плеча и пробормотал что-то невнятное. Я уже и забыла, как это звучит, когда он использует магию. Её причудливо-красивое эхо нахлынуло на меня. Констанция, казалось немного успокоилась. Я хотела подойти к ней, но Люк загородил дорогу.

— Иногда это происходит так. Ты не можешь помочь.

— Что с ней?

Он провел рукой по волосам, и иссиня-чёрные локоны сразу же легли на место.

— Её силы пробуждаются. Ты ничего не можешь здесь сделать, Мышонок. Выйди.

Когда магия стала сильнее, комната начала медленно кружиться и меня затошнило.

— Я уже переживала нечто подобное, — сказала я, держась за спинку стула. Я старалась, чтобы мой голос звучал уверенно. — Я не уйду. — Но расстояние до другой стороны комнаты казалось таким большим.

Люк ещё раз посмотрел на Констанцию, а затем протянул руку, чтобы поддержать меня.

— Я не могу приглядывать за вами обеими, — сказал он и наклонился так близко к лицу, что я испугалась, что он меня поцелует. Эта мысль привела в ужас, хотя я не знала почему. У нас сейчас были проблемы куда большие, чем наши несуществующие отношения.

— Если хочешь помочь ей — выйди. Немедленно.

Поэтому я вышла через дверь на улицу и оказалась на полузаросшей поляне. С одной стороны, среди колючей травы, проходила немощёная дорожка, которую почти не было видно. Мой свитер — тот самый тёмно-синий свитер с V-образным вырезом, который носят все девочки в Св. Бригиде с октября по апрель — был удушливо-жарким. Я сняла его и мои волосы затрещали от статического заряда. Или из-за магии. Сложно было точно сказать.

Напряжение магии, казалось, поутихло, когда я немного отошла от хижины и глубоко вдохнула влажный воздух. Единственными звуками было жужжание насекомых и, где-то вдалеке, случайный всплеск воды. Хижина тихо лежала передо мной, и вдруг я ощутила такой страх, что у меня снова потемнело в глазах. Что, если Констанция умрёт? Как мне тогда объяснить Гречам, что их единственного, оставшегося в живых ребёнка, больше нет, и это лишь нескольких месяцев спустя, после того, как убили старшую?

Колени подкосились, и я, спотыкаясь, подошла к огромному пеню, крепко держа в руках свитер. Несмотря на колющую боль в висках, я пыталась трезво рассуждать о том, что увидела.

Силы Констанции пробуждались. По критериям Дуг это происходит слишком рано. Магия передаётся по наследству, но у Дуг силы пробуждаются обычно только к шестнадцати или семнадцати годам. У Верити они проявились в одиннадцатом классе, что она, однако, скрыла от меня. Была ли Констанция в опасности из-за того, что её силы проснулись раньше?

Дуги не используют напрямую грубую магию; они черпают свои силы из «Силовых Линий», потоков магической энергии, связанных с одним из четырёх элементов. Эти Линии проходят вдоль и поперёк по всему миру, от ядра земли до стратосферы. Они ослабляют разрушительную, грубую магию и делают возможным её использование для Дуг. На нормальных людей, так называемых «Плоских», они не имеют никакого эффекта.

Они могли пройти через одну такую, даже ничего не заметив, и так большинство Плоских занимаются своими повседневными делами и не догадываются, что в непосредственной близости таится полный почти безграничной силы мир.

И потом есть ещё я. Никто точно не знает, как силы Верити перешли ко мне, или какие это будет иметь последствия в долгосрочной перспективе. Для Дуг во мне было всё аномальным — я Плоская, которая справилась с грубой магией, но не может колдовать. Месяц назад я вошла в самое сердце магии, захватила пальцами Силовые Линии и изменила их.

Я ничего не оставила себе, кроме маленького осколка, чтобы убить женщину, которая приказала убить мою лучшую подругу. Тетю Констанции и Верити. Я не жалела об этом. Я поклялась отомстить за смерть подруги, и убив Эванджелину, я выполнила свою клятву. Но если Констанция умрёт, потому что Эванджелины больше здесь нет, чтобы помочь — это будет моя вина.

С трясущимися коленками я опустилась на пень, смотря в сторону ветхой хижины.

Крошечное здание с ветхой верандой и обвалившейся крышей казалось совершенно реальным. Я видела собственными глазами, как Дуги могут зачаровывать здание так, чтобы оно выглядело отталкивающим и неприветливым, заставляя Плоских держаться подальше. Но здесь не было никого, кто мог бы нарушить спокойствие этого места или хотя бы обратить внимание на захудалый маленький домик. Он действительно был в настолько плачевном состоянии, как и выглядел на первый взгляд.

Он абсолютно не подходил Люку. Люку с его идеальной, не принуждённо-элегантной одеждой, изящество которой сразу же выдавало, что она, должно быть, стоила целое состояние. Люку с его восхитительным, роскошным городским домом во французском квартале Нового Орлеана, который был оснащён предметами искусства со всего мира, и очень хорошим, очень крепким Бурбоном. Люку, который бесил меня и заставлял желать его, обычно в течение одной и той же минуты. Люку, желающего девушку, за которую он принимал меня, а не девушку, которой я действительно была.

Я прижала колени к груди и наблюдала за окнами, чьи клетчатые шторы колыхались и переплетались друг с другом. Люк же не думал, что я вечно просижу здесь снаружи. Учителя отметят мои пропущенные уроки и позвонят маме, мама побежит к дяде, и тогда всё закончится.

Потому что хоть я и научилась за последние месяцы врать родственникам и хранить в секрете тайны, которые были больше и опаснее чем всё, что они умалчивали от меня... В конце концов они же и научили меня этому. Но если я просто исчезну, мой дядя позвонит человеку, которому я не могу врать. Человеку, который знает меня настолько хорошо, будто у него есть карта моей души. Колину, который сразу же поймёт, что кто бы меня там ни похитил, связан больше с магией, чем с мафией.

И он будет в бешенстве.

Я попыталась придумать, что ему рассказать: магия обрушилась на сестру Верити, поэтому я позвонила Люку, а не тебе, и он утащил меня в какое-то жаркое место. Я посмотрела вверх, кинула взгляд на замшелые деревья и вдохнула влажный, гнилостный запах воздуха. Жарко и болотисто. Должно быть мы где-то в Луизиане. На родине Люка, хотя он больше вписывается в гламурный Новый Орлеан, чем в Байу.

Зелёные ставни, краска которых отслаивалась, ударились о стены. Грохот разорвал воздух, и я уже думала, что хижина вот-вот рухнет, но в тишине, которая последовала за грохотом, из-за угла домика завернула пара. Оба шли по лужайке. Пламя обрамляло их путь, будто красный ковёр на церемонии награждения и безобидно затихало, как только они проходили дальше. Видимо, они были важными людьми и хотели, чтобы это было заметно всем.

На женщине было одето простого пошива платье из красивого, бардового льна и просвечивающая шаль. Кончики её пальцев легко покоились на руке мужчины, который вёл её по заросшему участку. Несмотря на давящую жару, они казались бодрыми и свежими. Мужчина снял шляпу, когда они подошли ко мне, а я встала и попыталась пригласить

блузку. Мою грязную, запачканную в крови и слегка опалённую блузку. Испорченный свитер я деликатно бросила за пень.

— Должно быть ты Сосуд, — сказал мужчина, растягивая слова. Его кожа была цвета тёмного, блестящего ореха пекана, а черты лица ярко выраженными и аристократичными. — Не так ли?

Я была гораздо больше, чем просто сосудом. Было бы здорово, если бы хоть кто-то из Дуг это заметил. Я даже не пыталась сдерживать резкие нотки в голосе:

— Я Мо Фитцджеральд.

— Сосуд, — повторил он с немного насмешливым выражением, но в выжидательном, слегка вызывающем тоне. У меня сложилось впечатление, что таким образом проверялось большее, чем просто моя личность.

Женщина — изящная и похожая на пташку, тёмные волосы уложены высоко в сложный узел — потянула его за руку.

— Доминик, — укоризненно сказала она, — конечно же, это она. Кого ещё Люк привёл бы сюда?

Доминик. Имя вызвало забытое воспоминание, и я вернулась, следуя за ним к событиям, которые пыталась забыть. Точно, Доминик цепляется за старые обычаи, не так ли? И он наверняка уже заплатил за это большую цену, торжествуя и насмешливо сказала тогда Эванджелина.

Я устала на него и мне стало стыдно от осознания того, как нагло я вела себя только что с одним из самых могущественных людей в мире Дуг. С таким же успехом президент США мог бы присутствовать на заседании школьного совета. Приход Доминика ДеФаудре мог означать только одно: что-то пошло совсем не так, как должно было.

— Вы отец Люка? Он позвал своего отца?

Наши проблемы ещё намного больше, чем я полагала.

## Глава 4

У меня не было почти никакого опыта в том, что касалось отцов. По крайней мере, никакого хорошего опыта. Отец Люка был членом Квартора — совета, управляющего обществом Дуг, а также патриархом Дома, отвечающего за тех Дуг, которые используют огненные, Силовые Линии. А я была магическим образом навечно связана с его сыном.

— Я Мо, — сказала я, заставляя себя произнести это слово. — Я — Сосуд.

— Рад это слышать, — сказал он, кидая взгляд на хижину. — Я Доминик ДеФаудре. Давно хотел познакомиться с тобой, Маура Фитцджеральд. Не ожидал, что встретимся так.

Поднялся горячий, завывающий ветер, разметал волосы, хлестая ими по лицу. Мох, свисающий с деревьев, закрутился, раскачиваясь туда-сюда.

— Констанция! — Я повернулась к дому.

Даже на таком расстоянии, магия горела на коже, но я заставляла себя не обращать на это внимание.

— Доминик, — сказала женщина.

Мать Люка? У Люка есть мать? Он никогда не упоминал о ней прежде. Она убрала пальцы с его руки и деликатно подтолкнула.

— Давай, иди. Это пойдёт на пользу вам обоим.

На пользу? На пользу отцу и сыну пошла бы совместная игра в гольф на поле. Спасение Констанции от атаки грубой магии в моих глазах не подходило под это описание. Даже

выражение лица Доминика было больше похоже на гримасу, чем на улыбку, но он поклонился нам.

— Дамы.

На всё более усиливающимся ветру, он зашагал к лачуге, придерживая одной рукой шляпу. Если у меня и были какие-то сомнения в том, что он действительно отец Люка, то в этот момент они рассеялись окончательно. Мужчина бодро шёл навстречу катастрофе, как будто не существовало другого такого места, где он хотел бы находиться в этот момент, как будто каждый день боролся с грубой магией, сразу как выпет кофе с молоком, но ещё до того, как решит кроссворд. Не удивительно, что Люк всегда оставался таким спокойным, когда появлялись проблемы.

— Я уверена с твоей подругой всё будет хорошо. Некоторым из нас переход даётся труднее, чем другим, — сказала мать Люка, когда мужчина зашёл в дом.

Её голос был мягким, но его хорошо было слышно, несмотря на шум.

— Я Маргарет, — добавила она. — Я давно надеялась встретиться тебя, хотя конечно было бы лучше, если бы это случилось не при таких условиях. Давай присядем?

Стульев не было, но она подняла руку, раскрыла ладонь и заросшая сорняками, пыльная трава превратилась в нечто, напоминавшее поле стадиона Ригли-фильд. Магия пугала меня, но даже я должна признать, что временами она очень даже полезна.

— После тебя, — сказала она.

Мои ноги дрожали, и я с благодарностью опустилась в пышную траву. Маргарет последовала моему примеру, изящным движением поправив юбку.

— Ты выглядишь не очень здоровой.

Я снова потянула за блузку, чувствуя себя неряшливой.

— Это из-за магии, в школе... она зацепила меня.

Она коротко закрыла глаза тусклого, зеленого цвета, которые были и вполнину не такие яркие, как у её сына.

— Нет. Причина в другом.

— Я в порядке, — сказала я.

Мне всё утро было плохо, но если начту сейчас жаловаться, то почувствую себе тряпкой. Маргарет укоризненно улыбнулась, будто слышала ложь в интонации моего голоса.

— Сейчас намного важнее помочь Констанции. У неё больше никого нет.

— У неё есть ты.

— Я не её сестра.

Она, должна знать, что Эванджелина мертва, и так как Верити тоже погибла, нет никого, кто смог бы ввести её в мир Дуг. Я бесполезна. Несмотря на поток и магию, которая протекла по моим венам, словно кровь, у меня нет собственных сил. Я знала больше о квантовой физике, чем о магии.

— Люк часто говорил о ней. — Она сочувственно положила руку на мой рукав. — Трудно представить, что её на самом деле больше нет, не так ли?

Что-то в её мягком вопросе заставило меня ответить честно.

— Я скучаю по ней. Все ещё. Всё время.

— Ещё бы. Такая потеря и к тому же так неожиданно... Для траура невозможно составить расписание, Мо.

Слова были неожиданно утешительными.

— Большинство людей смотрят на это по-другому.

— Большинство людей не испытывали такого рода печаль. — Тень пробежала по её лицу. — Надеюсь, мой сын не один из тех, кто сказал тебе этот вздор. Он должен знать лучше.

— Я думаю, Люк понимает. Он тоже скучает по ней. — Я вспомнила, каким он был опечаленным, когда сказал, что Верити умерла, с каким ласковым жестом положил букет дельфиниумов на её могилу. В каком-то смысле, эта потеря объединяла нас.

— Да. — Она чопорно вытерла краешек глаза. — Он показывает своё горе не так, как большинство. Он настолько сдерживает свои эмоции, что я не уверена, знает ли он, какой это причиняет ему вред.

Я вырвала травинку, удивлённая дрожью в её голосе. Казалось странным, что она была так подавлена разговором о Верити, хотя они никогда не встречались. Через поляну пронёсся крик Констанции и несколько черепиц оторвались от крыши и приземлились поблизости. Маргарет сжала мою руку, когда я собиралась встать.

— Люк позвал отца не просто так. Я бы не советовала всегда полагаться на этих двоих, — добавила она с лукавой улыбкой, напоминая мне Люка, — но уверяю, она не могла бы оказаться в более надёжных руках.

Я наблюдала за хижинкой, которая казалась качается от всплесков энергии.

— Они же помогут ей? Люк действительно настолько хорош, как говорит?

— Лучше, — сказала Маргарет, так уверенно, что я поверила. — На самом деле, даже лучше, чем он думает. Но я бы не хотела, чтобы он возгордился, поэтому лучше не упоминать об этом. Ты ведь понимаешь.

Я не смогла сдержать смех, он просто вырвался, она засмеялась со мной, но уже через секунду снова стала серьёзной, и не могла посмотреть мне в глаза.

— Его ожидают великие дела, а он и наполовину этого не понимает. Судьба не ошибается, знаешь ли. Она не призывает того, кто не достоин.

— Судьба?

Не удивительно, что Люк всегда говорит о ней, раз Маргарет в неё верит.

— Когда я так говорю, звучит очень напыщенно, не так ли? Боюсь, когда ты замужем за патриархом — это неизбежно. Всё всегда такое торжественное и величественное. Думаю, когда подойдёт очередь Люка, он будет другим, но это будет также зависеть...

— От чего?

Прежде чем она успела ответить, на маленькие кусочки разлетелось окно, взрыв был таким громким, что мы вздрогнули. Маргарет склонила голову набок, прислушиваясь, но не стала оглядываться. Вместо этого она уставилась в точку чуть выше моего плеча.

— Вы... не видите?

О, Б-же. Как я могу быть такой грубой? К матери Люка? Я должна была заметить, что она следует за звуком моего голоса, а не за движениями, а также то, как Доминик вёл её через поляну.

Она слегка пожала плечами.

— Как я уже говорила, некоторым людям переход даётся труднее, чем другим.

— Простите. Люк никогда не рассказывал об этом.

Он никогда не говорил мне о своей семье.

— Когда бы он успел?

Да, действительно, но мои внутренности свело судорогой от смущения. Как я только могла проглядеть? И почему никогда не спрашивала Люка о его семье? Он много знал о

моей. Почему проявил такую сдержанность? Я сомневалась, что причиной молчания могла быть его небрежность.

— Не жалея меня слишком сильно. У меня есть другие способности. — Она замолчала. — Стало тише. Ты чувствуешь это?

Воздух, казалось, постепенно разрядился, ветер сменился в приятный бриз. Звуки треска и сотрясения, исходившие от хижины, мало по малу ослабели.

Я вскочила на ноги:

— Могу я войти внутрь?

Маргарет закрыла глаза.

— Теперь там должно быть безопасно. Можно взять тебя за руку?

Меня охватил стыд. Я была готова ринуться вперёд, оставив маму Люка сидеть на земле посреди Байу. Какое же хорошее первое впечатление я оставила о себе! Я помогла ей встать, и она взяла меня под руку.

Когда мы приблизились к хижине, я оглянулась и увидела, как исчез зелёный травяной покров. Отличный трюк. Маргарет наверняка была бы знаменитостью у соседей в моём районе.

Люк открыл дверь, одной рукой упираясь в верхнюю часть дверной рамы, и я чуть не споткнулась на неровной поверхности. Я совсем забыла, насколько он красив, его мускулистое тело и лицо, будто вырезанное из янтаря. Магия лишь усиливала этот эффект. Линия на моём запястье начала сильно пульсировать, и я бездумно шагнула прямо к нему. Он ухмыльнулся, немного устало, чем обычно, но также заносчиво.

— Маман, — сказал он, не отводя от меня взгляда, в его глазах сверкали азарт, вызов и горячность. — Спасибо за заботу о Мышонке. Что ты думаешь о моей девушке?

Прежде, чем я смогла напомнить ему, что вовсе не его девушка, Маргарет, не колеблясь, вышла вперёд и легонько ударила Люка кулаком по плечу.

— Думаю, тебе надо проверить голову, если считаешь, что представил её надлежащем образом.

Он рассмеялся и обнял ее, затем снова повернулся ко мне:

— Мышонок, это моя маман, Маргарет ДеФаудре. Маман, это Маура Фитцджеральд, не все называют её Мо.

— Но не ты, — заметила она.

— Я особенный.

Она снова нежно стукнула его.

— В любом случае ты очень самонадеян, сын.

— Констанция, — сказала я. — Я хочу увидеть её.

— Конечно, хочешь.

Энергичным движением, он проводил меня в хижину, пройдя мимо отца, к шаткой койке.

Констанция лежала на кровати, белая как полотно, влажные от пота волосы прилипли к лицу. Но её дыхание было ровным и кровотечение остановилось.

— Она в порядке?

— Как рыба в воде, — сказал Люк. — Или птица в воздухе. По крайней мере полагаю, что это воздух.

Меня накрыло волной облегчения, а пальцы Люка легонько, словно крылья бабочки, провели по моей руке.



— Прошу, давайте выйдем. — Не дожидаясь ответа, Доминик переступил порог открытой двери, его шаги сотрясли всю хижину.

Я, нахмурившись, оглянулась на Констанцию, но Маргарет коснулся моей руки.

— Я посижу с ней.

— Спасибо Вам, — сказала я, и Люк пододвинул стул поближе к кровати, а затем проводил к нему Маргарет. Она опустилась на стул с такой грацией, на которую я не была бы способна даже спустя столетие и взяла Констанцию за руку.

Я пригладила волосы Констанции и поправила тонкое одеяло. Люк неподвижно стоял у разбитого окна.

— Терпение никогда не было сильной чертой твоего отца, — сказала Маргарет.

Какое-то время он ещё стоял неподвижно. Потом обернулся, протягивая руку.

Готова Мышонок?»

Я колебалась, затем вложила пальцы в его руку и последовала за ним на крыльцо.

Рядом с тем местом, где ждали мы с Маргарет, Доминик углубился в разговор с двумя другими людьми — пожилой женщиной, опирающаяся на трость и стареющим хиппи с залысынами. Никто из них не выглядел радостным. В нескольких шагах позади группы, находились три отдельно вырезанные в воздухе двери, каждая обведена определённого цвета пламенем. Пространство внутри было бесконечно чёрным. От него исходил ледяной воздух и ложился на колючую траву.

— Кто они?

— Кваторы, — сказал он поморщившись.

— Это плохо, не так ли? — Я не могла представить себе, почему они могли заинтересоваться Констанцией.

— Уж точно не хорошо.

И до того, как я смогла спросить что-нибудь ещё, Люк потащил меня через поляну.

## Глава 5

Когда мы подходили к Кваторам, Люк крепче сжал мою руку. Свободной рукой я убрала со лба мокрые от пота волосы. Доминик ждал, пока мы остановимся, а Люк опустил голову и пробормотал приветствие в адрес незнакомцев.

— Паскаль, Орла, — сказал Доминик, кивая мужчине и женщине. — Я хотел бы представить вам Мауру Фитцджеральд. Сосуд. Паскаль и Орла — старейшины земли и воздуха.

— Рада с вами познакомиться, — сказала я. Мои слова прозвучали больше как вопрос, чем утверждение.

Паскаль смерил меня взглядом и поправил оправу очков, пока молча шевелил губами. Орла коротко и неприветливо кивнула, прежде чем снова обратится к Доминику.

— Ты уверен?

— Конечно. Девочка принадлежит к твоему Дому. Проверь сама, если не веришь.

Орла бросила взгляд на хижину и поджала губы так, что её оранжево-красная помада разошлась по морщинкам вокруг рта.

— В этом нет необходимости.

— Хорошо. Нужно как-то разрулить ситуацию. Ты тоже идёшь с нами, — сказал Доминик и кивнул в мою сторону.

Люк, слегка нажав на руку, попытался задвинуть меня за свою спину, но я не дала.

— Пойти с вами? Куда? С какой стати? — Я посмотрела на мерцающие двери в Межпространство. — Я не могу оставить Констанцию одну.

— С девочкой всё в порядке, — пояснила Орла. — Маргарет присмотрит за ней.

— Мы должны вернуться в Новый Орлеан, — сказал Паскаль. — Нас ждёт работа.

— При всём уважении: единственное место, куда я должна вернуться, это Чикаго. Констанции необходим врач, а я должна быть сейчас на третьем уроке.

— Прости, но об этом не может быть и речи. С магией что-то не так, — сказал Доминик. — То, что силы Дуги проявляются таким образом, совсем не типично. Но это случается всё чаще, даже с детьми, которые намного моложе девочки, что лежит там на кровати.

— Её зовут Констанция Грей, — резко сказала я. — Она младшая сестра Верити.

— Нам хорошо известно кто она. — затараторила Орла.

— Дело в следующем: когда ты переформировала Линии, что-то изменилось. Магия стала сильнее, более дикой, как будто бунтует. Она подвергает людей опасности. — Доминик посмотрел на меня явно в смятении.

— И вы думаете, это моя вина?

— Поосторожнее, — пробормотал Люк. Всё это время он как-то странно молчал, а сейчас встал на их сторону? Я вырвала руку из его хватки.

— Вина — слишком громко сказано — уклонился Доминик. — Мы считаем, что ты можешь исправить все возможные повреждения.

— Я не знаю, что там не в порядке. Я восстановила Линии, как вы этого хотели. Так ведь говорилось в пророчестве, не так ли? Я должна была заново сформировать Линии, сдержать Разрушительный поток и спасти мир. Это я и сделала.

Был одно мгновение, когда я находилась в самом эпицентре потока и поняла всё, что происходит.

Я раскусила саму природу Магии и основы мира. Но как только Люк вытащил меня оттуда, это знание тут же испарилось как туман на утреннем солнце.

Тем не менее, одно осталось по-прежнему неизменным:

— Линии были в равновесии. Они были здоровыми. Всё должно было быть в порядке.

Заговорил Паскаль:

— Проблема кроется в самой Магии, а не в Линиях. Ты — единственный человек, с которым мы знаем, переживший столкновение с грубой Магией. Из этого следует, что ты также единственная, кто может починить её.

Логично, конечно. Но не было никаких гарантий, что я переживу это во второй раз.

— Мы все в опасности, — добавил Доминик. — Заклинания и действия Магии становятся без предупреждения разрушительными. Магические силы пробуждаются у детей моложе Констанции. Знаешь, что случилось бы, если бы Люк не вытащил вас оттуда? Школа бы просто взорвалась, а потом бы появились Сумрачные. Тебе стоит узнать, что они становятся всё сильнее. Всякий раз, когда грубая Магия переливается через край, Сумрачные следуют за ней по пятам как собаки-ищейки.

Я не смогла сдержать дрожь. Сумрачные. Подлые убийцы, не пощадившие Верити. Кошмарные создания, невероятно быстрые и сильные, готовые растерзать каждого, кто встанет между ними и банкетом из грубой Магии. Воспоминание, будто вспышка снова возникла перед моим внутренним взором: выгнутый, белый как кость, коготь, блестящий от крови, как он тянется ко мне.

— Это из-за тебя всё так происходит, — сказала Орла. — Теперь ты должна всё исправить. И мы тратим время, пока спорим.

Во мне проснулся страх, покрыв кожу потом. Я изо всех сил пыталась сдержать дрожь в голосе.

— Мне нужно в школу. И на работу. У меня... своя жизнь. Вы не можете требовать, чтобы я отказалась от неё.

Все три Квартора уставились на меня. Было очевидно, что именно этого они от меня и ждут. Я посмотрела на Люка в ожидании, что он скажет своему отцу, что так не пойдёт, что я не могу помочь, что они выбрали не ту девушку, и это уже не в первый раз. Но он не отрывал взгляда от пыльной травы под ногами.

— Нам нужна твоя поддержка, — сказал, наконец, Паскаль. — Без тебя мы, возможно, не сможем найти решения.

— Ваше решение звучит так, будто я должна сделать за вас всю самую грязную работу. И хотя мне очень жаль, что появились проблемы, но не я этому причина. Я привела Магию в порядок. Теперь я должна привести в порядок свою собственную жизнь.

Орла презрительно спросила:

— Неужели ты настолько любишь свою жизнь Плоской, что ставишь её превыше нужды всего нашего народа? Тогда забирай эту девочку с собой.

С высоко поднятой головой, она обратилась к другим:

— Она родом из Плоских и дочь предательницы, и мой Дом не хочет иметь с ней ничего общего.

— Давайте лучше не будем говорить того, чего не имеем ввиду всерьёз, — вмешался Доминик.

— Каждое моё слово серьёзней некуда, — сказала Орла. — Дом Рафаля не будет претендовать на эту девочку. Я не хочу иметь ничего общего с Плоской, не важно Сосуд она или нет. Мы найдём другое решение.

Она развернулась на каблуках и зашагала прочь, причём её палка глухо стучала по земле. Для пожилой женщины она была удивительно быстра. Доминик порывисто кивнул Паскалю, который испытующе осмотрел меня, прежде чем последовать за Орлой. Спустя мгновение прозвучал хлопок, похожий на звук выстрела, и оба исчезли в Межпространстве.

Доминик хмуро посмотрел на меня.

— Знаешь, она не права. Нет никакого другого решения. Паскаль рассмотрел этот вопрос со всех возможных сторон, как он обычно всегда делает. Нам необходима твоя помощь и времени у нас не так много.

— Вы ждали целый месяц, — вставил своё слово Люк. — Не повредит, если вы дадите ей ещё немного времени, чтобы прийти в себя.

Доминик кивнул.

— Сумрачные направлялись туда? В св. Бригитте? — Я не была подготовлена к тому, что магия ворвётся в мой мир. С какими бы проблемами я не сталкивалась в реальной жизни, они ничто, по сравнению с неприятностями, которые могут вызвать Сумрачные.

— Поэтому-то я и перенёс вас сюда, — сказал Люк. — Магия была направлена на Констанцию, а не на школу. После того, как я вытащил её оттуда, там не осталось ничего, что ещё могло бы заинтересовать Сумрачных. Здесь же — всё безлюдно, и на многие километры вокруг нет не единой важной Линии, а значит и совсем мало Магии, которую они могли бы поглотить.

— Хороший план, — сказала я, с удивлением заметив, что мои ноги дрожат. — Даже очень хороший план.

Он пожал плечами, но улыбка, заигравшая на его губах, показала, что он обрадовался.

Когда мы вошли в хижину, Маргарет что-то тихо напевала, а Констанция спала. Цвет её лица казался здоровее и дыхание нормализовалось. Орла намекнула, что это лишь временно. Сколько времени осталось у Констанции?

Доминик, с неожиданно нежным жестом, помог Маргарет подняться.

— Мы уходим.

— Мы же только познакомились с Мо, — запротестовала та. — Остаться ещё ненадолго не помешает.

— Орла рассердилась. Лучше нам успокоить её, — сказал он, бросив на Люка косою взгляд, который казалось предостерегал и в тоже время упрекал. — Мы ещё поговорим. В ближайшее время.

Люк снова взял меня за руку, но я высвободилась, чтобы понаблюдать за Констанцией.

Маргарет улыбнулась мне. — Было очень приятно познакомиться с тобой. Люк... — Он склонился к ней, и она поцеловала его в щёку. — Веди себя хорошо.

Я могла бы поклясться, что он покраснел. Доминик слегка приподнял шляпу и потянул Маргарет на улицу. Через мгновение мы услышали громopodobный звук, оповещающий об их путешествии через Межпространство. Люк опустил на один из покосившихся стульев и высокомерный вид, который он продемонстрировал перед Кваторами, исчез. Кожу начло покалывать, как казалось происходило всегда, когда мы оставались наедине.

— Твои родители кажутся... — Я искала слово, которое подошло бы и к Маргарет, и к Доминику. «Как день и ночь», сказал бы мой дядя. — Они кажутся милыми.

Он повернул голову сначала в одну, потом в другую сторону, чтобы снять напряжение.

— Маман — да. Мой отец больше похож на тебя.

— Не милый? — Из уст кого-нибудь другого это прозвучало бы оскорбительно. Но из уст Люка это было больше похоже на комплимент.

— Он играет важную роль. Для любезности не остаётся много места.

Конечно. Я никогда не была для Люка «просто Мо». Я всегда была «Сосудом», той, которая судьбой предназначена ему в спутницы. Но я не была уверена, верю ли в судьбу. И я хотела иметь мужчину, который желал бы именно меня, а не пророчество, которому я бросила вызов.

Мне хотелось поругать его, но он казался таким усталым, лицо, измученное заботами и с кругами под глазами. Иметь дело с грубой Магией — это очень опасная, напряжённая работа, и он выполнил её только потому, что я попросила. Моё раздражение постепенно прошло.

— Спасибо за помощь.

Он закрыл глаза и медленно выдохнул.

— Я помог тебе. Она лишь случайно оказалась в комнате.

На кровати шевельнулась Констанция.

— Нам сейчас лучше вернуться домой. Наверняка другие скоро заметят наше отсутствие.

— Дай ей немного отдохнуть. И себе тоже.

Я обошла осколки, которыми был покрыт пол, и присела на другой стул. Люк медленно поднял руку, произнёс слова заклинания и осколки полетели на своё место. Трещины

вспыхнули красным, а потом соединились прямо на моих глазах, образовав новое оконное стекло. Классно, когда умеешь, вот так, без особых усилий, чинить вещи. С таким навыком, было бы совершенно всё равно, если что-то сломаешь.

— Прошёл месяц, — сказал он. — Как ты его провела?

— Думаю, хорошо. Принимая во внимание обстоятельства.

Он кивнул, и я могла себе представить, что он, вероятно, чувствует то же самое.

— Куджо ещё болтается вокруг тебя?

— Колин все ещё рядом, да. — Это было самое безобидное объяснение, которое я могла придумать, особенно сидя перед Люком.

— Какая жалость! Для этого ведь нет никаких причин, — сказал он. — Если Серафимы действительно нацелились на тебя, Куджо ничем не сможет помочь.

— Он находится рядом не для того, чтобы защищать меня от Дуг. — Если бы он был рядом именно для этого, то зуб даю, Люк был бы самым первым в списке людей, которых я должна избегать.

— Ты действительно думаешь, что Серафимы ещё представляет какую-то опасность? Мы же прикрыли их лавочку.

— Они переманили члена Квартора на свою сторону. Они убили Сосуд. — он поджал губы. — По крайней мере, попытались. Они не похожи на группировку, которая так быстро сдаётся. Мне кажется, они заново формируются и планируют свой следующий шаг.

— Ты думаешь, что они будут меня преследовать. — Что-то призрачное, скользкое шевельнулось во мне.

— По крайней мере я считаю это возможным. — Он смерил меня взглядом. — Кажется ты не особо обеспокоена.

Я наблюдала за тем, как обвешенные мхом ветви качаются на ветру, изобразив ничего не выражающее лицо. Люк был бы не согласен, если бы я снова связалась с Серафимами.

— А я должна?

Казалось, он обдумывает вопрос.

— Пока нет. Возможно даже никогда. Мы будем следить за развитием событий.

— Хорошо, тогда я начну волноваться, когда ты скажешь, что стоит.

— Раз уж мы разговариваем о плохих ребятах... Как поживает твой дядя? Он всё ещё играет в «мальчика на побегушках» у Мафии?

— Я не спрашивала.

Так было даже лучше. Отношения моей семьи с организованной преступностью довели отца до тюрьмы, что отняло у меня всякое желание, расспрашивать о вещах, о которых лучше всего было молчать. Но я и не врала себе: в правде о моей семье ничего нельзя было изменить, я лишь старалась держаться от этого всего как можно дальше. За исключением Колина, конечно. Он был исключением из правил — очень привлекательным, чрезвычайно пугающим исключением.

Констанция всхлипнула один раз и снова затихла. Я хотела встать и посмотреть, что с ней, но Люк положил руку на моё запястье.

— С ней всё хорошо, Мышонок. По крайней мере на данный момент. О чём ты только думала, когда пошла за ней?

— Я думала, что должна помочь сестре Верити.

Он резко рассмеялся.

— Я уже почти забыл. Всё, что сделала бы Ви...

— Ты не жаловался, когда я переняла её роль в пророчестве, — сказала я. — Это тоже относится к тем вещам, которые она сделала бы.

Он провёл рукой по лицу.

— Я слишком устал, чтобы спорить с тобой. Ты переняла роль Сосуда. Никто не заставлял тебя. Но поскольку ты стала Сосудом, я буду признателен, если ты перестанешь с головой бросаться в грубую Магию, как в чёртов бассейн.

— Я всего лишь хотела помочь.

— Если ты умрёшь, это никому не поможет. Особенно Констанции Грей. — он сердито посмотрел на меня. — И у тебя всё ещё идёт кровь.

Я осторожно дотронулась до своей верхней губы. Мой палец был кроваво-красным, когда я убрала его.

— Ты хочешь, чтобы я...

Я вытерла кровь тыльной стороной руки.

— Скорее всего кровотечение сейчас прекратится.

Он нахмурился.

— Ну же, Мышонок. Позволь мне поцеловать тебя и исцелить.

Я вздрогнула несмотря на жару.

— Нет, спасибо.

— Из-за Куджо? — Он соскребал отслаивающуюся краску с досок тщательно избегая смотреть на меня.

— Неужели настолько непостижимо, что я не хочу тебя целовать?

Один момент он размышлял над вопросом, а потом снова направил на меня свой пылающий взгляд.

— Хорошо. Позволь мне вылечить тебя. Без всяких поцелуев.

Капли начали падать быстрее, и я наклонилась вперёд и зажала переносицу. Пульсация в голове и боль были сильнее, чем гордость.

— Хорошо.

Я ожидала увидеть насмешку, но на его лице читалось скорее облегчение, чем торжество. Он нежно обхватил моё лицо руками. Мои глаза закрылись пока он что-то шептал, серебристые слова, которые тут же растворялись, прежде, чем я понимала их значение, и головная боль улетучилась вслед за ними. Когда я открыла глаза, пальцы Люка ещё лежали на моих щеках, а его рот был лишь в паре сантиметров от моего.

— Ты уверена? — спросил он тихим, напряжённым голосом.

Я не была уверена и когда поняла это, чуть не свалилась со стула.

— Орла сказала, что она не будет претендовать на Констанцию. Что это значит?

Он вздохнул.

— Когда кто-то обретает силы, то это не работает по принципу «нажатия кнопки». Большинство становятся сильнее постепенно, чтобы у ребёнка было время для тренировок, прежде чем он научиться обращаться со своей полной силой.

— Ты мог бы её научить, — сказала я.

— Я могу дать ей несколько советов, — сказал он. — Но она маг Воздуха. Ей нужен кто-то из её Дома, чтобы научиться контролировать силы.

— И Орла только что сказала, что Дуги, использующие воздушные Линии, не помогут ей. Она в затруднительном положении, не так ли?

Люк встал, пересёк комнату и сжал мою руку.

— Мне очень жаль. За всё.

— Паскаль считает, что я вызвала проблемы с магией. Если он прав, то это моя вина, не так ли?

Он не ответил, и я была благодарна. Ничего из того, что он мог бы сказать, не изменило бы что-либо к лучшему. Если Паскаль прав, то есть только один путь помочь Констанции — вернуться обратно в Магию. Если же он ошибается, то нет никакого способа помочь ей.

Вместо этого Люк гладил большим пальцем шрам на моей руке. Магия, которая связывала нас, ярко и чётко вспыхнула, и на какое-то мгновение я больше не чувствовала себя такой одинокой.

Кровать скрипнула, когда Констанция задвигалась.

— Она просыпается. Нам пора домой.

— Ты нужна мне, Мышонок. — его голос был таким грубым, что это вызывало боль.

— Тебе нужен Сосуд.

Уголок его рта дёрнулся, и я не могла точно сказать, была ли это гримаса или улыбка.

— Это одно и то же.

## Глава 6

Через Межпространство мы попали в комнату Констанции, которая была выдержана в конфетно-розовых и лимонно-жёлтых тонах. Она больше ей не подходила. Как и я, она изменилась — первый раз, после того как умерла Верити, и потом, когда Магия завладела ею. Я могла помочь ей лишь тем, что выдворила Люка из комнаты, надела на неё старую чистую футболку, уложила в кровать и накрыла одеялом. После утренних событий всё внутри болело, казалось, что даже на костях ушибы. Я осторожно вышла в коридор.

С похорон Верити, я больше ни разу не была у неё дома. Внешне ничего не изменилось, и в то же время всё было по-другому, и от этого становилось жутко. Дверь в комнату Верити была закрыта, и я, проходя мимо, прикоснулась к ручке из гранённого стекла. Обычно дом в стиле прерий, наполнен светом и теплом, но сегодня жалюзи были опущены и погрузили коридор в ледяную тень. Так не должно быть — дом Верити всегда был шумным и оживлённым, как и она сама.

На середине лестницы стоял Люк, на лице слабая улыбка, и разглядывал семейную фотографию Верити. Когда я подошла ближе, стараясь не смотреть на неё, он протянул руку и мягко сжал мою.

Мы пошли дальше по лестнице.

— Что мне ей сказать? — спросила я.

— Ты же всегда говоришь, что нужно говорить правду, — ответил он. — Попробуй сказать и ей.

— Она вспомнит о том, что случилось?

— Вероятнее всего — отрывками. Позаботься о том, чтобы она не переволновалась.

— Почему?

— Пока что она не в состоянии использовать Линии, не сможет произносить заклинания по всей форме, но я не хочу увидеть, что случится, если она разозлится. — Он покачал головой.

— Она нуждается в обучении. — Я присела на самую нижнюю ступень, и он плюхнулся рядом, так, что его бедро задело моё. — Возможно твой отец сможет поговорить с Орлой и убедить её принять другое решение.



— Не так-то это просто. По крайней мере, не в отношении Орлы и остальных.

Я инстинктивно замерла.

— Твой отец член Квартора.

— Тебе это и так известно.

— У него есть более важные дела, чем хлопотать за девушку, которая даже не из его Дома. Я понимаю, почему там была Орла. Но зачем притащился Паскаль? Он был там не из-за меня. Они могли бы найти меня в любое время, когда пожелают. Но если что-то подобное происходит со многими детьми, почему вдруг члены Квартора особенно заинтересовались Констанцией?

— Эванджелина мертва, что делает Констанцию единственной кровной родственницей главы рода. Существовала возможность, что она окажется Водяной Дугой. В таком случае, она стала бы наследницей Эванджелины и переняла руководство над её Домом.

— Но она же Воздух, а не Вода.

— Нет, — сказал он, и в его голосе прозвучало что — то похожее на грусть. — Теперь она всего лишь отпрыск предательницы. У Кварторов нет никакой причины помогать ей или позволить помочь кому-то другому.

— Если что-то подобное произойдет снова, до того, как она станет немного опытнее... — Я закрыла глаза и снова увидела, как Констанция лежит, распластавшись на полу уборной. — Они должны помочь ей. Должны.

— Они Кварторы. Они ничего не должны. — Он провёл рукой по волосам и тёмные пряди упали ему на лицо. Он посмотрел мне в глаза. — Но они это сделают. За определённую цену.

И внезапно всё моё тело будто налилось свинцом. Это тот Люк, которого я помнила. Для него было всё сделкой, обменом, договором.

— Цена — это я.

— Орла не из тех, кто легко меняет решения. Но я знаю этих людей. — Я слышала в его голосе отчаянье. — Большую часть жизни меня обучали быть одним из них. Они никогда не признаются в этом, но ты нужна им, и это означает, что ты можешь оказать на них давление.

По крайней мере это мне хорошо знакомо.

— То есть я могу предложить им сделку. Моя помощь в обмен на кого-то, кто позаботится о Констанции.

— Это называется альянсом. Договором, который скрепляют Магией. Он не из числа того, к чему можно отнестись легкомысленно.

— Ты уверен, что они согласятся?

— Никогда нельзя быть уверенным в том, что сделают Кварторы, но это единственный шанс, который у вас есть. У вас обоих.

Я посмотрела вверх, мимо семейной фотографии, пытаюсь не обращать внимание на сходство Верити и Констанции.

— Мне надо сначала подумать.

— Кварторы не будут долго ждать. Я поговорю с ними. — Он встал и помог подняться мне. — Тебя подбросить в твою шикарную школу?

Мне стало нехорошо при мысли снова оказаться в Межпространстве, но я не хотела предстать перед Люком слабой.

— Я должна позвонить её матери. А ты иди уже вперёд.

— Как же ты тогда вернешься? — Спросил он. Поскольку я не ответила, он забарабанил

пальцами по перилам лестницы. — Куджо.

— Он не сдаст меня. — Если не слишком зол. — Расскажешь потом как всё прошло?

— Конечно. — Он сделал шаг в мою сторону, а я попятилась назад. — Месяц длился дольше, чем я себе представлял. Я скучал по тебе.

Я почувствовала, как моя кожа под его взглядом стала горячей, и была слишком растерянна, чтобы ответить.

Он снова улыбнулся.

— До встречи, — сказал он и исчез.

В то время, как Констанция спала, я позвонила её маме на работу, затем сделала глубокий вдох — то есть глубоко вздохнула и выдохнула несколько раз — и набрала номер Колина.

— Почему ты не в школе? — Никакого «привет», заметила я. Плохой знак.

— Откуда ты знаешь?

— Твоя подруга рассказала. Та, что немного сумасшедшая.

Я застегнула змейку на кофте с капюшоном, которую одолжила у Констанции. Она прикроет капли крови на моей блузке, если не слишком приглядываться.

— Лена.

— Она слишком много говорит.

— По сравнению с тобой даже пантомимы много говорят.

Он прорычал:

— Она принесла твою сумку. Сказала, что ты сбежала и думала, что, возможно я знаю куда.

Это было умно со стороны Лены, дать знать Колину, что что-то происходит, не привлекая внимания школы. Я была обязана ей. Очень многим. Снова.

— А я не знаю. — Он казался напряженным, но сдерживал себя. Если я не начну скоро объяснять, он скорее всего взорвётся.

— Я у Верити дома. Её младшей сестре... стало плохо. Я отвезла её домой.

Я знала, что он заметит заминку в моём ответе, но я чувствовала, что ещё не готова рассказать ему обо всём. Как только я сделаю это, всё снова измениться и появятся ещё больше препятствий между нами, хотя их уже и так было предостаточно. Я не могла остановить это развитие событий, но хотела задержать, пусть даже только на мгновение.

Он сделал вдох, и я представила себе, как он потер лоб и подготовился.

— Как?

— Как что?

— Как вы попали к ней домой? — спросил он резким тоном. — Я тебя туда не отвозил. Ты не ехала на автобусе. Твоя подруга знала бы, если бы ты уехала с другой ученицей. И поскольку твой портфель здесь — такси ты тоже не брала. Поэтому я задаюсь вопросом, как же ты смогла довезти сестру Верити до дома.

Я закрыла глаза.

— Можешь забрать меня? Пожалуйста?

Дверь машины захлопнулась и когда я открыла глаза, то увидела, как по ступенькам поспешно поднимается мать Верити.

— Я должна заканчивать.

— Ты сказала, что с этим покончено, — сказал он так тихо, так что я еле разобрала отдельные слова.

Я хотела сказать что-то в своё оправдание, но он уже положил трубку.

## Глава 7

Я подождала несколько секунд, прежде чем последовать за миссис Грей наверх.

— Мо сказала, что тебе стало плохо, — как раз говорила она Констанции, которая с бледным лицом опиралась на локти. — Думаешь, это из-за того, что ты что-то не то съела?

Констанция прищурившись, посмотрела на меня поверх плеча матери. Люк был прав — она явно всё помнила.

— Это Мо так сказала? Что же, ей лучше знать.

Я попыталась отделаться шуткой.

— Я не совсем доверяю этим буррито из кафетерии, которые нам подали сегодня на завтрак. Выздоровливай. — добавила я. — Я навещу тебя скоро.

Миссис Грей обернулась, но я отмахнулась.

— Я сама найду дорогу.

Она бросила мне благодарный взгляд, но выражение лица Констанции было отнюдь не доброжелательным.

В детстве я проводила у Верити дома столько же времени, сколько и у себя. Я знала, как скрипит третья ступенька, когда на неё кто-то наступает, и насколько гладкой кажутся под пальцами обветшалые перила. Я знала путь, по которому проходило полуденное солнце в прихожей. Сейчас оно освещало беспорядок на столике — стопку нераспечатанных писем, которая так и норовила опрокинуться, чашку чая, которая уже так долго там стояла, что вся жидкость испарилась, оставив рыжеватое пятно. Я провела пальцем по краю столика и подняв его, заметила, что он покрыт пылью. Дом Верити всегда был беспорядочнее, чем мой собственный — более хаотичный и живой. Хотя мой дом и был прибран, но никогда, даже в некоторой степени, не излучал такого тепла.

Этот беспорядок был не такой, как обычно. Он казался унылым, будто со смертью Верити, и все остальные жители дома померкли. Я пыталась присматривать в школе за Констанцией, но она ясно дала понять, что ей не приятно моё общество. В церкви Грей держались особняком и почти никогда не оставались выпить чашку кофе. Моя мать сказала, что миссис Грей больше не работает на общественных началах и не украшает алтарь. Им всё давалось с трудом, больше, чем когда-либо раньше, с тех пор, как Эванджелина, якобы, уехала обратно в Новый Орлеан, не попрощавшись. Иногда мне хотелось рассказать им правду, но она причинила бы ещё больше страданий.

Эванджелина действовала не в одиночку. Иногда в два часа ночи я размышляла об этом, когда мне снова снились кошмары, или слышалось шуршание белки на крыше или внезапное завывание неисправной, выхлопной трубы, напоминали мне о Сумрачных. Тогда я лежала в постели и думала о Серафимах, о всех жертвах их крестового похода, и проделанная месть, казалась мне недостаточной. Но я каждый раз подавляла жажду мести, боясь, что она окажется опаснее, чем магия, с которой я соприкоснулась.

Когда я вышла на улицу, то тут же обхватила себя руками, защищаясь от ноябрьского ветра. Небо всё ещё было ярко-голубым, хоть и приближалась зима. Пёстрая листва скоро станет влажной и размокшей, а солнце превратится в тусклый свет на сером, как сталь небе. Я всегда знала, что принесут с собой следующий день, следующая неделя и следующий месяц. С тех пор, как Верити умерла, и я встретила Люка, я боролась с чувством головокружения, с пугающим предчувствием, что ничего и никогда уже не будет так, как я

планировала.

Грузовик Колина грохоча, проехала вдоль бордюра, под гигантским красным клёном, который ещё не потерял большую часть своей листвы. Старый красненький фورد был усеян многочисленными ржавыми пятнами. Самое ценное в нём был ящик для инструментов из полированной стали, который был прикреплен к погрузочной площадке и закрыт на висячий замок, размером с мой кулак. Типично для Колина. Внешне сохранять анонимность, не выделяться. Самое важное прятать, как сокровище.

Я задавалась вопросом, думал ли он обо мне точно также.

В меняющейся игре света и тени было очень трудно различить черты его лица, но это не играло никакой роли. Я знала, каково выражение его лица, и не была в восторге от этого.

Я села в машину, вдохнула запах свежего кофе, древесных опилок и мыла и сосредоточенно принялась застёгивать ремень безопасности и подгибать юбку под колени. Колин наблюдал, заметив мои взъерошенные волосы и пятна крови на воротничке. Я не хотела, чтобы он вот так разглядывал меня и составлял список полученных мной повреждений. В последнее время Колин, однако, не особо заботится о том, чего хочу я.

— Я могу ещё успеть к последним урокам, — сказала я, — но мне нужно сначала переодеться.

Он поехал, поджав губы и с горящими глазами по боковым улицам к нашему дому. Я подняла руки, хотела начать разговор, но всё же промолчала. Так продолжалось всю поездку, в то время как мой желудок переворачивался от нервного ожидания.

Колин выключил мотор, и мы сидели на подъездной дороге, никто из нас не собирался выходить из машины.

Я крепко прижала руку к шраму, который пересекал ладонь другой руки и пыталась подавить дрожь.

— Итак, — наконец сказал Колин едким тоном, — как прошёл твой день?

Мой позвоночник согнулся под тяжестью его мрачного гнева, он был осязаемым. Затем я выпрямилась. Я не сделала ничего такого ужасного. Колин должен был бы понимать лучше, чем кто-либо другой, что надо помогать тому, кто оказался в опасности. Это была его работа, как он любил напоминать мне, практически, смысл его существования. Только потому, что опасность, угрожавшая Констанции, была магическая, а не обыденная, далеко не означало, что я могу её игнорировать.

— Магические силы Констанции пробудились в школе и вышли из-под контроля.

— И ты вмешалась.

— Я должна была оставить её умирать? Сестру моей лучшей подруги?

Он медленно потянул за собачку молнии и открыл испорченную блузку. Я неподвижно за этим наблюдала.

— Многовато крови, — сказал он.

Я накрыла его руку:

— Со мной всё в порядке.

Он повернул свою ладонью вверх, и переплёл пальцы с моими. Я почувствовала себя в безопасности.

— Куда вы ушли?

— С Люком. — Колин знал достаточно о силах Люка, чтобы понять, что мы могли быть где угодно на земном шаре. — Он отослал меня из комнаты, пока всё не закончилось.

Вместо того, чтобы опять замкнуться, как я ожидала, он немного расслабился.

— Значит он всё-таки не полный идиот.

— По крайней мере, сегодня — нет.

Он кивнул и откинулся назад.

— С сестрой Верити всё в порядке?

— Она... отдыхает сейчас. Ей нужна будет помощь, чтобы научиться управлять своими силами.

— Но это же не твоя задача, верно?

— Нет. У меня нет никакого опыта в этом.

— Хорошо. — Он притянул наши сплетённые руки к губам. — Теперь они оставят тебя в покое?

Слова застряли у меня в горле:

— Не совсем.

Выражение его лица ожесточилось.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал он и взялся за ручку двери. — Идём, тебе надо привести себя в порядок.

Я последовала за ним в дом, ожидая, пока он отключит сигнализацию.

— Колин...

— Блузку ты может сразу сжечь, — сказал он, налил в два стакана воды из-под крана и подал один из них мне.

Я осмотрела себя:

— Ты так думаешь?

Он залпом выпил пол стакана:

— Иначе твоя мать в день стирки насторожится.

Я сделала глоток и вдруг осознала, насколько сухо у меня во рту.

— Способность моей матери, осознанно игнорировать вещи — впечатляющая, между тем тебе должно быть это известно.

— В этом ты права.

Он остался стоять перед моей комнатой, пока я натягивала на себя свежую школьную форму — прямо, идеальный джентльмен. Конечно если идеальные джентльмены работают на мафию и носят с собой один-два пистолета.

— Значит, Люк всё же снова втягивает тебя в это, — прокричал он странным тоном через закрытую дверь.

— Он меня никуда не втягивает, — сказала я, стянув и смяв отвратительную верхнюю одежду. Это конечно трусливо, но мне проще было разговаривать с ним, пока я не вижу беспокойство и раздражительность на его лице. — С магией что-то не в порядке. Кварторы думают, что это связано с тем, что я сделала. Они думают, что я каким-то образом всё изменила.

— Ну и? Ты спасла их. Они должны быть тебе благодарны, вместо того, чтобы упрекать.

Я надела на себя свежую блузку и попыталась найти правильные слова, слова, которые бы всё объяснили, не вызывая слишком сильную тревогу.

— Не то, чтобы они меня упрекали, но они должны выяснить, что происходит. Констанция не должна была попасть сегодня в опасную ситуацию.

— Это не твоя проблема.

— А что, если всё-таки моя? Что, если я как-то испортила магию и это навредило Констанции? Я не могу просто так увильнуть.

— Сейчас у тебя и своих проблем по горло, — сказал он раздраженным тоном. Магии придётся подождать.

Я застегнула колючую, клетчатую юбку и открыла дверь.

— Так лучше?

Он медленно осмотрел меня изучающим взглядом, я поджала пальцы ног. Внезапно я осознала, что Колин — всего лишь во второй раз — стоит в дверях моей спальни.

— Лучше, — согласился он.

— Знаешь, а ты мог бы и войти.

Он прислонился спиной к двери. Один из уголков его рта приподнялся в улыбке.

— Я же и так внутри.

— Не совсем. — Я почувствовала, как меня бросило в краску, поднявшуюся от шеи, но не отступила. — Ты... — я протянула руку. — колеблешься. На краю.

— И что, по твоему мнению, мне нужно сделать? Упасть?

Он направил свои тёмно-обсидиановые глаза на меня.

— Это было бы так ужасно?

— Нет, — сказал он немного подумав. — Но опасно.

— Мне всё равно.

— Да, мне это известно. — беспечно сказал он, но в том, как он на меня смотрел не было ничего легкомысленного. — Слишком многое поставлено на карту.

— Это из-за Билли?

В груди появилась тупая и сильная боль, как будто её придавили камнем. Всё остальное не имело смысла. Мой дядя имеет что-то против Колина в рукаве, тайну, какую-то информацию, средство давления, чтобы обеспечить себе лояльность Колина. Он и правда осмелился продвинуться немного вперёд — провел рукой по моим волосам, поцеловал в губы, в то время как мои пальцы пробегали по многочисленным шрамам на его спине — но в конце всё осталось неизменным, у Билли есть что-то против него. И я ничего не могу с этим поделать.

Колин посмотрел на ковёр.

— Я же тебе уже говорил, что твой дядя был ко мне добр.

— В каком смысле?

— Не хочу об этом говорить.

— Почему? Почему ты узнаёшь всё обо мне — вещи, которые я не хочу тебе рассказывать, личные вещи, неловкие вещи —, в то время, как я, совсем ничего не знаю о тебе? Почему это так?

— Это большая разница: знать кого-то или что-то про него знать.

— Что ты имеешь ввиду?

— Многие люди знают что-то про тебя.

Он оттолкнулся от стены. Его шаги в комнату были медленными и размеренными и подчёркивали его слова.

— Твой отец сидит в тюрьме. Твой дядя — мафиози. Ты — отличница в школе, которую твоя мама, на самом деле, не может себе позволить. Ты хочешь уехать в Нью-Йорк, как только сможешь. Твою лучшую подругу убили пару месяцев назад, и никто не знает почему. Ты — очень приятная, молчаливая девушка, но с лета с тобой что-то не так.

Он склонил голову набок, так близко, что я могла прикоснуться к нему, если бы у меня хватило смелости.

— Ты постоянно прогоняешь своего телохранителя.

— Это...

— Это не ты? Нет. Даже приблизительно — нет. Эти люди не знают, как сильно ты сердисься на свою семью. Они не имеют ни малейшего понятия о том, насколько далеко ты зашла, чтобы отомстить за Верити, или что таким образом причинила себе.

Я смотрела из окна, а он продолжил:

— Они не знают, как ты пьёшь свой кофе или, что ты постоянно засыпаешь, сделав лишь наполовину домашнее задание по испанскому, или как ты выглядишь, когда в тебе пылает магия. Они не знают... — он обхватил рукой мою талию и притянул к себе — ... насколько хорошо ты пахнешь, дождём и яблоками.

Его пальцы скользнули по моему бедру, и я посмотрела ему в лицо, когда он склонился надо мной.

— Я знаю тебя, Мо. А ты знаешь меня. Моё прошлое, кем я был раньше... этого тебе не нужно знать. Незачем.

Но мне всё же было необходимо это знать. Как иначе я могу ослабить влияние Билли на Колина?

Колин бережно поцеловал меня своими нежными губами. Но я устала от такой нежности. Это был ужасный день, и он не прошёл ещё даже наполовину, так что я ответила на его поцелуй, открыв рот и выпуская всю неудовлетворённость и желание, которые скопились со времён Разрушительного потока.

Глубоко в горле он издал звук, похожий на рычание, пробормотал сквозь поцелуй моё имя, и в какой-то ужасающий и неистовый момент я подумала, что он отстранится и начнёт ругать за то, что я оказываю на него давление, хотя он только что ясно дал понять, что я не должна этого делать.

А потом его рука обхватила меня за голову, в то время, как ладонь другой легла на спину, и мы, спотыкаясь, устремились в сторону кровати.

— Мы не будем этого делать, — пробормотал он, в то время, как его губы пробежали по моей щеке и прикоснулись к уху, обдав тёплым дыханием. Мои ноги почувствовали край матраса, и я упала на кровать, потянув его за собой.

— Конечно.

Это было так замечательно, чувствовать на себе его вес, и я обхватила его ногой за бедро, как будто смогу таким образом помешать ему сбежать. На вкус он напоминал миндаль, чистый и тёплый. Наконец-то, подумала я. Он столько времени потратил, стараясь оставаться благородным, хотя ведь очевидно, что это неизбежно должно произойти.

Я скользнула рукой под его рубашку. Мускулы его спины были твердыми как гранит, щрамы едва чувствовались, одна из ужасных составляющих его жизни, о которой он ничего не хотел мне рассказывать. Он замер посреди нежного целуя, прижав губы к моему виску, в то время как его пальцы уже были заняты, осторожно расстёгивая мою блузку.

— Мы не будем этого делать, — хрипло повторил он, не отрывая глаз от края моего лифчика.

— Не хочу возражать тебе, но...

Он опёрся на локоть.

— Бог мой, — прошептал он. — Ты так безумно красива.

Его пальцы провели по изгибу, там, где кружева закрывали мою кожу, и я закрыла глаза, когда почувствовала прикосновение. Моё дыхание сбилось. У него были такие красивые



руки, шершавые от столярной работы, но всё же нежные.

А затем он отстранился и оставил меня одну на холодной и узкой кровати.

— Нет. — сказала я. — Сначала говоришь такие вещи, а потом просто остаёшься.

Он снова поцеловал меня, а я выгнулась, потому что хотела чего-то, что не могла выразить словами, хотя знала, что мне это необходимо. Сузив глаза и нахмурившись, он откатился в сторону.

— Я не хочу быть таким типом, — сказал он.

— Каким? — Я попыталась придвинуться к нему ближе, но он вытянул вперёд руку и остановил меня.

— Тем, который с тобой спит, а затем требует, чтобы ты держала это в секрете. — Он закрутил прядь моих волос вокруг пальца. — Это ещё одна вещь, которую я о тебе знаю. Тебе не нравятся секреты.

— Это другое... — Так оно и есть. Мы скрывали наши... как бы там нас не захотели назвать... не из-за стыда. Это безумие моей семьи заставляло нас молчать.

— Ты уверена? За последние пару месяцев ты изменилась, но всё ещё счастлива, когда люди не обращают на тебя внимания, когда ты можешь оставаться в тени. Это будет делать сложнее, если все узнают, что мы вместе.

Покалывающее волнение разнеслось по венам, как только он произнёс слово «вместе» и придало мне смелости.

— На этих выходных в школе будет танцевальное мероприятие. Балл Сади Хавкинса. Девочки приглашают мальчиков.

— Мо...

По-видимому, я была настолько же глупа, как и смела, но я не сдавалась.

— Пойдём туда со мной. Я не хотела, потому что кроме тебя нет никого, кого я хотела бы пригласить. Поэтому я приглашаю сейчас тебя.

— Но всё ещё есть Билли.

Эти пять слов, будто валуны, уничтожили всё возбуждение.

— Ты мог бы сказать ему, что присматриваешь за мной, — объяснила я, но это слабый аргумент, и он это знал.

— Ты должна пойти туда, — сказал он и прикоснулся лбом к моему лбу. — Повеселиться от души. Провести время с подругами. Побывать ребёнком.

Я оттолкнула его.

— Ребёнком? Ты это сейчас серьёзно? Мы что опять вернулись к той же теме?

Я запахнула блузку и застегнула не сгибающимися пальцами, разрываясь между смущением и гневом.

— Я не так имел это в виду, — сказал он. — У тебя есть возможность целый вечер побыть обычной девочкой. Почему ты не используешь её?

— Потому что я не люблю ложь, — сказала я. — Почему я должна притворяться нормальной, если все знают, что это не так?

Он не ответил, растянувшись рядом со мной на выцветшем петчворк-одеяле и притянул меня к своей груди.

— Мы найдём какой-нибудь способ.

Я уткнулась лицом в его футболку и вдохнула запах его кожи. Это единственный способ, как я могу находиться с ним рядом.

— Ты всегда так говоришь, но нам это никогда не удаётся.

Я почувствовала, как его тело затряслось от смеха, но в нём не присутствовало ничего весёлого.

**Г**

## **лава 8**

После того, как Колин отвёз меня обратно в школу, у меня было ещё только время поставить сумку в шкафчик и проскользнуть на урок журналистики, последний на сегодня. Я, как могла, незаметно юркнула на своё место, но мисс Корэлли приподняла бровь и постучала по своим наручным часам. Она наверняка оставила бы меня после уроков, если бы как раз сейчас не проводилась лекция приглашённого докладчика.

Ник Пэтрос был политическим репортером «Трибуны» и несколько раз в неделю писал в разделе на странице 2. Статьи о мэре — считались одной из его любимых тем, также, как и организованная преступность и широко распространённая коррупция. Моя фамилия в настоящее время упоминалась не часто, но когда я набрала её в гугле, то выяснила, что тринадцать лет назад Пэтрос довольно сильно интересовался моей семьёй. Даже сегодня дядя жаловался на него и его «клеветническую, охотящуюся за сенсацией, так называемую журналистику».

С близкого расстояния Пэтрос казался приятным типом. На нём были штаны цвета хаки, с отглаженной складкой впереди и чёрная рубашка поло с длинными рукавами. И то, и другое было немного тесноваты на животе. Его седеющие волосы были убраны с красноватого лица и аккуратно причёсаны, на носу и щеках проступали лопнувшие капилляры, которые я часто видела у алкоголиков в Чёрной Моргане. Он не прерывал лекцию, когда я вошла. Сунув руки в карманы и прислонившись к подиуму, он продолжил говорить, но у меня было такое впечатление, будто его внимание явно перешло на меня.

Когда же он задал вопрос, что-то о беспристрастном ведении репортажа, многие школьницы из младших классов дико замахали руками, Лена толкнула меня в бок локтем.

— Ну? — спросила она уголком рта.

— Я отвезла её домой, — пробормотала я. — С ней всё в порядке.

— А вот с Колином — нет. Он был в ярости, когда я ему рассказала, что ты ушла. Что бы ты ни говорила, ты ему не безразлична.

А я и не безразлична ему; просто он был упрям. Я не была уверена в том, что из этого ужаснее.

Голос Пэтроса вырвал меня из размышлений:

— То, что известно, всегда отделено от того, что можно доказать. Я пишу, самое большее, лишь десятую часть из того, что знаю.

— Разве это не расстраивает? — спросила какая-то девочка.

Он рассмеялся.

— Конечно. Я работаю до изнурения, капаюсь в грязном белье и ищу необходимые доказательства. Но когда-нибудь всё встанет на свои места. Возможно для этого потребуется некоторое время, но тем слаще будет победа.

Лена прошептала:

— С ней точно всё в порядке?

— Да. Пищевое отравление.

Я попыталась сказать это с лёгким отвращением в голосе, чтобы избежать дальнейших

расспросов.

Лена не поверила ни слову.

— Ну, конечно...

Пётрос подошёл к нашему столу, и мы обе виновато посмотрели на него.

— Давайте-ка спросим наших главных редакторов. Скажите-ка, девочки, вы попадали во множество ситуаций, требующих моральной выдержки?

— В школьной газете? — спросила Лена. «Фанфара» и впрямь не была газетой, печатающей жёсткие следственные статьи. Мы публиковали отчеты о спортивных командах, благотворительных проектах и театральном клубе.

— В газете, в повседневной жизни, где бы то ни было. Могу себе представить, что время от времени всё становится довольно мутно.

Он внимательно смерил меня взглядом, пока говорил, а я нервно заёрзала на стуле.

— Мы — школьная газета. — сказала Лена, широко распахнув карие глаза. — Мутную писанину мы оставляем на таких людей, как вы.

Он повертелся в сторону Лены, которая склонив голову на бок, одарила его ничего не выражающей улыбкой. После долгого, неловкого момента он развернулся и снова обратился ко всему курсу.

— Не забывайте, что если хотите что-то напечатать, то должны это доказать. Если вы копнёте достаточно глубоко, то когда-нибудь наткнётесь на истину.

Лена легонько ткнула в меня карандашом и сморщила нос, чтобы снять напряжение. Я благодарно улыбнулась ей.

Мисс Корэлли встала, немного озадаченная, но всё же в хорошем расположении духа. Она наверняка больше рассчитывала на советы в выборе профессии, чем на подобную речь.

— Девочки, давайте поаплодируем мистеру Пётросу в благодарность за то, что он согласился поговорить с нами сегодня.

Мы, повинувшись, захлопали, в то время, как Пётрос взял свой плащ и портфель.

— Я оставлю вам несколько моих визитных карточек, на случай, если будут ещё вопросы.

По пути к двери, он снова остановился у нашего стола.

— Держите, — сказал он и протянул каждой из нас по карточке. — Серьёзно, если захотите зайти в «Башню Трибуны», чтобы посмотреть на новостной отдел редакции, немного поболтать, задать мне вопросы... просто приходите. Мне было приятно познакомиться с вами обоими, Лена и... Мо, не так ли?

— Да, спасибо. — Я положила карточку на стол.

— Какой-то он странный, сказала Лена, как только тот ушёл.

Для одного дня я пережила уже предостаточно странностей.

Как только мы вышли в коридор, Лена снова принялась за своё.

— Что случилось с Констанцией? Как вы обе добрались до дома?

— Я позвала на помощь одного друга. — Сложно сказать, кем был для меня Люк, но «друг» должно сойти на данный момент. — Ему хорошо знакомы подобные ситуации.

Она скрестила руки на груди.

— Хм-хм. Не Колина... Того загадочного парня? Ты же сказала, что он уехал.

— Похоже я ошиблась, — осторожно ответила я.

Мне казалось слишком рискованным, рассказывать ей больше о Люке. Для всех будет безопасней, если обе стороны моей жизни, Дуги и Плоские, не будут иметь точки

соприкосновения, но какая-то часть меня так хотела обо всём ей рассказать. Вместо этого, я слегка пожалала плечами, как будто это не важно.

— Что я пропустила?

— Прежде всего, Мессу.

Мы обошли стороной кучку девятиклассниц. Я услышала имя Констанции и опустила взгляд.

— Я сказала Сестре Донне, что День всех усопших был для тебя слишком. Ты хотела побыть одна. Я думаю, она мне поверила.

День всех усопших, когда мы вспоминаем ближних, которые покинули нас в прошедшем году. Как странно, что я забыла о нём, хотя каждый день всё ещё тосковала по Верити.

— Спасибо.

Лена усмехнулась:

— Для чего ещё нужны друзья?

Когда Колин, вскоре после этого, высадил меня возле «Слайс из райт», моя головная боль утихла, беспокойство о Констанции, напротив, осталось. Я поставила свою сумку на пол в узкой боковой комнате, которая служила моей матери офисом. Когда я доставала свои коричневые вельветовые брюки, из них выпала маленькая карточка — примерно в десять сантиметров, изготовленная из жёсткого картона — на которой извилистыми линиями был детально изображён подсолнух. Мне она не принадлежала — мои художественные навыки ограничивались фигурками из палочек и фотографиями. Кто бы её ни нарисовал, он очень сильно давил на карандаш, оставив на бумаге борозды. Наверно карточка выпала из одной из моих библиотечных книг, но она была слишком искусно-нарисована и красива, чтобы просто выбросить её. Я засунула её обратно в карман и вышла из комнаты.

После того как я старательно завязала волосы в конский хвост, я схватила фартук из стопки рядом с дверью бюро. Фартуки в Слайс — зелёного цвета, как яблоки сорта Гренни смит, с рюшками и складками — были сами по себе достаточно ужасны, но подходящий к ним головной платок — ещё хуже. Он постоянно сползал в сторону, сбивал волосы и в нём я была похожа на сумасшедшую доярку. Я взяла карандаш и блокнот для заказов, помахала Тиму, повару, и принялась за работу, как и в любой другой день в «Слайсе».

«Слайс из райт» был мне, в некотором смысле, даже больше домом, чем наш собственный особняк из оранжевого кирпича, потому что с тех пор, как отец попал в тюрьму, «Слайс» был единственным источником нашего заработка. Тогда я ещё не полностью осознавала это. Я только замечала, что мы проводили много часов в ресторане, и что моя мама была там счастливее, чем дома. Дома отсутствие отца было заметно в каждой комнате — два столовых прибора на ужин, вместо трёх, непрочитанная стопка журналов «Спорт в иллюстрациях» и «Уолл-стрит», которые скапливались, пока не истёк срок абонемента, по утрам тишина вместо смеха и щекоток. «Слайс» же, напротив, был так переполнен и оживлён, что можно было работать целую смену и не замечать, что чего-то не хватает. Постоянные клиенты всегда были рады видеть кого-то из нас, особенно, если им приносили полный чайник кофе и кусочек тёплого пирога.

Ресторан всегда был царством моей матери. Вот уже двенадцать лет она отдавала всю себя, чтобы дела в нём шли хорошо. Я была её дочерью, но «Слайс» был её ребёнком.

Обрамленная прямоугольным окошечком обслуживания, между кухней и пространством у стойки, моя мама с кем-то возбуждённо и сосредоточенно разговаривала. Заинтригованная, я вытянула шею, чтобы посмотреть, кто же её так развеселил.

Эльза Страттон? Мой бывшая адвокат решила сделать нам визит? Как-то мне не особо верилось в то, что она пришла только для того, чтобы сделать очень своевременный заказ к Дню Благодарения. Звон столовых приборов по фарфоровой посуде и шум других гостей помешал мне подслушать что-либо ещё, кроме нескольких последних слов.

— Конечно же свяжусь с вами, как только узнаю больше деталей, — сказала Эльза.

Даже с другой стороны комнаты я видела, что щеки моей матери покраснели от возбуждения, когда она и Эльза пожали друг другу руки. После того, как Эльза ушла, я прошла в раздвижную дверь.

— Что здесь нужно было Эльзе? Это про дело Верити? — Когда меня допрашивала полиция после смерти Верити, мой дядя попросил Эльзу сопровождать меня. Она была таким типом адвоката, которые вдохновляют людей на злые шутки и за один час зарабатывали больше денег, чем я за целый месяц. Я была очень рада, что она была тогда на моей стороне, а не моим противником.

— Привет, милая! — проворковала моя мама. Она вышла из-за стойки, чтобы заключить меня в объятия, перед тем как снять фартук. — У тебя был хороший день?

— Почему Эльза приходила сюда?

— О, это долгая история, а мне ещё надо в банк, а потом сделать доставку в «Шеде Акрес». Давай поговорим об этом дома.

— Хорошо.

Я должна была знать, что она никогда не разговаривает о чём-то важном в присутствии гостей.

— Я и Лена, возможно, останемся завтра в школе подольше, чтобы поработать над нашим рефератом по истории.

— Почему ты не пригласишь её сюда? Вы же можете занять один из задних столиков и позаниматься.

— Она очень занята. — И слишком наблюдательна. Если она придёт в «Слайс», то, вполне возможно, встретит моего дядю. И насколько я знала Лену, она начнёт спрашивать о вещах, которых я не смогу объяснить. Пригласить её домой казалось мне менее проблематичным. — Но она, возможно, переночует у нас в пятницу, если можно.

Если я правильно помню, Лена тоже ещё ни разу не приглашала меня к себе домой. Возможно, все её вопросы были её методом, отвлечь внимание от себя.

Я подливала в стаканы воды, а в чашки кофе, в то время, как моя мама рассчитывалась на кассе.

— Мне бы хотелось, чтобы ты попросила войти сюда Колина, — сказала она, посмотрев в окно. — Это неправильно, оставлять сидеть его там снаружи.

— Но ему так нравится. Он говорит, что для него здесь внутри слишком шумно.

Кроме того, так ему будет легче заметить, если вдруг появятся неприятности.

Она покачала головой.

— Тогда тебе следует, по крайней мере, отнести ему немного кофе. И что-то поесть. Сегодня на десерт — «груша в бренди». Или хороший кусок мясного пирога. Ему наверняка понравится.

Я поморщилась.

— Мам, мясные пироги никому не нравятся, кроме возможно людям из «Шеде Акрес».

У нас был хороший бизнес с местным пенсионом для пожилых, который находился всего в нескольких кварталах, как с клиентами, которые могли прийти, так и с доставкой на

дом. Я ещё ни разу не видела, чтобы кто-то заказывал мясной пирог, если у него не было скидки для пожилых людей.

— Тсс. — Она обеспокоенно огляделась, не обидела ли я кого-то из толпы, что приходила сюда из «Шеде Акрес», но единственным человеком у стойки была какая-то девушка моего возраста.

— Отнеси ему немного пирога, пока мы не закрылись.

На какую-то долю секунды я думала возразить. Пирог не поможет решить наши проблемы. Вместо этого я спросила:

— Кто прислал эти цветы?

Рядом с кассой стояла ваза с весёлыми, оранжево-жёлтыми подсолнухами, которые, в немного сонной атмосфере «Слайс», казались наэлектризованными. Моя мама бросила взгляд в их сторону, перед тем как пойти на кухню.

— О, ты знаешь, я не уверена. Они просто появились из неоткуда. Разве они не очаровательны?

Я вытерла мокрые руки о фартук.

— С ними была открытка?

— Я ничего не заметила. Увидимся дома. И не забудь о мессе сегодня вечером.

Я была так сосредоточена на цветах, что совсем не услышала, что она ушла. Я поискала между блестящей зеленью и огромными цветками, но моя мама оказалась права — никакой карточки. Я порылась в заднем кармане штанов в поисках рисунка, который нашла ранее, и вытащила его. Внезапно, ни набросок, ни букет больше не казались мне очаровательными. Кто-то вломился в мой шкафчик и положил карточку в сумку? Мне вспомнился Ник Пэтрос, его странный, пронизывающий взгляд, которым он окинул меня во время курса по журналистике. Может и цветы от него? Он дал мне свою визитную карточку на глазах у всего курса. У него не было причин вести себя так загадочно.

И вдруг меня осенило, будто завеса спала с глаз. Тот старикашка, в которого я врезалась по пути в библиотеку, моя сумка, упавшая на пол... как он настаивал на том, чтобы поднять её для меня... У него была возможность спрятать рисунок в ней. «Я нашёл кого искал», сказал он тогда.

Он имел в виду меня. Каким-то образом, он незаметно пробрался в Св. Бригит и нашёл меня. Он разыскал меня и здесь, но зачем? Он Дуга? Один из деловых партнёров Билли? Это случилось уже не в первый раз, что они пытались передать мне какое-то послание.

Большое окно в «Слайс» показалось мне вдруг зловещим — оно идеально подходило, чтобы выставить меня на всеобщее обозрение..., и я боролась с желанием позвонить Колину и попросить его зайти внутрь. Однако, если пожилой мужчина Дуга, мне принесёт больше пользы, рассказать о нём Люку. Колин доложит обо всём Билли, и я потеряю даже ту малую свободу, которая у меня ещё осталась. Ещё хуже — Колин переключится в режим телохранителя и ещё больше отдалится от меня. Если старик пытался показать мне, что за мной наблюдают, то он не сказал ничего нового. Я находилась под постоянным наблюдением с тех пор, как умерла Верити.

Я засунула рисунок обратно в карман, заставляя вести себя естественно. Дуга или Плоский, я не хотела выказывать испуг перед кем бы то ни было. Вместо этого я обошла мои столики, подлила кофе и убрала тарелки. Девушка у стойки всё ещё сидела там и ела яблочный пирог как воробушек. Мороженное растаяло, и она раздавила корочку вилкой, превратив всё в месиво из корочки, яблока и сливок.

— Хочешь я уберу это?

Девушка удивленно посмотрела на меня орехового цвета глазами.

— Похоже, я всё-таки не голодна.

— Нет проблем. Ещё кофе?

Белый стаканчик был пуст, хотя я наполнила его, когда пришла. Но судя по дрожи в её руках... — У меня есть без кофеина.

— Это была твоя мама? — она кивнула в сторону кухни.

Да. Это семейное предприятие, — сказала я и попыталась улыбнуться, в то время как во мне медленно расплзалась усталость.

— Ты Мо.

Я присмотрелась повнимательней. Потрескавшиеся губы, беспорядочный, русский конский хвост и вызывающий тон в голосе. Ещё одно послание от старикашки? Или игрушка Серафимов?

Я настороженно провела пальцам по запястью, задаваясь вопросом, может ли она чувствовать мою связь с Люком. Если да, тогда, возможно, она не станет нападать сразу, не в том случае, если я могу так быстро позвать его.

Я указала на мою именную табличку из пластики.

— Похоже на то, не так ли?

— Мо Фитцджеральд.

Я поставила кофейный чайник на стойку.

— Я так и не поняла, как зовут тебя.

Она убрала прядь волос с лица.

— Дженни Ковальски, — сказала она, подняв голову и пытаясь выглядеть смелой. — Мне кажется, ты знала моего отца.

Вот черт. Не магия, так другие неприятности.

## Глава 9

— Ты Дженни?

Теперь и я сама это увидела, по форме носа, цвету волос, и глаза были тоже немного похожими. У неё была натренированная, мускулистая внешность бегуни на длинные дистанции. Возможно она унаследовала её от своей матери, поскольку Джозеф Ковальски был крепким малым, чьи мускулы за проведённые им двадцать лет в полиции Чикаго, растворились в слое жира.

Я сглотнула и опустила взгляд на стойку.

— Мне действительно жаль насчёт твоего отца. Он был хорошим полицейским.

— Он был замечательным полицейским. И замечательным отцом. Ты знала, что он скоро должен был выйти на пенсию?

— Он упоминал об этом.

Он рассказывал, что хочет отправить свою младшую дочь в колледж, а затем переехать с женой во Флориду и рыбачить в Мексиканском заливе. Никакой рыбалки больше для Ковальского. Он не увидит, как Дженни ступит на сцену, чтобы получить аттестат об окончании. Он больше ничего из этого не сделает.

Потому что Джозеф Ковальски умер при попытке спасти меня.

И никто этого не знал.

Официальная версия звучала так: он приехал к чикагской водонапорной башни, чтобы



проверить там утечку газа. Никто не упомянул, что эта водонапорная башня находилась не на его участке и что в тот вечер он был не на службе. Он случайно оказался поблизости, когда об этом сообщили по радио и решил проверить. И поэтому он оказался в водонапорной башне, когда та взорвалась.

На самом же деле, он последовал туда за мной, пытаюсь выяснить правду о смерти Верити. Эванджелина перехитрила меня, так что я выпустила чистую магию и спровоцировала Разрушительный поток. Когда Ковальски увидел, что я в опасности, он всё же смело выступил против магии и Сумрачных и пытался вытащить меня оттуда невредимой. Магия набросилась на него. У него не было ни малейшего шанса.

— Мне очень жаль, — повторила я. — Как у тебя дела? И у твоей семьи?

На похоронах я видела их стоящих тесной кучкой, жену Ковальского и его четырёх дочек, окружённых морем парадных мундиров ультрамаринового цвета. История была широко освещена во всех газетах, но я избегала читать эти статьи. Не было ничего, что я ещё могла бы узнать об этой ночи.

— Совсем паршиво. А у твоей?

— Моей что?

— Твоей семьи. Мой отец был очень заинтересован в ней, ты знала об этом? Он всё время говорил о вас.

— Моя семья не имеет отношения к тому, что случилось с Верити.

Эльза однажды сказала мне, что Ковальски специально попросил, взять расследование дела Верити на себя, поскольку оно казалось ему замечательной возможностью собрать улики против мафии Чикаго. Все считали, что Верити убрали из-за конкуренции в организованной преступности, вероятно, русские. Предполагалось, что, либо она была убита по ошибке, а жертвой на самом деле должна была стать я, либо это было предупреждение, по девизу: «Уступи свою территорию, иначе твоя племянница, следующая на очереди». Так что, Ковальски преследовал меня, рылся в прошлом Колина и досаждал моему дяде — и всё в пустую. Мафия не несла ответственности за смерть Верити. Виной этому была магия, и в конце она убила и Ковальского.

— Ты думаешь, это была случайность? Случайный удар судьбы?

Я смотрела на неё. Её руки всё ещё тряслись, и она прижала их к стойке. Мне было знакомо выражение её глаз, тревожная печаль и гнев, оглушающая потребность найти хоть какой-то смысл в том, что произошло. Она нацелилась на меня, будто я была ключом ко всем ответам.

— Не судьба. А просто ужасно, — сказала я. — И несправедливо. Как и то, что случилось с твоим отцом. В неподходящем месте, в неподходящее время.

— Нет! — Головы обернулись в нашу сторону, и она понизила голос. — Мой отец был там из-за тебя. Потому что ты пошла на опознание и утверждала, что не узнала преступников.

— А я их и не узнала.

— Спустя неделю их нашли мёртвыми.

Должно быть, я выглядела настолько искренне удивлённой, что она продолжила с искажёнными от горечи ртом.

— Твой дядя не рассказывал тебе об этом? Сразу оба, как при экзекуции. Их нашли в одном из мусорных контейнеров в квартале Бэк-оф-ярдс. Я видела фотографии.

У меня появился кислый привкус во рту.

— Фотографии?

Она пожала плечами.

— Следователи, которые взяли на себя это дело, раньше всегда играли с моим отцом в покер. Хотя им и не нравится передавать такие вещи, но и не могут сказать «нет».

— Дженни.

Я тщательно подбирала слова. Я знала по собственному опыту, как часто люди врут, когда ты кого-то оплакиваешь и ещё думают, что делают тебе одолжение, якобы защищая от не приятных вещей.

— Моя семья не причастна к тому, что случилось с твоим отцом. Или с Верити. Я знаю, что твой отец думал по-другому, но он ошибался.

— Ты лжёшь.

— Я бы не стала этого делать. Не в этом случае. Мой дядя не убивал твоего отца.

— Нет, — задумчиво сказала она — он бы и не стал этого делать. Не лично, это не его стиль. Он всегда оставляет грязную работу на других. Кто-то другой должен подставить голову или нажать на курок. Как твой отец. И... — она повернулась на виниловом табурете и остановилась так, что могла видеть грузовик Колина. — Твой телохранитель. Или парень? Мой отец не был до конца уверен. Он назвал это «опасной игрой», для вас обоих.

Я отошла от стойки.

— Ты же даже не осознаёшь это, не так ли? Что сделал твой дядя, что сделала твоя семья... Ты никогда не задавалась вопросом, какова цена всему этому? Не находишь, что она, возможно, слишком высока? Или ты настолько довольна, пребывая в неведении, что даже ещё ни разу не интересовалась?

Не удивительно, что Люк считал меня сумасшедшей, когда я, после смерти Верити, говорила про справедливость и месть. Должно быть, мои речи были точно такими же. С той разницей, что я была в здравом уме, как и Дженни. Смотреть на её скорбь, было тоже, что смотреться в зеркало.

— Чего ты хочешь?

Я и сама знала.

Она уже собиралась ответить, но затем выражение её лица изменилось. В одно мгновение оно стало весёлым и приветливым, а щёки приподнялись в безличной улыбке.

Секундой позже, на моё плечо легла чья-то рука.

— Пришло время идти на мессу. А это кто?

Билли. Дженни, должно быть, знала кто он. А знал ли Билли, кто она? В моём мозгу всё перемешалось, и я не смогла ответить.

Дженни встала и натянула куртку.

— Джен, — сказала она. — школьная подруга.

— Очень рад познакомиться с тобой, Джен. Прости нас, но нам надо идти в церковь. Если мы опоздаем, моя сестра оторвёт нам головы.

Мой дядя, с его белыми, как снег, волосами, ухоженной бородой и глазами, вокруг которых образовывались морщинки от смеха, был настолько же очарователен, насколько и абсолютно смертелен. Как садовый гном в изысканном парадном костюме. Когда согласишься так на него, можно почти забыть, насколько быстро может смениться весёлое выражение его лица на что-то скрупулёзное и жёсткое как сталь, когда кто-то вставал у него на пути.

— Конечно. Увидимся, Мо.

Она сунула деньги под тарелку, которую я всё ещё не убрала и ушла, не сказав больше ни слова.

— Мы уже опаздываем, — сказал Билли и огляделся в почти пустом «Слейс». — Лучше побыстрее уברי свинство, которое оставила твоя подруга.

## Глава 10

Есть кое-что, что нужно знать о моей школе: Св. Бригит — самая дорогая и видная школа для девочек во всём городе, но в то же время и обычная приходская церковь.

В этом есть свои преимущества. В конце концов, лишь немногие школы, поддерживающие столь безупречную репутацию, приняли бы в свои ряды дочь осуждённого преступника, если бы семья не принадлежала к общине. Семья, которая охотно жертвовала деньги всегда, когда бы ни понадобился ремонт в церкви, ни сломался кондиционер или ни обновлялся дом пастора.

Но были также и недостатки. В моем случае, это означало, что есть большая вероятность того, что кто-то из моей семьи, повстречает кого-то из учителей, по крайней мере тех, что с белыми воротниками или в чёрных одеяниях. Ещё год назад, это не было бы проблемой — они пели мне дифирамбы, за то, какой милой, трудолюбивой и ответственной я была. Однако сегодня, всё по-другому.

После богослужения мы перешли в общественный зал для приятного общения. Все держали в руках чашки со слабым кофе и бумажные тарелки с тыквенным пирогом. Молодёжь моего возраста, некоторые из которых ходили со мной в школу, но многие и нет, стояли в кругу, разговаривали и в то же время писали смс. Их язык был мне так же чужд, как и язык Дуг. Я никогда не могла освоить эту беззаботную болтовню.

Я устало прислонилась к стене, почувствовав себя внезапно такой одинокой, что в горле застрял ком. Я наблюдала, как мой дядя продвигается по комнате, останавливаясь то возле одной, то возле другой группы. Он был на редкость в хорошей форме, приветливый и разговорчивый. Возможно, к этому имел отношение визит Эльзы. Он пожимал руки самым различным людям, спрашивал о их семьях и убеждался в том, что в его маленьком королевстве всё идёт именно так, как он этого хочет. Лишь в последнее время я стала замечать то, что уже всегда присутствовало — тонкий налёт страха, перекрывающий уважение, с которым к нему все относились.

Во мне снова проснулся гнев. Из-за него я уже столько всего потеряла, а ему было совершенно всё равно, потому что он получил то, чего хотел, в то время как я... не получала ничего, а только парня, который не хочет быть со мной; школу, полную людей, которые думают, что я немного странная, а также считают меня преступницей; отсутствующего отца. Мои пальцы сжались в кулаки. Надо убраться отсюда, пока я не устроила сцену, которая лишь укрепит уверенность других в том, что я схожу с ума.

Я сторбилась и направилась к выходу, только чтобы остановиться, когда кто-то схватил меня за руку. Я споткнулась из-за внезапной смены направления.

— На кого это ты так сердито смотришь? — спросил Люк.

— И вовсе не смотрю..., - сказала я на автомате, что было совсем неподходяще. Я стяхнула руку Люка и сердито посмотрела на него. — Что ты здесь делаешь? Орла передумала?

— Нам надо поговорить.

— Я в церкви. Сейчас не очень подходящий момент для этого.

— Ничего не поделаешь.

Даже небрежно одетому, в чёрном свитере и тёмных джинсах, ему как-то удавалось, выглядеть элегантнее и привлекательнее, чем кому-либо другому в общественном зале. Он скользнул взглядом по различным группкам людей.

— Где прячется Куджо?

— Думаю, дома.

Я не хотела говорить о Колине. Это было слишком болезненно, а Люк был хорошим наблюдателем.

— Это на него совсем не похоже, упускать тебя из виду. Очень неответственно.

Я и забыла, как быстро Люк может вывести меня из себя.

— Мы здесь с моим дядей.

— И поэтому тебе не нужна твоя личная сторожевая собака, хм?

— Билли заботиться о нас.

А ещё больше — о самом себе. Я огляделась вокруг. Никто не заметил Люка и когда я сконцентрировалась, то смогла уловить слабое гудение магии, исходившее от него. Он скрыл себя. Все, вероятно, думали, что я разговариваю сама с собой. Замечательно.

Если Люк хочет поговорить, то пусть говорит. Мне ведь не обязательно отвечать. Вместо этого, я, как обычно, наблюдала за людьми. Они были так предсказуемы — те же группки, которые неделю за неделей собирались на том же месте и вели те же разговоры. Но кое-что показалось мне странным, будто я смотрела через плохо настроенную камеру. Что-то было по-другому, не считая Люка, который как обычно, стоял слишком близко. Я прислушалась к ритму разговоров, как голоса возбуждённо повышаются и снова понижаются; к молчанию, которое иногда распространялось по всему залу. Когда я уловила тихий смех моей матери, то сосредоточилась на нём. В этом и было различие: в моей матери.

Обычно она прогуливались по залу и останавливалась, чтобы поговорить со знакомыми, полная противоположность дяди, который ждал, пока другие сами подойдут. Он двигался, и вся комната двигалась вместе с ним, ещё один намёк на то, у кого, на самом деле, была власть. В противоположность ему, моя мама всегда сама подходила к каждой отдельной группке, так, будто бы прося сначала разрешения присоединиться. Сегодня же вечером, напротив, люди стекались к ней. Маленькие группки женщин по всему залу, перешептывались друг с другом и поглядывали незаметно на мою мать. Время от времени, одна из них, как бы случайно, отходила от остальных и подкрадывалась к моей маме, которая буквально светила от всего этого внимания.

Мне вспомнился визит Эльзы, поспешный уход матери. Если моя семья и не имела в чём-то равных, так это в хранении секретов.

— Сейчас вернусь, — пробормотала я Люку, едва шевеля губами.

Он нахмурился и дотронулся пальцами до моего рукава.

— Я серьёзно, Мышонок. Давай пойдём куда-нибудь, где сможем поговорить.

Я отмахнулась, но как только приготовилась пересечь зал, заметила сестру Донну, которая скользила в сторону матери, как корабль с чёрными парусами. Толпа расступилась, как только стало ясно, куда направляется сестра ордена, но я подкралась поближе.

Краткое приветствие, и затем сестра Донна перешла прямо к делу.

— Я беспокоюсь, — сказала она.

Заботливая монахиня, которая раздаёт чашки с чаем «Эрл грей» исчезла — такой она

становилась только, чтобы сыграть шоу перед представителями колледжа. Настоящая сестра Донна была такой же безжалостной, как и предприниматели на бирже.

— Очень сильно беспокоюсь.

— Разве Мо плохо ведёт себя? — спросила моя мама, и беспокойство опустилось на неё, как влажное одеяло.

Это было её самым большим страхом — что я наделаю проблем и опозорю семью. У нас ведь этого недостаточно!

— Она рассеяна. Её успехи всего лишь удовлетворительны и совсем не соответствует тем, что мы привыкли от неё получать. Её участие в курсах стало нерегулярным. Многие учителя больше не уверены в том, следует ли составлять для неё рекомендательные письма.

Мои ноги онемели. Я не знала об этом.

Сестра Донна сложила руки на груди и продолжила.

— Конечно же, мы сочувствуем ей, и я пыталась помочь, но она всё довольно усложняет. С тех пор, как случился этот инцидент, она отказывается разговаривать со своим школьным консультантом.

Похоже убийство Верити рассматривалось теперь как «инцидент».

Моя мать нахмурилась и заломила руки.

— Она сказала, что всё в порядке.

Сестра Донна покачала головой.

— Значит она соврала, миссис Фитцджеральд.

— Она бы не стала врать. Только не моя Мо.

— Она пропустила сегодня несколько занятий.

Черт. Я спряталась за группу молодых матерей и галдящих маленьких детей, в то время, как моя мама сказала:

— Это, должно быть, какая-то ошибка. Мо не прогуливает. Она ещё никогда не прогуливала.

— Тем не менее, этой осенью такое уже случилось, — напомнила ей сестра. — На встрече с представительницей Нью-Йоркского университета.

— Это было из-за стресса, — запротестовала моя мать, она завертела головой, оглядывая комнату в поисках меня. — Вы знаете, она не была серьёзно настроена переехать в Нью-Йорк. Это был всего лишь каприз. На самом деле, она вовсе себе не навредила тем что тогда ушла.

Сестра Донна в недоумении нахмурилась.

— Может быть проблема в чём-то другом? — сказала она и снизила голос почти до шёпота. — Что-то дома, что могло бы спровоцировать подобное поведение?

Значит это и есть настоящая причина, почему сестра Донна заговорила с моей матерью. Она была так же охотлива до сплетен, как и другие — просто подходила прямо к делу. Я по чуть-чуть продвигалась вперёд, в надежде уловить ответ моей матери, как вдруг рука Люка схватила меня за локоть.

— Мышонок, когда ты наконец запомнишь? Ты больше не невидима.

— Я сейчас очень занята, — сказала я. — Это не может подождать?

Он театрально вздохнул и посмотрел туда, где его пальцы сжимали мой локоть. Слабое гудение магии, которое я почувствовала раньше, теперь окружило и меня.

— Давай уже пойдём, — сказал он. — У нас куча дел.

— ... из-за её отца, — как раз сказала моя мать, когда мы приблизились. — Но она же ещё даже не слышала хорошую новость.

— Ах да? — спросила сестра Донна.

— Он скоро возвращается домой. Мы думали, что это будет где-то поздней весной или летом, но он был образцовым... гражданином. Они освобождают его преждевременно. В феврале.

У меня загудело в ушах. На этот раз больше от растерянности, чем от магии, и моё поле зрения сузилось, так, что остальная часть комнаты исчезла. Всё, что я ещё могла видеть — это маму, которая была настолько взволнована новостью, что прямо-таки светилась. Мой отец возвращался домой.

Досрочно. На много месяцев раньше.

Независимо от того, в какой университет я пойду, мы проживём почти шесть месяцев под одной крышей, прежде чем я смогу сбежать.

Сначала по всему моему телу пробежала волна жара, затем холода и я пошатнулась, неожиданно обрадовавшись, что Люк придерживает меня за локоть. Хотя я и знала, что его магия скрывает нас, мне показалось, что все в комнате уставились на меня, и интенсивность их интереса к нашей маленькой, семейной драме душила меня.

— Пойдём, — сказала я Люку.

— Что?

— Ты же хотел поговорить? Ну так давай поговорим. Просто уведи меня отсюда.

Уголки его губ приподнялись, но улыбка не дошла до глаз.

— Я уже думал, ты никогда не попросишь об этом, — сказал он и вывел меня на улицу, в морозную ноябрьскую ночь.

## Глава 11

Возможно причина была в том, что я отвыкла или возможно в течение дня слишком часто находилась в Межпространстве, но после короткого путешествия до квартиры Люка мне стало до тошноты плохо. Я не была создана для того, чтобы проходить через Межпространство. Каждый раз меня должна была проводить Дуга. Возможно, таким образом, магия давала понять, что я не одна из них, напоминала, что я незваная гостья, таким образом предупреждая, не приближаться слишком часто. Возможно магия просто не любила меня.

Это было взаимно.

Люк ждал в гостиной, как джентльмен, пока я приходила в себя в ванной. Я опустилась на пол, почувствовала его твёрдость, прижалась щекой к прохладной, плиточной стене и надеялась, что комната перестанет кружиться. Каждый стук сердца, отзывался новой болью в висках. Одна мысль о том, что отец возвращается домой, вызвала очередную волну тошноты.

Жить в том же доме, что и отец, будет просто невозможно. Уже несколько лет назад я перестала на него злиться: мой гнев уступил место чему-то безутешному, безразличной пустоте. Мой отец был глупцом и отмывал деньги через различные фирмы дяди. Да к тому же был ещё и жадным, поскольку, когда ему стало этого недостаточно, он присвоил ещё деньги. Когда отца не было рядом, его заменил Билли, он позаботился о том, чтобы моя мама могла платить по счетам, оплачивал какую-то сумму за мою школу и продал Слайс маме, чтобы сделать её независимой. Билли спас нас. Так моя мама всегда рассказывала мне. Мой дядя спас нас, когда отца не было рядом.

Правда была гораздо менее благородной. Я не знала деталей. Колин не хотел говорить, а мама отказывалась сказать даже слово против отца или дяди, мне оставались только газетные статьи о процессе. И в то время, как официальная история состояла в том, что мой отец злоупотребил доверием и щедростью шурина, между тем я знала, что оба, всё это время, имели дело с мафией Чикаго.

Нью-Йорк должен был стать местом моего прибежища. После смерти Верити, это казалось мне ещё важнее, чем когда-либо, как возможность, сдержать наше общее обещание и исполнить мечту, которую мы делили друг с другом. Но, как оказалось, Верити, в любом случае, не поехала бы в Нью-Йорк. Её планы поменялись, когда она обрела свои магические силы и в то же время узнала, что она Сосуд, которому суждено, спасти Дуг и их магию. Наш последний разговор друг с другом стал ссорой, по поводу её намерения переехать в Нью-Орлеан, вместо Нью-Йорка. А теперь я была здесь, в Нью-Орлеане, и выполняла другое обещание, которое дала ей.

— С тобой всё в порядке? — крикнул Люк через закрытую дверь.

— Да.

Я встала, держась за стену, а затем направилась в гостиную. Я любила квартиру Люка. Карнизы, античная живопись, непредвзятый беспорядок красивых произведений искусства со всего мира... Все вещи умоляли здесь о том, чтобы получше разглядеть их, потрогать и исследовать, потому что быстрого взгляда было недостаточно.

Парень, сидящий на диване, не являлся исключением.

Он встал, как только я вошла в комнату, тонкий и стройный, полный поджарых мускулов. Беспокойство смягчило его угловатое лицо. Он внимательно наблюдал, как я прошаркала к блестящему чёрному дивану.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал он, и, хотя тон его голоса был беззаботным, беспокойство, резонирующее в нём, звучало искренне.

— Спасибо.

Я опустилась на мягкую кожу и подтянула под себя ноги.

— С непривычки?

— А может быть это из-за тебя, — сказала я — Ошибка в эксплуатации. Так это называется?

— Со мной ты, гарантировано, в хороших руках, — ответил он, и веселье осветило его отличительные, экзотические черты лица. — И ты уже должна почувствовать себя лучше. Ты сама просила перенести тебя сюда, уже забыла?

Я вздрогнула. Стекло двери, ведущие на балкон, стояли открытыми, и, хотя здесь было теплее, чем дома, мне было ужасно холодно. Люк, который никогда ничего не упускал из виду, заметил это и одним единственным выразительным словом заставил огонь вспыхнуть в камине.

— Вот. — Он пошёл в кухню и мгновение спустя вернулся с дымящейся чашкой чая. — С глотком алкоголя? — Он кивнул в сторону буфета, на котором стояли графины из гранённого хрусталя.

— Нет, спасибо.

Люк приводил мои мысли в беспорядок уже одним своим присутствием. Не обязательно давать ему ещё и преимущество. Я потягивала чай, осознав, что Люк поглядывает в мою сторону своими зелёными глазами, которые напоминали мне деревья летом, тёплые, красивые и замкнутые.

Он сел и положил руку на спинку дивана позади меня. Он не совсем прикасался ко мне, но от него исходило тепло, которое вызвало во мне желание свернуться в клубочек, как кошка.

— В церкви было... мило, — сказал он.

— Это была катастрофа.

Я вдохнула сладкий, цветочный аромат чая, блокируя воспоминания о том, что поведала мама и о «большом беспокойстве» сестры Донны.

— Я пропала. Ты знаешь это, верно? Мне необходимо это рекомендательное письмо от учителей, чтобы поступить в Нью-Йоркский университет.

— Такую девушку как ты, они возьмут нарасхват. Однако, новость о твоём отце, похоже, вывела тебя из равновесия. Я думал, ты лишишься чувств прямо там.

— Но я не лишилась. — мне казалось важным, напомнить ему об этом.

— Я бы тебя поймал.

— Что сказали Кварторы?

— Ты уверена, что готова к этому? Я немного волнуюсь за тебя, Мышонок.

— Со мной всё хорошо.

Так сказать...

Он резко встал.

— Как думаешь, ты достаточно крепко стоишь на ногах, чтобы прогуляться?

— Мы оставили позади тысячу пятьсот километров, только для того, чтобы прогуляться? Тебе известно, что в Чикаго тоже есть тротуары? Причём много.

— Сегодня красивая ночь. Ты могла бы поближе узнать мой город. В конце концов, я уже достаточно времени провёл в твоём.

Я неохотно поставила чашку с чаем.

— Куда пойдём?

Я смотрел на мои руки, вместо того, чтобы посмотреть ему прямо в глаза.

— Кварторы готовы пойти на сделку. Но это должно произойти сегодня ночью.

— Прошло же всего несколько часов, — сказала я. — К чему спешка?

— Положение довольно серьёзное. Кроме того... о чём тут думать?

Мы спускались по лестнице бок о бок, так близко, что бедро Люка касалось моего.

— Я им не очень-то нравлюсь

— Дело не совсем в тебе.

Он выглядел слегка пристыжено, что случалось редко.

— Ты ведь не Дуга. А Плоских они не особо любят.

— Какая неожиданность!

Я уже испытала это на себе, когда Серафимы пытались убить меня в зале, полном Дуг, а те просто закрыли на это глаза.

— Они — ханжи.

— Как думаешь, что случится, если в твоём мире узнают, что существуем мы, Дуги?

Мы пересекли знакомый двор, и под нашими ногами заскрежетал гравий. Люк открыл ворота одним словом и движением.

— Думаешь, Плоские примут нас? Или же будут относиться к нам, как к опасности? Назовут нас колдунами? Будут жечь нас на кострах или закидывать камнями? Человечество — какое угодно, но точно не терпимое.

Мы прошли на улице мимо другой парочки, обнимающей друг друга руками за талию и



демонстрирующей всем глуповатое, тяжело-влюблённое выражение лиц. Оба улыбнулись нам, видимо в своём романтическом заблуждении думая, что с нами то же самое.

Я отошла от Люка на шаг и понизила голос.

— Я не просто какая-то Плоская. Я чуть не погибла, спасая вашу дурацкую магию. И вместо того, чтобы ответить услугой за услугу и помочь девочке, такой же, как вы, Кварторы хотят меня шантажировать? Мне трудно смотреть на них, как на хороших.

— Кварторы ставят благополучие Дуг превыше всего и каждого. Они должны заботиться о том, что лучше для всего нашего народа, а не только для одной девочки. Что бы там ни случилось с магией — это опасно для нас. Это забирает наши жизни. Со стороны Кварторов не благородно, использовать младшую сестру Ви, но, если они должны так сделать, чтобы переубедить тебя, значит они так и сделают, и этот поступок не принесёт им никаких бессонных ночей.

— Вот, значит, какие эти люди, которые должны будут позаботиться о Констанции? Может без них ей будет лучше?

Мы свернули на вымощенную кирпичами улочку, которая была настолько узкой, что больше походила на коридор. Несмотря на раздражённый тон между нами, Люк, ради меня, замедлил свои шаги, и я была благодарна ему за это. В темноте уличные фонари превратили конфетно-розового цвета дома во что-то, погружённое в тень и прекрасное. Причудливое, кованое железо отбрасывало похожие на кружева тени на черепицу и кирпичи. Мои пальцы так и чесались, хотелось вытащить камеру. Фотографии Верити не передавали всю атмосферу города. Куда не посмотришь, прошлое накладывалось на настоящее, как очень нежный покров пыли. На каждом углу были таблички с названиями улиц на староиспанском, а к каждому третьему зданию была прикреплена дощечка, указывающая на его историческое происхождение. Знание о том, что есть ещё и Дуги, добавляло ещё один исторический аспект.

— Ты видела, что ожидает Констанцию, если предоставить её самой себе. Возможно, тебе не стоит спешить с суждениями, пока не увидишь, что мы можем для неё сделать.

Он положил свою руку мне на поясницу, пока мы шли дальше, казалось, сворачивая на случайные улочки, а яркий неоновый свет и шум Французского квартала оставили позади.

— Куда мы идём?

— К дому ДеФаудре.

— На самом деле есть дом, который так называется?

Я покачала головой. Это было настолько не реально, что казалось забавным.

— Конечно. Каждый элемент имеет свой дом. Ты можешь пойти туда со мной, потому что мы связаны. А поскольку ты — Сосуд, у тебя есть доступ и к остальным трём.

— Тогда давай посетим дом, к которому будет принадлежать Констанция.

— Потому что ты настолько хорошо дружна с Орлой? Едва ли. Кроме того, я не смогу и наполовину быть таким же хорошим гидом в чужом доме.

Мы шли ещё несколько минут дальше, вдоль искусно сделанного забора, чьи шесты из кованного железа, заканчивались смертельно острыми пиками. Густые зелёные кусты, которые были выше человека, загораживали нам обзор. Люк остановился перед главными воротами, и они распахнулись.

— Ты даже не пробовал открыть их, — сказала я. — Что это было за заклинание?

— Заклинание лежит на замке. Оно узнало во мне представителя дома, поэтому мне не нужно было самому произносить его.

— Что было бы, если бы я пришла сюда без тебя и пробовала войти?

Он вздрогнул.

— Даже не пробуй.

— А с другими домами тоже самое?

— Конечно. Это делает нашу окружающую среду довольно безопасной. Ты не должна волноваться — о Констанции хорошо позаботятся.

Я собиралась ответить, но у меня спёрло дыхание от изумления, когда я увидела перед собой обширный особняк. Высотой в три этажа, облицованный белой дранкой — мечта в григорианском стиле. Роскошные дома у Северного Берега не шли с ним ни в какое сравнение.

— Это ваш дом? Или это только главный штаб?

— Патриарх проживает здесь. У остальных Дуг есть свои собственные дома, которые, как правило, заколдованы, чтобы скрыть их от Плоских.

— Как Дофин?

Джаз-клуб только для Дуг, внутри роскошный и мрачный, снаружи — всего лишь заброшенный магазинчик.

— Да. В основном они находятся рядом друг с другом. В городе есть целые кварталы, которые не видны Плоским.

— Но ты здесь уже больше не живёшь, верно?

Я всегда думала, что квартира Люка — это его дом.

— Нет. Как только в Дугах пробуждаются силы, они, обычно, покидают родительский дом в течении года. Но рано или поздно я вернусь.

Потому что он наследник, поняла я. Если он станет наследником Доминика, как Патриарх, то этот дом станет одновременно его домом и рабочим местом. Это место было будущим Люка. А исходя из того, что мы связаны, он полагал что — и моё тоже. Я заставила себя перевести внимание на настоящее.

— Констанция не может просто так переехать, — сказала я. — Как мы объясним это её родителям.

— Ей это совсем ненужно. Она могла бы приходить в Новый Орлеан, чтобы заниматься, а затем возвращаться домой, прежде чем кто-нибудь заметит её отсутствие.

— Ты обучался здесь?

Он колебался.

— Моё воспитание прошло немного иначе.

— Из-за пророчества?

— Что-то в роде того.

Он поднялся вверх по ступенькам ко входу и открыл дверь в огромный, двухэтажный вестибюль. Изогнутая лестница вела наверх, а тёмный деревянный пол резко контрастировал с нежной настенной обивкой из парчи и широкой белой отделкой. Я пыталась не глазеть с открытым ртом, но дом казался съёмочной площадкой. Я бы не удивилась, если бы увидела дебютанток в платьях из атласа и в тяжёлых кружевах, спускающихся вниз по лестнице — или дуэль, развязавшуюся на лужайке.

— Не могу поверить в то, что ты здесь вырос.

Воздух был так наполнен магией, что она казалось, прилипала к моей коже. Я провела по рукам, но ощущение осталось прежним.

— К этому быстро привыкаешь, — сказал он беспечно и повёл меня через вестибюль.

— Я хотел, чтобы ты увидела это.

Комната, в которую он меня привёл, была бы в фильме бальным залом: блестящий, паркетный пол, высоко поднимающийся вверх потолок, на одной стене окна в стиле палладио и внушительные стеклянные двери. Те самые дебютантки, которые бы красовались в прихожей, парили и кружились бы по залу в объятьях мужчин, так что их платья разлетались бы вихрем.

Но здесь и сейчас помещение было не залом, а школой. Повсюду дети, от школьников до подростков, тренировались в различных заклинаниях. Как только мы вошли в зал, воцарилась тишина, и все преклонили головы и вытянули руки ладонью вверх перед Люком — демонстрация уважения. Он бросил на меня беглый взгляд и затем, почти смущённо, повторил жест. Дети снова принялись за свои задания, но многие из них нервно оборачивались, когда мы проходили мимо.

В одном углу я заметила молодую женщину, лишь на несколько лет старше меня, работающую с группой из пяти-шести малолеток. Она вытянула руку ладонью вверх, и посередине появилось пламя цвета рубина. Она умело передала огонь в подставленную ладонь долгового мальчика, чьё узкое лицо было искажено от напряжения. Он передал огонь другому ребёнку, в чьих трясущихся руках огонёк подрагивал и чуть не погас, пока тот не передал его дальше. Всё быстрее и быстрее огонёк проходил по группе, в то время, как учительница подбадривающе кивала и раздавала советы, пока одна круглолицая, рыжая девочка не уронила его. Потухая, пламя издало тихое потрескивание и в воздухе повис запах серы.

— Новички, — сказал Люк указывая кивком в их сторону. — Как только они немного обучатся контролю, то сами смогут призвать пламя.

В одном отдалённом углу три подростка, возраста Констанции, занимались тем, что доставали из неоткуда вещи. Апельсины, книгу и даже скейтборд появлялись в их руках, но также внезапно они засовывали их снова в пустоту, и те исчезали.

— Я всегда любил это упражнение, — сказал Люк с теплотой в голосе. — Находишь небольшое отделение в Межпространстве, заявляешь свои права на него и получаешь мобильную кладовую.

— Твой меч, — сказала я, внезапно понимая. — Значит ты хранишь его таким образом? В Межпространстве?

— Ты же не можешь ожидать от меня, что я всегда буду таскать его с собой, верно? Но, хорошо, когда он под рукой.

Поскольку этот меч уже не раз спасал мне жизнь, я должна была согласиться с ним.

В другой группе дети практиковались входить в Межпространство. Старшие играли в салочки, выбегали из комнаты и возвращались, и пытались поймать друг друга, в то время как одна маленькая девочка вырезала в воздухе огненный прямоугольник, прикусив язык. Но до того, как она успела закончить форму, пламя погасло и малышка, в расстройстве, топнула ногой.

Произносимый шёпотом язык Дуг окутал нас, переливаясь и рассеиваясь. Всё было пропитано магией, которая подавляла меня. Колени подо мной подогнулись и мне с трудом удалось удерживаться на ногах.

— Мы можем предложить ей это, — сказал Люк, оглядывая зал с явной доброжелательностью. Он, похоже, не заметил, как мне было тяжело. — Безопасное место, чтобы упражняться и учиться. Она познакомится с другими Дугами. Обретёт друзей.

— Они кажутся мне такими молодыми, — пробормотала я.

Магия образовала странное давление в моей голове так, что я должна была напрягаться, чтобы сконцентрироваться.

— Большинства из них вообще не должно здесь быть. Они приходят в один из домов для обучения только после того, как пробуждаются их силы. Этот зал должен быть полон шестнадцати и семнадцатилетними. В связи с расширением магии, нам приходится принимать их раньше.

— Это моя вина, — сказала я.

С другой стороны зала закричала маленькая девочка, которая держала пламя в руках, и когда оно вспыхнуло, она обожглась. Одним словом учительница залечила рану и начала лекцию заново.

Люк наблюдал за сценой, взял меня за руку и провёл пальцем по шраму на моей ладони.

— Ты — Сосуд. Твоё предназначение в том, чтобы заботиться о магии. Я знаю, что тебе не нравится это слушаешь, но, если мы не поправим ситуацию, пострадает ещё больше Дуг. И Плоские тоже.

В моей голове всё закружилось.

— Мы можем уйти?

Он нахмурился, но пошел впереди, возвращаясь назад через дом.

— Я бы, с удовольствием, показал тебе больше, но Кварторы ждут.

— У меня нет выбора, не так ли?

Он пожал плечами, когда мы пересекали пышный, зелёный газон и направились во Французский квартал.

— Всегда есть выбор. Вопрос лишь в том, какую цену человек готов заплатить. Но, по крайней мере, ты видела, что они могут сделать для младшей сестры Ви. Что получишь ты, если согласишься.

Моя головная боль отступила, как только мы отошли от дома Люка, и я спрашивала себя: почему? Во время Разрушительного потока я вобрала магию в себя. Теперь с ней было что-то не так и ко мне пришла мысль, что и со мной тоже, что-то не так, но я отогнала эту мысль прочь и сосредоточилась на городе вокруг, который так отличался от ноябрьского Чикаго.

Улицы были, на удивление, тихими, не считая несколько группок, которые смеясь, разгуливали по местности с большими пластиковыми стаканами в руках. Люк увёл меня подальше от улицы Бурбон и тихо засмеялся, когда я вытянула шею, чтобы мельком посмотреть на неё.

— Там внизу нет ничего, на что стоит смотреть. Мы поиграем в туристов в другой раз.

Мы проходили мимо бутиков, магазинов со сладостями и художественных галерей, окна которых были тёмными. По красным кирпичным зданиям можно было узнать их возраст: углы обвалились, рамы дверей были кривыми. Кафе ещё были открыты и за освещёнными окнами можно было видеть, как люди смеются и едят. Некоторые даже выставили столы перед дверью, и я удивилась при виде людей в летних платьях и брюках Капри, в то время как дома, уже все носили шарфы и толстые пальто.

— Дома сегодня было только четыре градуса, — сказала я, когда мы проходили мимо устричного бара, из которого слышались звуки аккордеона. Гости выстроились в очередь перед дверью.

— Зима тоже имеет свои прелести. Она создаёт хорошие причины для того, чтобы

прижаться друг к другу.

Я слегка толкнула его в бок, потому что слишком внимательно разглядывала элегантно великолепие зданий, яркие цвета и искусно выполненные балконы с их пышно цветущими цветами. В воздухе витал аромат ванили и абрикоса, когда мы проходили мимо блестящего, зелёного куста. Я остановилась и пыталась уловить аромат, похожих на звёзды цветков, но он исчез.

— Это не поможет, — сказал Люк. — Это Османтус. Если подойти слишком близко, то запах исчезает. Позволь ему приблизиться к тебе, вместо того, чтобы гоняться за ним.

Я бросила на него мрачный взгляд, а он поднял вверх обе руки, как будто защищаясь.

— Попробуй.

Я скептически отошла на пару шагов назад, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Аромат так сильно окутал меня, будто нежно поглаживал. — Это невероятно. Так, должно быть, пахнет в раю.

— Я же тебе сразу так и сказал. Тяжело принять урок, хм?

Он повёл меня через площадь, которая со всех четырёх сторон была окружено живой изгородью и забором, мимо статуи какого-то наездника. За ней находился собор, три острые шпиля которого, высоко возвышались в ночное небо.

— Ты ведёшь меня в церковь?

— Не совсем.

Его вид напомнил мне о матери. Если я и беспокоилась о том, что моё отсутствие в школе заметят, то это ничто, по сравнению с тем, что произойдёт, если мама обнаружит, что я исчезла из церкви прямо у неё из-под носа. А реакция Колина...

Я немного отошла от Люка и раскрыла мобильник.

— Мышонок, ты сейчас будешь заключать договор с Кваторами. Для разговоров по телефону время не подходящее.

Я проигнорировала его и написала Колину СМС: «Мне нужно было уйти из церкви. Ты же не никому не расскажешь об этом?»

— Вы оба теперь пара? Вот так, по-настоящему, официально? — спросил Люк. Его рука напряглась под моей ладонью.

— Не вмешивай его.

— Я бы с удовольствием. Это ты постоянно его втягиваешь. Всегда приятней, когда мы только вдвоём.

Мой мобильник зазвонил, как и ожидалось. Но я передумала, не стала брать трубку, а засунула его в карман.

— Я позвоню ему, когда всё закончится.

— Это ещё долго не закончится, — сказал Люк дружелюбно. — Если ты настраиваешь себя на что-то другое, то обманываешься.

## Глава 12

Магия была удобна во многих отношениях: она могла в мгновение ока перенести с одного конца земли на другой, простым прикосновением излечить почти смертельное ранение и защитить от существ, которые собирались вырвать тебе внутренности. Но лучше всего она подходила для того, чтобы прятать вещи. Дуги были в этом мастерами, а результат всего этого: ничто и никто не был тем, чем казался на первый взгляд.

Мы стояли перед огромным собором с тремя возвышающимися шпилями. Как только

мы переступили порог, воздух сотрясся и церковный неф исчез, открывая гулкое, светлое помещение. Под высоким потолком не было окон, но зал ярко освещался громоздкой, железной люстрой над нами, усыпанной свечами толщиной в руку. Отталкивающий, сладковатый запах пчелиного воска витал в воздухе.

— Что это за место?

— Это? Это лишь прихожая. Кварторы собираются в заднем помещении, — сказал он и указал на вторую дверь. — Готова?

Наверное — нет. Он поднял кулак и постучал. Звук был глубже, чем я того ожидала. Костяшки пальцев Люка оставили светящийся, красноватый отпечаток в металле, что было похоже на раскалённую сталь. Когда он ударил в пятый раз, дверные створки так мягко и тихо распахнулись, будто были хорошо смазаны маслом. Люк вошёл, и я последовала за ним.

Это была комната, немного похожая на пещеру, в которой друг за другом располагались ряды с сидениями, как в театре. Они все были пусты, не считая первого ряда. Там, одиноко, сидела Маргарет с выражением безоблачного спокойствия на лице. Она следила за звуком наших шагов, когда мы шли по отделанному бело-чёрной керамикой, среднему проходу. На стенах беззвучно мерцали факелы. Плоские ступени вели к сцене в передней части комнаты, где, позади массивного, деревянного стола стояли Доминик, Орла и Паскаль.

— Веди себя хорошо, — пробормотал Люк, когда вёл меня по ступенькам к сцене.

Приблизившись к столу, я смогла различить символы, которые были вырезаны на чёрном дереве и походили на те, что я видела в Связующем Храме. Это был язык магии и знаки передвигались, пока я их изучала и формировались заново, как хотели.

Я медленно попятилась назад и почувствовала, как на руках и ногах появилась гусиная кожа. Если я что и выучила про магию, так это то, что лучше обходить стороной что-то, столь могущественное.

Люк стоял позади и провёл кончиками пальцев по моей шее. Его присутствие было ощутимо и успокаивало. Я обернулась и хотела задать ему вопросы, но он призвал меня к молчанию.

— Добро пожаловать, Маура. Кварторы рады, что ты пришла.

Доминик подмигнул, прежде, чем торжественно кивнуть, как будто вспомнил о своей роли.

Непосредственно справа от него Орла поджала губы, будто хотела возразить. В конце она ограничилась тем, что помахивала перед лицом старомодным шёлковым веером. Слева от Доминика, в другом конце зловеще меняющегося стола, ожидал Паскаль. Его волосы были собраны сзади узкой кожаной лентой, а пальцы подрагивали, чего он, похоже, не замечал. Между обоими мужчинами стоял стул, укоряя своей пустотой. Я предположила, что он принадлежал Эванджелине и быстро отвела взгляд.

Люк наклонился вперёд и прикоснулся губами к моему рту. Жест был настолько короткий, что у меня не было времени отстраниться.

— Приносит удачу.

— Мне нужна удача?

Но он уже подтолкнул меня вперёд, к Кварторам, которые внимательно меня разглядывали. Затем он сел рядом с Маргарет, которая потрепала его по руке. Я вновь заставила себя сосредоточиться на картине передо мной. Угрожающая магия, торжественные лица... Я хотела развернуться и убежать через дверь, в сладкий аромат ночи Нового Орлеана, подальше от этого мира и всего, что он от меня требовал. Что случится с

Констанцией если я так поступлю?

Так что я выпрямила колени, вместо того, чтобы сбежать, и сложила руки перед грудью. Я пришла к ним. Теперь следующий шаг за ними.

Орла всё быстрее обмахивалась веером и в конце концов Доминик прокашлялся.

— Мы позвали тебя сюда, потому что надеемся прийти к выгодному для обеих сторон соглашению. Наша встреча сегодня утром прошла немного неудачно. Мой сын считает, что мы, возможно, слишком тебя торопили. Если это так, то прошу тебя простить нас.

В его словах слышался оттенок раздражения. Я не знала, было ли оно направлено на Орлу, потому что та сбежала, на Люка, потому что тот осмелился поправить Доминика, или на меня, потому что я нарушила порядок. Я невыразительно улыбнулась и позволила ему продолжить.

— Совершенно очевидно, что мы находимся в опасной ситуации. Чем дольше мы ждем, тем более разрушительной становится магия. Наши дети, день ото дня, страдают все больше. Более слабые Дуги больше не осмеливаются произносить заклинания, потому что не могут контролировать их результат. Сумрачные ищут разрывы в магии и убивают любое живое существо, которое случайно оказывается поблизости — Плоских тоже.

Я вздрогнула.

— Именно этого и хотят Серафимы, продолжил Доминик, — ослабить Кварторов и всё, за что мы боремся. Они хотят воспользоваться кризисом, чтобы самим прийти к власти.

Орла постучала веером по столу.

— Это лишь слухи. Нет никаких доказательств, Доминик. Когда девочка победила Эванджелину и заново сформировала Линии — это уничтожило Серафимов. Они больше не представляют для нас никакой угрозы.

— Ты так же, как и я слышала эти слухи. Серафимы вернулись и их цель, уничтожить нас, — сказал Доминик.

— Это всего лишь люди, которые думают, что с ними поступили нечестно и поэтому возмущаются, — возразила она.

Паскаль поднял руку.

— Мы все слышали эти слухи, но нет никаких доказательств. По крайней мере, никаких однозначных. Но магия действительно в опасности, и мы должны найти решение. Немедленно.

Доминик расправил плечи и попытался вернуть контроль над разговором.

— Мы понимаем, что многое требуем от тебя, но мы готовы предложить тебе кое-что взамен.

Лицо Орлы, казалось передёрнулось, а взгляд стал жёстче.

— Я могу изменить своё решение. Мы могли бы предложить девочке Греев место в моём Доме.

— Ей нужно не только место в Доме. Ей необходим наставник. Кто-то, кто обучит её пользоваться магией и расскажет, как у Дуг всё работает. Я не хочу, чтобы она попала в неприятности, нарушив какое-то правило, о котором не знала, что оно существует.

Я уже слишком часто сталкивалась с подобным, когда имела дело с Дугами. Я не допущу, чтобы перед Констанцией внезапно возникла такая же проблема.

— А взамен ты поможешь Кварторам и починишь магию? — спросил Доминик.

— Я сделаю, что смогу.

— Это довольно обобщённое заявление, — сказал Паскаль. — Ты знаешь, что ты

можешь?

Я сглотнула и поискала связь с Люком. Она лишь слабо чувствовалась, будто передатчик средних волн и я подумала, не вырезанные ли на столе символы создают ей помехи.

— Я могу спасти Констанции жизнь. Это всё, что для меня важно.

Доминик улыбнулся во весь рот.

— Что ж, сделаем это официально? Мы предлагаем тебе договор, формальное соглашение, скреплённое магией. Когда условия будут выполнены, печать сломается, и каждый снова пойдёт своим путём. Но если одна из обеих сторон не выполнит свою часть сделки, то потеряет жизнь.

— Умрёт?

— Таки образом гарантируется, что ни одна из сторон не пойдёт на попятную, — объяснила Орла, — или провалится.

— Она не провалится, — вмешался Люк. — Если Мышонок говорит, что сделает, значит сделает, я это гарантирую.

— Нам нужно что-то более весомое, чем твоё слово, Люк. Вряд ли ты объективен. — сказала Орла.

Паскаль поправил очки, а затем вытянул руки ладонями вверх. В одной он держал мерцающее зелёное пламя, в другой — крошечный клочок золотого тумана.

— Твоё сотрудничество взамен на жизнь Констанции Грей. — Он устроил из этого шоу, приводя обе части в равновесие. — Мы будем заботиться о ней настолько же хорошо, насколько хорошо ты позаботишься о нашей магии, — сказал он, и оба волшебства усилились. — Если ты не справишься...

Он потушил зелёный свет, но моё внимание было приковано к золотому туману. Коротким, отрывистым движением руки он бросил туман на пол, где тот бесшумно растворился.

— Тогда мы её изгоним. Все мы.

Я посмотрела на Люка, молча умоляя сказать мне, что есть другой способ, но он лишь кивнул, при этом от него исходило странное напряжение. Придётся полагаться лишь на свои силы.

— Ты согласна заключить такое соглашение?

В голосе Доминика была явная нотка чего-то окончательного. Если я скажу «нет», второго шанса не будет — ни для меня, ни для Констанции.

— Да, — сказала я, и мой голос затерялся в высокой комнате.

Защуршав, Доминик поднял лист пергамента со стола и показал всем нам. Затем он положил его обратно, взял лежащую тут же стеклянную перьевую ручку и обмакнул её в чернильницу. Он расписался смелым, уверенным движением. Орла и Паскаль оба подписались в свою очередь, при этом в комнате было так тихо, что можно было слышать легкое царапанье пером по пергаменту.

Когда они закончили, Доминик обеими руками протянул перьевую ручку мне.

— Маура?

Я снова взглянула в сторону Люка. Он сидел совершенно неподвижно, рот приоткрыт, будто хотел сказать что-то, но не мог подобрать подходящие слова. Его глаза находились в тени и казались в свете факелов напряжёнными. Было трудно сказать, что он видит, когда смотрит на меня, и я боялась, что он снова видит то, чего на самом деле нет.



Паскаль насвистывал перед собой с отсутствующим взглядом и таким образом снова направил моё внимание на выбор, стоящий передо мной.

Моя жизнь, подумала я. Это она стоит на кону. Моя жизнь и жизнь Констанции. Я видела, какой жестокой и беспощадной может быть сила Магии, как легко она может уничтожать людей. Единственная причина, по которой я ещё была жива и могла заключить эту сделку заключалась в том, что Верити пожертвовала собой ради меня в подземном переходе несколько месяцев назад.

Я прошла вдоль сцены и взяла перьевую ручку у Доминика.

Она состояла из прозрачного, прохладного стекла, была изогнутой и тяжелее, чем выглядела. Чернила, чёрные, как волосы Люка, блестели на остром гравированном кончике. Я наклонилась вперед и расписалась полным именем, Маура Катлин Фитджеральд. Рядом с вычурными подписями других, моя выглядела неряшливой и детской. Толстый, кремового цвета пергамент, впитал в себя чернила и края росписи расплылись. Доминик энергично забрал договор, и я вздрогнула при этом движении.

— Это все?

Я выдохнула, издав шипящий звук.

Всё было не настолько ужасно. Связующая церемония между мной и Люком была более болезненной.

Доминик похлопал меня по плечу.

— И ещё один последний пустячок.

Похоже, у этих людей всегда есть один наготове.

## Глава 13

— Договор требует, чтобы мы выковали символ нашего соглашения, — сказал Доминик.

Люк провёл Маргарет на сцену. Она держала в руках коробочку из почерневшего от времени дерева.

— Для вас, — сказала она, подняла крышку и протянула коробочку мне.

Внутри лежали пять серебряных колец, каждое из которых имело объём апельсина.

Я взяла одно кончиками пальцев.

— Браслет?

— Связующее звено. Удачи, Мо, — пробормотала она.

Доминик выступил вперёд и тоже взял себе кольцо. Когда он кивнул Паскалю и Орле, они последовали его примеру. Маргарет молча закрыла коробочку и Люк повёл её вниз по ступенькам.

Хотя я полагала, что будет достаточно лишь подписать контракт, но это тоже имело какой-то определённый смысл. Дугам не нужны инструменты, чтобы колдовать — Люк разрушил водонапорную башню Чикаго одними лишь словами — но предметы, казалось, помогают им сосредоточить магию на определённой точке. Верити получила кольцо, которое должно было помочь ей во время Разрушительного потока, а когда мы с Люком проводили связывающую церемонию, мы действительно были переплетены тонкой, платиновой цепочкой, соединяющей нас. Теперь она была невидимой и связана магией, но всё ещё постоянно напоминала о нашей связи. А ещё было оружие. Люк называл его Каналом, путём, проводящим большое количество магии. Он носил меч, на клинке которого танцевало рубиновое пламя и всякий раз, вытащив его, сталкивался с большой опасностью, с ещё большей магией. Теперь я увидела, что Кварторы носили собственное оружие.

Они образовали свободный круг и оставили место для меня. Каждый из них держал в одной руке кольцо, а в другой оружие. У Доминика был ятаган, Орла носила стрелы и лук, который был украшен искусной резьбой, возле ноги Паскаля покоилась металлический набалдашник огромного молота, который казалось невероятно тяжёлым.

— Иди сюда, — сказал Доминик и указал локтем на пустующее место возле себя. — Здесь никто не причинит тебе вреда.

Я нервно встала в круг.

Громовым голосом, рассчитанным на то, чтобы он разносился по всему залу, Доминик объявил:

Мы заключили договор, который должен оставаться в силе, пока его условия не будут выполнены. Мы закрепляем наши слова магией, источником нашей силы. Протяни своё звено.

Я так и сделала, а Доминик положил свой круг поверх моего. В комнате стало теплее, и в то время, пока Доминик говорил, казалось, что воздух сотрясается, как поверхность кастрюли, содержимое которой начинает кипеть. Он с силой ударил плоской стороной лезвия ятагана по звеньям, и в воздух полетели рубиновые искры. Я отвернулась и зажмурилась.

В нескольких шагах от меня Люк сказал:

— Больно не будет, всё закончится в течении минуты.

Я снова посмотрела на кольца. Оба круга были теперь соединены друг с другом, я не увидела на поверхности ни шов, ни трещин. С другой стороны Орла дотронулась до моего кольца своим и стукнула по нему наконечником стрелы, в то время, как произносила похожее заклинание. Золотые искры были такими яркими, что почти ослепили меня. Воздух вокруг, казалось, заряжается, и кожу головы начало покалывать, когда головная боль вернулась с нарастающей силой.

— Ты сказал, что не будет больно, — пробормотала я, обращаясь к Люку.

Его скулы, казалось, обозначились ещё сильнее, чем обычно, и когда он подошёл ближе, я увидела вокруг его радужной оболочки зелено-золотую кайму.

— Я чувствую тоже самое, как и тогда с Констанцией.

Только Паскаль и Люк отреагировали. Выражение лица Паскаля стало задумчивым, а Люк дотянулся до меня через нашу связь и пытался понять, насколько плохо всё было. В связи всё ещё чувствовались помехи, она была приглушённой, и это заставляло меня ещё больше нервничать.

— Прервите ритуал, — сказал Люк. — Это слишком рискованно.

— Мы не можем сейчас прекратить, — возразила Орла. — Договор ещё не скреплён. Наше положение останется таким же, как прежде.

— И твоя подруга снова окажется предоставленной самой себе, — сказал Паскаль, обращаясь ко мне. — Думаю, если продолжим, это будет не так опасно.

— Не так опасно? — повторила я.

— Ты уверен? — спросил Доминик. — Мы не можем сейчас потерять её.

Я почувствовала симпатию к Доминику. Наконец кто-то принял мою сторону.

Паскаль отмахнулся.

— Да, да. Хотя я не могу предсказать, какие другие побочные эффекты возможно появятся, но она это переживёт.

У меня волосы на руках встали дыбом, когда магия зарядила воздух потрескивающим

напряжением. Орла нетерпеливо выкрикнула.

— Маура? — окликнул Доминик. — Как ты себя чувствуешь? Ты в состоянии продолжить?

Я ухватилась за становящуюся всё тяжелее массу колец обеими руками и попыталась скрыть дрожь.

— Да.

Когда Доминик кивнул, Паскаль сказал могущественные слова, которые магия, возвышающаяся над нами, отбросила назад. Я ещё сильнее вцепилась в кольца, когда Паскаль пошатываясь, поднял свой большой молот, под весом которого, его тощие руки заметно напряглись. Когда он, наконец, ударил по звеньям, молот лишь коснулся их и со слабым звоном соскользнул в сторону. Одно мгновение я даже засомневалась, сработало ли это.

Но затем помещение наполнилось слепяще ярким светом, когда магия промчалась по нему и отшвырнула меня назад. Люк поймал меня и прикрыл своим телом. Я видела, как шевелятся его губы, выстраивая вокруг нас защитные щиты, в то время как магия ярко горела, но всё погрузилось в устрашающую тишину.

Как только магия успокоилась, стали снова медленно проникать звуки, шурша и потрескивая, как старомодная грампластинка. Потихоньку мой слух вернулся в нормальное состояние. Люк поставил меня на ноги и осмотрел, ища повреждения.

— Всё хорошо, — сказала я. — Моей голове... уже лучше... вроде как.

«Лучше» было довольно расплывчатым объяснением, но пульсирующая боль, которую я чувствовала раньше, отступила.

Люк окинул Кваторов сердитым взглядом, но те были слишком оглушены, чтобы что-то заметить.

— Я отведу тебя домой.

Я всё ещё крепко держала кольца, соединённые друг с другом в серебряный цветок.

— А что с ними?

— Оставь себе, как напоминание о нашем договоре, — сказала Орла.

Как будто оно мне требовалось после такого-то вечера!

— Пойдём, — сказал Люк и повёл меня прочь. С другой стороны зала послышался отчаянный всхлип. Я обернулась и увидела, что мать Люка, присев на пол, прикрывает голову руками.

— Маргарет! — крикнул Доминик и поспешил к ней.

Люк отпустил мою руку и побежал через сцену.

— Маман?

Доминик помог ей встать, бормоча слова утешения. На фоне его громадного тела её, казалось, почти карликовым. Она без усилий стряхнула его и посмотрела прямо на меня.

Я закрыла рот рукой. Её глаза стали молочно-белыми, а руки вытянуты вперёд так, будто она принимала причастие.

— Что ты видишь? — спросил Доминик.

От встревоженного мужа, которого я видела всего секунду назад, не осталось и следа. Хотя и Маргарет тоже полностью изменилась.

Несмотря на её затуманенные зрачки она не отводила от меня взгляда, пока говорила высоким, глухим голосом, звучащим совсем по-другому, чем у хижины в Байу.

— Я вижу зарю новой эры, которая унизит нас. Разрушительному потоку противостоят

четыре-в-одном, сосуд, что навсегда связан, всё, чего ищет магия.

Она замолчала и глубоко вдохнула, её руки тряслись.

— Прислушайся к ним. Объединись сердцем. Запечатая собой или мы все потеряны.

Её слова эхом отдавались в тихом зале. В её глаза снова вернулся цвет, и она упала на Доминика. Он поднял её на руки, как спящего ребёнка, на его лице появились морщины от беспокойства.

— Позаботься о ней, — сказал он Люку, указывая кивком в мою сторону. Мгновение спустя они исчезли в Межпространстве.

— Что, черт возьми, это было? — спросил Люк.

Паскаль нахмурился.

— Дар Маргарет непредсказуем, как и у всех провидцев. Вероятно, вспышка магии послужила толчком, который позволил ей провозгласить новое пророчество.

— Она говорила обо мне? — спросила я.

У меня есть другие способности. Так и есть. Сколько она могла видеть из будущего?

— Похоже на то. Мы займёмся этим, — сказал Паскаль.

— Мне не нравится, что вся эта магия течет так открыто, — сказал Люк и взял меня за руку. — Нужно отвести тебя домой.

Я как раз хотела ответить, как что-то врезалось в боковую стену здания. Факелы на стенах замерцали.

Люк выругался. Паскаль и Орла обменялись испуганными взглядами. Как всегда, я была той, кто тормозил.

— Что случилось? — спросила я.

Орла скривила губы, когда снова трянуло стену.

— Сумрачные. Мы же тебе объясняли, что их притягивает грубая магия. По звуку похоже, что их не больше двух.

На два больше, чем мне хотелось бы.

— Они нападают на здание?

— Должно быть их привлёк всплеск магии, — сказал Паскаль. — Не волнуйтесь. Орла и я без труда справимся с двумя Сумрачными. Маловероятно, что они преодолют внешние двери. Это место не слишком приятное для им подобных.

— Я не собираюсь рисковать ни под каким предлогом, — сказал Люк. — Мы уходим через Межпространство.

Несмотря на то, что моё сердце так громко билось в груди, как и существа снаружи, я ещё не могла уйти. Орла уже была на пути к ступеням, чтобы вступить в бой, но я остановила её.

— Вы обещали помочь Констанции. С этого момента это в силе.

Стены затряслись от новой атаки.

— Это важнее, — сказала Орла, указывая на лук в руке.

— Для меня Констанция важнее. — Я скрестила руки на груди.

— Хорошо. Я выберу наставника, и они завтра начнут. Тебя будут... — она усмехнулась — держать в курсе? Плоские же так выражаются, верно?

Тем временем происходящее, казалось, так быстро развивается, что я не поспевала за ним.

— Как мне починить магию? Я даже не знаю, что с ней не так.

— Хватит, — сказал Люк, когда потухло несколько факелов. — Разобраться, каким

будет следующий шаг, это их задача. Я отведу тебя домой.

Широкими, яростными взмахами руки он высек в воздухе дверь.

— Готова?

Я кивнула, и он потянул меня в Межпространство.

## Глава 14

Мы вышли из Межпространства на улице, неподалёку от моего дома. В окнах горел яркий свет, а дядин кадиллак был припарковал прямо перед грузовиком Колина.

— Вся компания в сборе, — пробормотала я и чуть не упала.

Люк схватил меня сзади за плечи, удерживая в вертикальном положении.

— Полегче, Мышонок.

Я посмотрела вдоль жилого квартала. В янтарном свете фонарей не было видно ни костлявых когтей, ни гниющих рук, ни рваных крыльев.

— Думаешь, сумрачные преследуют нас?

Он на одно мгновение сосредоточился, ища по Лей-линиям признаки приближающейся опасности.

— Сомневаюсь. Думаю, Паскаль и Орла довольно быстро с ними разобрались. И они приходили не за тобой, а за грубой магией, а здесь её нет.

— То есть, теперь я в безопасности?

— Давай не будем делать поспешных выводов. Серафимы могут быть проблемой. А договор точно ею является. Но похоже Сумрачные уже не появятся сегодня вечером.

Однако он меня не отпускал.

Я не могла думать сейчас о Серафимах или договоре. За дверью дома меня поджидало достаточно неприятностей.

— Тебе стоит проверить, как дела у матери.

Он напрягся позади, но всё же оставил подбородок лежать на моей голове.

— Знаешь, она ведь говорила о нас. В пророчестве.

— Четыре-в-одном.

Люк владел силой одной стихии; У меня было три, благодаря связи с Верити. Но через связь с Люком, мы разделяли друг с другом все четыре таланта.

— Навсегда связаны, — добавил он. — Ты же тоже это слышала.

Я знала, что он скажет — видение Маргарет доказывает то, что нам суждено быть вместе. Но я не могла с ним об этом говорить. Мне нужно время, чтобы подумать и отдохнуть. Мне снова послышался голос Маргарет, и мою грудь пронизала режущая боль, так что стало трудно дышать. Должно быть это побочный эффект от путешествия через Межпространство. Я была рада, что мы приземлились в тёмном месте, где Люк не мог видеть моё лицо.

— Сейчас мне не до этого.

Он пытался не показывать, что обиделся.

— Могу я проводить тебя до двери?

— Я сама справлюсь. — я отошла от него — Иди уже.

Я заставила себя пересечь улицу, стараясь не споткнуться, и сажала зубы, чтобы подавить боль. Я снова чётко ощущала присутствие Люка, лёгкое натянутость цепочки между нами. Когда я положила руку на ручку двери, Люк ушёл, и звук эхом пронёсся по улице.

Я остановилась, ещё не готовая войти в дом. Кольца Кварторов тянули мою сумку вниз, я выпустила её из рук, и она упала со стуком. Я правильно поступила. Констанции нужна помощь, а я была единственной, кто мог позаботиться о том, чтобы она её получила. Я должна верить в то, что это важно, что я сдержу слово, даже без договора в качестве мотивации не на жизнь, а на смерть. Это будет противоположностью тому, чему научила меня семья — говорить правду, держать обещание, брать на себя ответственность. Я что-то сделала с магией и теперь была обязана народу Верити починить её.

Через окно я видела, как мой дядя ходит по гостиной туда-сюда. Возле уха он держал телефон и рывкал приказы. Моя мать, наверняка, была на кухне, в сильнейшей панике. Колин, в качестве зрителя, прислонился к дверной раме между обоими комнатами. Он разговаривал с моей мамой, наверняка пытаюсь успокоить её, но я совершенно точно знала, что означают его приподнятые брови и скрещенные на груди руки: позже он начнёт задавать вопросы, и я окажусь в неприятном положении.

Я открыла дверь и вошла. Тут же повисла тишина, будто опустился занавес после пьесы, а затем раздался такой шум, что из-за всей этой суеты, я чуть не повалилась назад.

— Маура Кэтлин Фицджеральд! — заревел Билли, заливаясь пунцовой краской. Он закрыл мобильный. — О чём, во имя всего святого, ты думала? Никогда больше не сбегай так!

— Ты не моя мать.

Я прошла мимо него к лестнице. С меня довольно столкновений и объяснений. Мне нужны только две таблетки аспирина, а потом лечь в постель. С другой стороны комнаты Колин сделал шаг в мою сторону, не отводя от меня взгляда.

Моя мать шмыгнула вокруг него и остановилась возле дяди, сжав губы в тонкую линию.

— Зато я. И я хочу знать, где именно ты была, юная леди.

Я со стуком опустила сумку на ступеньку.

— Далекко.

— Далекко? Ничего лучше ты не могла придумать? Я так понимаю, что сегодня утром ты тоже была «далекко», когда прогуляла школу. Я разговаривала сегодня вечером с сестрой Донной, и она всё мне рассказала.

— Я знаю. Я вас слышала.

Я скрестила руки на груди и приготовилась к неизбежной ссоре. Её торжествующее лицо сменилось неуверенностью.

— Я тебя совсем не видела.

— Я также услышала, что отец возвращается домой.

Ещё шесть месяцев назад я бы больше ничего не сказала. Но не теперь.

— Ты должна была сказать мне. Все в церкви знали об этом, мама. Завтра в школе все будут только это и обсуждать.

Краешком глаза я заметила удивление на лице Колина, сменившееся пониманием. Похоже он тоже не знал.

— Я хотела дождаться подходящего момента... — она моргнула и затем просияла. — Разве это не чудесно?

Я рассмеялась, несмотря на усталость.

— Хочешь разыграть меня? Это полная противоположность чудесному. Ты сошла с ума!

— Следи за языком, — отрезал Билли. — И не меняй тему. Где ты была сегодня вечером?

Колин сжал спинку кресла, цвета слоновой кости, и моё сердце почти разрывалось, когда я увидела его обеспокоенное выражение лица.

Мне было всё равно, злятся ли на меня мама и Билли. Для разнообразия даже клёвс быть той, у которой есть ответы, и платить им той же монетой. Но с Колином всё иначе. Со смерти Верити он был единственным человеком, с которым я больше всего была сама собой. Мне не нужно было ни притворяться, ни скрываться, ни стыдиться. Когда я находилась с Колином — было достаточно быть просто Мо. Он сделал мне такой подарок, а я, в обмен, доставляла ему лишь беспокойство.

Но сказать ему об этом сразу не представится никакого случая. Я могла лишь беззвучно сформировать губами «прости», в то время, как моя семья обрушилась на меня.

Моя мать скрестила руки на груди.

— А ну, марш на кухню! Эта тема ещё не закрыта.

О, замечательно. Мне действительно хотелось поучаствовать в сборе семьи. Я пересекла комнату и специально задела руку Колина.

Он отпрянул.

— Я, пожалуй, пойду.

— Останься, — пролаял дядя, и на лице Колина промелькнуло раздражение. Его лицо было настолько красивым, что даже ярость шла ему. — Мы введём пару изменений, и ты должен быть в курсе.

Это прозвучало не слишком многообещающе. Я не любила изменения и сомневалась в том, что сегодня будет исключение из правил.

— Изменений? — повторила я и опустилась на свой любимый стул.

— Нечего ужасного, — моя мама проследовала за мной в кухню и остановилась у стойки. — Мы думаем, что будет лучше, если в ближайшем будущем ты не будешь уходить слишком далеко от дома.

— Что значит «не слишком далеко от дома»?

Она выпрямила спину.

— Ты и дальше будешь ходить в школу и в церковь, и сможешь работать в Слайсе, но пока твоё поведение не изменится в лучшую сторону, и мы не узнаем, что твоя успеваемость в школе снова соответствует ожиданиям, ты будешь под домашним арестом.

— Ты же шутишь, да? — но моя мама не шутила. Склонность к шуткам просто отсутствовала в её генах. — Ты садишь меня под домашний арест. В последний учебный год.

— Ты столько пережила, моя дорогая. Я думаю, тебе необходим небольшой отдых.

Она взяла одно из яблок со стойки и начала его чистить, так что кожура отходила одной блестящей красной завитушкой. Несмотря на её дрожащий уголки рта, ладони лежали на ноже уверенно и спокойно. Я наблюдала её за этим занятием уже бесчисленное количество раз.

— Итак, — сказал Билли, сел за пластиковый стол и сердито на меня посмотрел. — Где ты была?

Я бросила взгляд на Колина, который смотрел в окно, выходящее на веранду. Меня одолела усталость, и я сложила руки на столе, образуя подушку для головы.

— Я же вам уже сказала. Далеко.

— Где это «далеко»? — требовательно спросил он.

— Не здесь.

Несмотря на то, что мой голос был приглушенным, звук удара, когда Билли хлопнул по

столу, доказал, что он меня услышал.

— Это не ответ.

Я подняла голову и смерила его взглядом — то, как его белоснежные волосы свисали вниз, в уголках его глаз и рта образовались новые морщины, и он казался уставшим. Старше, чем я осознавала. Он был намного старше моей мамы, на целых пятнадцать лет. У них были ещё другие братья и сестры, но Билли единственный, кто приехал сюда с моими бабушкой и дедушкой из Ирландии. Моя мать родилась здесь, в Америке. После того, как мои бабушка и дедушка умерли, остался только он, кто мог позаботиться о моей маме. На какой-то момент я почувствовала, как во мне проснулось сострадание. Затем я напонила себе, что может он и заботится о маме, но в то же время сам нёс вину за то, что нам вообще требовалась помощь.

Не сказав ни слова, я опустила причиняющую боль голову на руки.

— Ладно. Тогда скажи, вместо этого, с кем ты была.

— С тем, кого вы не знаете.

— С девушкой, которая приходила сегодня в ресторан?

С Дженни Ковальски? О, Боже. Насколько будет всё ужасно, если он узнает, что Дженни проводит расследования о смерти своего отца и винит в ней меня. Не думаю, что он станет что-то делать подростку — в сущности, нет. Хотя месяц назад он, недолго думая, послал меня загребать жар руками, требуя ложно обвинить кого-то в смерти Верити, чтобы увеличить своё положение в мафии. Невозможно представить, что он сделает, если подумает, что Дженни представляет угрозу — а, судя по её пылкой интонации, возможно так и есть.

Я, приложив невероятное усилие, тяжело поднялась со стула и посмотрела ему в глаза.

— Нет. Я же сказала, это был кто-то, кого вы не знаете.

— Парень? — спросила мать визжащим голосом и отложила нож в сторону. — Ты была вместе с парнем?

Колин медленно повернулся, его лицо было абсолютно бесстрастным. Я тщательно подбирала слова, они предназначались для него.

— Было кое-что, что мне нужно было сделать.

Я надеялась, что Колин поймёт, на что я намекаю, выбрав слова «нужно было», а «не хотела», но его глаза были затуманены и загадочны. Я снова с трудом направила своё внимание на Билли и потёрла лоб.

— И ты думаешь, что можешь просто так исчезнуть одной из церкви? Даже не попрощавшись?

Это было не просто, и я не справилась бы одна, но в остальном... Да, именно так. Но не думаю, что мне чем-то поможет, если я выскажу это вслух.

— Для чего было оставаться? Чтобы люди могли и дальше ехидничать о возвращении папы? Я просто не могу поверить в то, что ты меня не предупредила.

— Милая, для чего было предупреждать? Я знаю, что ты сердишься из-за того, что папа нас бросил, но он же возвращается. Это благословение!

— Он не бросил нас. Его осудили за множество тяжких преступлений.

— Ты опять видишь только негативное.

Могла ли она быть настолько наивной?

— В том, что он возвращается, нет ничего, по-настоящему, позитивного. Я не хочу, чтобы он приходил сюда. Я не хочу жить с ним под одной крышей.



— Это решать не тебе, — голос моей матери принял резкий, режущий тон, а её глаза опасно сверкнули. — Это мой дом, и я стёрла себе пальцы до костей, чтобы так и осталось. Он — твой отец и мой муж, и ты будешь относиться к нему с подобающим уважением. Все совершают ошибки, Мо. Даже ты. Но мы прощаем друг друга, потому что в семьях так принято.

Она прижала руку ко рту и выбежала из комнаты.

В моей семье много что принято, но вот что прощение было таким важным, никогда не подумала бы. Я покачала головой и попыталась поймать взгляд Колина. Но он всё ещё смотрел в окно, вероятно в надежде, что выследит Люка.

— Теперь ты довольна? — спросил Билли. — Такого прекрасного дня у неё не было уже много лет, а ты ей его испортила.

Я снова положила голову на руки, потому что не хотела, чтобы Билли заметил чувство вины, начинающее грызть меня.

— Ты ведь уже многое пережила, правда? — спросил он после долгой минуты.

Его голос стал нежнее и, когда я подняла на него взгляд, его руки расслабленно покоились на столе. Он казался добродушным и полностью здравомыслящим.

Ему что-то нужно.

— Мо, ты уже достаточно взрослая, чтобы узнать правду. Одну ее часть ты уже разгадала, ведь ты умная. Что касается другой... Что ж, ты заслужила объяснение.

Я подперла подбородок ладонью и приготовилась услышать очередную новую версию правды.

— Парни, которых я просил тебя опознать этой осенью, работают на Юрия Экова. Он — нехороший человек. Он алчен, склонен к насилию и непредсказуем. Он стремится распространить свою приступную деятельность и в нашем квартале. Я совершенно уверен, что он виновен в смерти Верити. Только благодаря милости божьей ты осталась жива.

Я могла бы его поправить, но не стала. Билли был не единственным, кто умел хорошо скрывать свои карты.

Он продолжил:

— Я просто хочу держать его подальше от нашего квартала, чтобы защитить всех нас — нашу семью, наших друзей, наш образ жизни. Ты наверняка думала, что сделала правильно, когда не опознала этих парней, но ты только привлекла к себе внимание. Ты в опасности, и уже давно поздно для такого легкомыслия. Ты не можешь просто так ходить по городу без охраны.

Я показала на Колина.

— С охраной.

— И всё же сегодня вечером ты ускользнула.

Он, нахмурившись, посмотрел на Колина.

— Твои парни ведь были с тобой в церкви, уже забыл? Не обвиняй его, если и твои головорезы не способны справиться со своей задачей. Твои дела с Юрием Эковым меня не интересуют. Я же тебе уже один раз говорила, что не собираюсь принимать в этом участие.

Глаза Билли сузились.

— Ты забываешь, насколько сильно я могу влиять на твою жизнь, Мо. Ты пока ещё ребёнок на попечении матери, а она слушается меня. Тебе стоит это учесть в своих действиях.

Учесть мне стоит только одно, а именно, чёрт побери, убраться из этого дома. Или, по

крайней мере, из кухни.

— Я иду спать.

Когда я вставала, я крепко держалась за край стола, чтобы сохранить равновесие, потому что комната закружилась вокруг меня. Я прикусила язык, чтобы не застонать и сосредоточилась на том, чтобы подняться наверх и не упасть. Если Билли заметит, что что-то не так, то сразу же заставит пройти тест на алкоголь. Если же Колин что-то заметит — а это казалось мне более вероятным — то поднимет эту тему завтра, во время допроса

Как только добралась до комнаты, я кинула сумку на кровать и нырнула за ней вдогонку. Домашний арест? Мне почти восемнадцать. Контрольные я всегда писала на отлично. Я работала в яслях при церкви с тринадцати лет. И я спасла дурацкий мир, а теперь должна просидеть мой последний учебный год под замком только потому, что один раз прогуляла занятия? Капля на выцветшем стёганном одеяле привлекла моё внимание, и я наклонилась к ней ближе. Она быстро пропиталась в тщательно обработанную хлопчатобумажную ткань. А затем появилась вторая, ало-красная, и слилась с первой. Я дотронулась до пятна и когда отняла пальцы, они были багряными.

Кровь, поняла я, когда мой измученный мозг медленно собрал всё воедино. И она моя.

## Глава 15

На следующее утро кровотечение из носа было меньшим из моих проблем. Колин ждал на кухне с хмурым лицом.

— Привет, — сказала я и направилась прямо к кофейнику. Слишком частые путешествия через Межпространство и кошмары сделали своё дело, у меня всё болело, и я находилась в полном смятении. — Хочешь тоже?

— Нет.

Он подождал, пока я положу в кофе сливки и сахар и сделаю первый глоток.

— Что ж, вернёмся к вчерашнему вечеру.

Я посмотрела на него поверх кружки. Колин был высоким, наверное, где-то метр восемьдесят, и казался, совершенно спокойным, как стоял там, прислонившись к стойке. Лишь штормовой, серый цвет его глаз указывал на ярость, бушующую в нем.

— Всё сложно.

— И как раз это я не понимаю. Ты сделала то, что они хотели. Почему на этот раз они не могут найти кого-нибудь другого, кто помог бы? — он оттолкнулся от стойки. — За последние 24 часа ты два раза встречалась с Люком и оба раза, когда возвращалась, выглядела так, будто тебе задали хорошую трёпку. Мне это не нравится.

— Откуда ты знаешь, что Люк был со мной?

— Когда ты исчезаешь из церкви, хотя Билли поставил целый отряд своих людей наблюдать за зданием, мне не нужно было никакой магии, чтобы понять, кто к этому причастен.

— В этом не было его вины. — Я с размаха поставила кружку на стол, стукнув ей сильнее, чем хотела.

— А он, по твоим словам, никогда не виноват. Чего он хочет на этот раз?

— Мне надо в школу.

Я почти услышала, как он заскрежетал зубами.

— Бери свою сумку.

Если я надеялась, что во время поездки у меня будет передышка, то ошиблась. Как

только мы оказались в грузовике и застряли в утренней пробке, Колин снова принялся за своё.

— Итак? Этому парню постоянно что-то надо. Как-будто я не знаю, что именно.

— Всё не так, — сказала я и покраснела, вспомнив о пальцах Люка на моём подбородке. — Я четко дала ему это понять.

Колин фыркнул:

— А он ведь так хорош в соблюдение границ.

Вопль сейчас тоже не поможет, не важно насколько раздражённой я была.

— Что ж, зато ты слишком в этом хорош. Золотая середина была бы прекрасна.

— Не дави на меня.

— Это единственный способ чего-то от тебя добиться.

Внезапно мне показалось, что путь, лежащий перед нами, стал более каменистым, чем когда-либо ранее, поэтому я перевела разговор на менее сложную тему.

— Помнишь, я рассказывала, что с магией что-то не в порядке?

— Да.

— Я нужна Кварторам, чтобы починить ее. Они не хотели помогать Констанции, пока я не согласилась попробовать всё исправить.

Голос Колина был холоден как лед:

— Что за люди используют четырнадцатилетнюю девочку как средство давления?

— А мне и не нужно любить их, — сказала я. — А всего лишь помочь.

— Ты приняла их сделку.

Это был не вопрос. Он ударил по приборной панели.

— Бог мой! Хотелось бы мне, чтобы ты, хоть иногда, ставила себя на первое место.

— Ты сделал бы тоже самое, — ответила я. — Она всего лишь ребёнок. И она одинока.

У меня не было выбора.

— А Люк тебя, с радостью, заставил.

— Вообще-то, нет. Это Кварторы.

Пойти к ним была идея Люка, но я упустила эту деталь.

— Это плохая идея, — сказал Колин. — Билли волнуется. Я знаю, что ты ему не доверяешь...

— По хорошей причине.

— Некоторые вещи, о которых он говорил вчера вечером — правдивы. Экомов влезает в дела твоего дяди. Билли отчаянно ищет хоть какой-нибудь способ избавиться от русской мафии. Его боссы давят на него, чтобы он действовал более агрессивно, и ходят слухи, что они заинтересованы в тебе.

— Во мне?

— Ты же не думала, что все так просто забудут то опознание, не так ли? Боссы Билли заметили тебя, и он думает, что может воспользоваться этим.

— А ты говоришь, что Кварторы — негодяи?

— Билли хочет защитить тебя, но ты непредсказуема. Он думает, что вероятность того, что ты попадешь в беду будет ниже, если держать тебя «на коротком поводке».

— А ещё, так меньше вероятности, что я сделаю что-то, что навредит ему, не так ли?

Колин бросил взгляд в зеркало и не ответил. Как обычно, когда грузовик подъезжал, девочки, стоящие во дворе, прекращали разговоры и смотрели на нас. Каждый раз, когда Колин появлялся на школьной территории, он притягивал к себе всеобщее внимание.

— Что у него есть против тебя? — спросила я, игнорируя, как мои соученицы отбрасывают назад волосы и по-дурацки улыбаются. — И, хотя, ты никогда не говоришь об этом, я знаю, что ты у него в долгу. В каком?

— Это в прошлом, — ответил он. — Ничего, о чем тебе стоило бы беспокоиться.

Мои кулаки сжались на коленях.

— Не говори мне, что я не должна волноваться. Так всегда поступает Билли, когда сделает что-то ужасное и не хочет, чтобы я узнала правду.

— Иногда лучше не знать её, — сказал он и накрыл мои руки огрубевшими ладонями. Нежность жеста лишь подчеркнула режущий тон слов.

— Тут ты ошибаешься. И нет ничего хорошего в том, что ты молчишь. Мне всё равно, что ты сделал. Это не играет никакой роли.

— Тогда тебе и не нужно ничего знать, ведь так? — Я хотела ответить, но он прервал меня. — Не пропускай сегодня школу. Что бы не произошло в волшебной стране, это ничто по сравнению с тем, что сделает Билли, если ты снова исчезнешь.

Я обиженно вытатила руки и вышла из машины.

— Смотри, не попади в неприятности, — сказал Колин. Я повернулась и посмотрела на него. Из-за затянутого тучами неба его волосы казались темными как каштановый мёд. Его глаза были серыми как шифер и такими же неподатливыми.

Он не передумает — ни о том, что касается Дуг, ни о его прошлом, и я не знала, как нам преодолеть хоть одно из этих препятствий. Я отвернулась и поднялась по широким ступеням, ведущим к двери, вынуждая себя не оборачиваться. И когда Лена нашла меня у моего шкафчика, я почти смогла ей улыбнуться.

— Ничего себе, — сказала она и смерила меня взглядом. — Колин?

— Так — лучше.

Казалось мне не удалось её убедить, но она всё-таки кивнула.

— Знаешь, что тебя взбодрит?

— Брауни?

— Ах, чего захотела. После будет тебе шоколадка, идет? Но, а пока... — Она, театрально раскинув в стороны руки, станцевала степ. — Сплетни, сплетни, сплетни!

Я не могла по-другому, кроме как улыбнуться её воодушевлению. Я знала, что Лена следит за всем, что происходит в радиусе школы, но она чаще всего скрывала свои знания.

— Конечно, очень сочные.

— Как персик.

Она указала на коридор, ведущий в бюро учительницы-консультанта:

— А именно, выяснилось, что мисс Тёнер использовала свою школьную электронную почту, чтобы переслать непристойные фотографии тренеру по баскетболу из Св. Себастьяна.

— В самом деле?

Мисс Тёнер была учительницей-консультантом, ответственной за первую четверть алфавита — если у тебя была фамилия, которая начиналась с А до Ж, то она была у тебя учителем-консультантом на протяжении всей твоей школьной карьеры в Св. Бригитт. Этой осенью она потратила много времени на то, чтобы уговорить меня, открыто рассказать о своих чувствах. Она носила полверы с джемперами в комплекте и стрижку под мальчика, из-за которой выглядела слишком молодой, чтобы давать хорошие советы тому, кто был страши девяти лет. Никогда не подумала бы, что она такая шалунья, но я уже вообще не была уверена в том, что по-настоящему знаю кого-то.

— В самом деле. Сестра Донна получила копию этого письма.

Мы шли в сторону класса, где должен был начаться первый урок.

— Я так понимаю, мисс Тёнер покинет нас, чтобы воспользоваться другим шансом построить карьеру? — спросила я.

— Уже. Новая учительнице-консультант начинает работать сегодня.

— Быстро же это произошло.

— Ну, мы же говорим о сестре Донне.

— Уж, где ты права...

Я надеялась, что скандал с мисс Тёнер будет единственным происшествием дня, но 3 часа спустя стало понятно, что этому не бывать. В то время, как мы с Леной работали над нашим экспериментом по химии, одноклассники за другими столами делили свое время, сосредоточившись на собственном эксперименте — ведь соляная кислота, это не игрушка, как нам говорили уже миллион раз — и наблюдая за мной, будто бы и я была объектом для научного исследования. Доктор Сандерсон прогуливалась по комнате туда-сюда, проверяя вычисления и следя за тем, чтобы все придерживались мер предосторожности.

Я непроизвольно погрузилась в эксперимент. Как раз по этой причине мне нравятся естественные науки. Всё предсказуемо.

Существуют правила, которых нужно придерживаться, модели, которые можно наблюдать. Даже если результаты оказывались неожиданными, рано или поздно, ты всё равно понимал суть дела.

В то время, как я измеряла кислоту в мензурке, Джилл МакАллистер прошла к точилке для карандашей, которая находилась в паре метрах от нас. Лена толкнула меня в бок, и когда я подняла взгляд, то увидела стоящую рядом с нашим лабораторным столом Джилл. Она крутила в пальцах карандаш.

— Нам не хватало тебя вчера во время занятий, — сказала Джилл. — Что-то случилось с твоей... семьёй?

Её улыбка была чистым зубоскалением без какой-либо искренности.

Я проверила уровень раствора в мензурке, не обращая внимания на Джилл. Её отец, как она напоминала всем при каждой возможности, играл в ракетбол с прокурором. Джилл считала, что это делает её экспертом относительно конфликта моей семьи с законом. А я — что это делает её глупой истеричкой, жаждущей внимания.

— Или же с Констанцией Грей? — размышляла она вслух, так что ее голос доносился до других столов. — Кое-кто сказал, что она приняла передозировку в уборной для девочек.

Я вскинула голову.

— Она сегодня в школе, идиотка. Если бы у нее была передозировка чего-либо, то сейчас она находилась бы в больнице. У неё было пищевое отравление.

Во время паузы я пыталась выследить Констанцию, но ей всегда удавалось ускользнуть до того, как у меня получалось подобраться к ней поближе. Кроме того, взгляды, которые она бросала в мою сторону были не особо располагающими к разговору.

— Пищевое отравление, — сказала Джилл и отбросила назад светлые, длинной до плеч волосы. — Странно, что никто больше не заболел, не так ли?

— Тебе, что, нечего делать? Где-нибудь в другом месте? — спросила я и вылила нейтрализующее средство в мензурку, заполненную кислотой.

Глаза Джилл сузились и заметались между мной и Леной туда-сюда.

— А что ты сразу огрызаешься! Св. Бригит это одна семья, ты же знаешь. Кстати, насчет

семей...

Я напряглась, ожидая выпада, но вместо этого она набросилась на Лену.

— Как дела у твоей, Лена? Я никогда не вижу её во время спортивных и других мероприятий. Собственно, почему?

— Они очень заняты, — ответила Лена и склонилась к своей тетради. Карандаш в ее руке слегка дрожал.

— Ах, как жаль, — ехидно сказала Джилл. — Я уверена, что многим хотелось бы познакомиться с ней. Возможно, вы могли бы что-нибудь предпринять вместе, когда вернется отец Мо. Ты ведь, должно быть, уже безумно радуешься, что он скоро снова будет дома, Мо.

— Я в восторге.

Но я почти не слушала ее — моё внимание было полностью направлено на Лену, когда я заметила, что та побледнела из-за слов Джилл. Мне ещё никогда не доводилось видеть, чтобы Лена отступала.

— Ну, а можешь поставить меня в известность, когда же наступит этот великий день? Я позабочусь о том, чтобы не оставлять свою сумку где попало, — объявила Джилл.

Девочки за соседними столами вокруг нас засмеялись.

Мои инстинкт и гнев взяли верх. Я посмотрела Джилл в глаза и одним движением пальца толкнула мензурку к краю стола, та перевернулась, и раствор в ней брызнул на плиточный пол. Немного капель попало на обувь Джилл.

Джилл отпрыгнула и заверещала:

— Ты сделала это специально!

Доктор Сандерсон подбежала и отогнала нас подальше от лужи.

— Мо, это правда?

— Нет! Я бы никогда...

В этот раз моя репутация хорошей девочки оказалась полезной.

— Это был несчастный случай.

Лена, стоявшая рядом со мной, выразила согласие:

— Мы уже почти закончили с экспериментом. Для чего ей все портить? Теперь нам придется начать всё сначала.

Учительница оценивающе посмотрела на нас.

— Вы уже отрегулировали pH?

Я кивнула. Раствор, который я пролила, был не кислее апельсинового сока, но пах намного хуже.

— Что ж, на всякий случай, принесу защитное оборудование. Джилл, иди и закончи свой эксперимент. Мо и Лена, сейчас уже нет времени начинать ещё раз. Уберите всё. Придётся во время обеденного перерыва, чтобы повторить эксперимент.

На ходу Джилл откинула назад волосы со злостью выраженным лицом.

— У тебя и вправду крыша поехала, да?

— Все знают, что я растяпа.

Я пожалала плечами и улыбнулась невинной улыбкой.

— Что поделать? Моя семья замешана во многих... несчастных случаях.

Джилл смертельно побледнела, затем стала красной, как рак и прошла на своё место.

Негодующее бормотание донеслось от её стола.

Лена уставилась на меня:

— С каких пор ты стала жестокой принцессой всей мафии?

Я начала мыть наши пробирки и пипетки.

— Ни с каких. Просто моё терпение лопнуло и мне больше ничего другого не пришло на ум, что заставило бы её замолчать.

Мы обе посмотрели в сторону стола Джилл, где та стояла, окружённая стайкой своих близких друзей, возмущённо перешёптывающихся. Сама она молчала, но как только заметила нас, выражение ее лица стало мстительным и расчетливым.

— Что-то мне не верится, что она из тех, кого можно заткнуть, — сказала Лена.

## Глава 16

Во время обеденной паузы мы с Леной вернулись в химическую лабораторию.

— Мне очень жаль, — сказала я. — Я не хотела доставлять тебе ещё больше работы.

Она смахнула со свитера ворсинку.

— Джилл МакАллистер та ещё глупая коза. Она нацелилась на тебя, но и я тоже не ее любимица.

— Она знакома с твоей семьей?

— Нет. — Лена сказала это таким тоном, что было ясно, она не хочет углубляться в эту тему.

— Но сделай мне одолжение, хорошо? Когда она в следующий раз сцепится с тобой — больше не промахнись.

— Я постараюсь.

Доктор Сандерсон подняла взгляд со стопки бумаг и подозвала нас жестом к своему столу. Прежде, чем мы успели одеть защитные очки, затрещало переговорное устройство и жестяной голос школьной секретарши вызвал меня в бюро.

Доктор Сандерсон тяжело вздохнула.

— Что ж, иди. Значит вам придётся закончить эксперимент завтра во время обеда — если только ты не хочешь поработать в этот раз одна, Лена?

Секунду Лена колебалась и провела рукой по своему пышному хвосту. Я старалась не чувствовать обиду. Это из-за меня нам придётся заново проводить эксперимент, и она ничего мне не должна. Я не намеревалась заводить новую, лучшую подругу, прежде всего потому, что всё равно скоро перееду. Кроме того, моя жизнь была запутанной. И опасной. Лена стала бы лишь ещё одним человеком, от которого мне пришлось бы скрывать правду, и что это тогда будет за дружба? Но мне всё равно было обидно. Совсем чуть-чуть.

— Всё в порядке, — сказала я. — Оставайся.

— Нет. Завтра днём мне тоже подойдёт.

Для кого-то наподобие Джилл, это было бы мелочью. Для меня — светлый момент удручающего дня.

Я привыкла, что меня вызывают в бюро на нижнем этаже. Я постоянно выполняла поручения учителей или была там по какому-нибудь заданию для школьной газеты, но сегодня лестничная площадка казалась мне гнетущей.

Когда люди проходили мимо, по их лицам было заметно, что они узнают меня, прежде чем они быстро отворачивались, будто боялись, что я поймаю их на том, как они пялятся на меня. Наверняка, Джилл распространила сплетни об уроке химии, рассказав при этом свою версию произошедшего.

Я остановилась перед бюро, чтобы поправить свитер и пригладить волосы. Теперь я всё

чаще носила их распушенными и немного пышнее, чем обычно, но в моменты, как этот чувствовала себя с такой причёской скорее неряшливо, чем непринужденно. Я сделала вдох, распахнула дверь и вошла.

Бюро пахло тропическим освежителем воздуха типа таких, что вставляют в розетку, и секретарша посмотрела на меня из-за главной стойки.

— Проходи. Тебя ждут в кабинете отца.

Коридор был украшен фотографиями всех выпускных классов, их было больше семидесяти. Несмотря на подходящую по времени одежду — перчатки до запястья, струящиеся, хлопковые хиппи-платья, плечики, как у футболистов — каждая группа казалась счастливой и бодрой, готовой ко всему, что им уготовил мир, уверенные, что смогут преодолеть всё. Я не могла себе представить, что буду чувствовать тоже самое, когда покину Св. Бригитт. Единственное выражение, которое уловит камера во время моего выпускного — будет полное облегчение.

Если не вылечу со школы раньше.

Я постучала в открытую дверь.

— Заходи, — сказал отец Армандо. Он поднялся позади массивного, орехового стола, чтобы поприветствовать меня. Сестра Донна стояла возле одного из бардовых кресел, указывая мне жестом на другое.

— Я так понимаю, ты знаешь зачем мы вызвали тебя сюда, Мо, — продолжил отец, после того как мы сели.

Не для того, чтобы назначить меня лучшей ученицей месяца, в этом я была уверена. Те дни прошли. Неужели Джилл подала официальную жалобу из-за сегодняшнего случая в химической лаборатории? Не думаю, что это так. Наверняка она намеривалась отомстить мне более лично.

— Мы очень беспокоимся. — Сестра Донна наклонилась вперёд; она излучала сердечную строгость. — Ты прошла через ужасно трудное время, и все здесь пытались тебе помочь.

— Я знаю. — Я сцепила пальцы и опустила взгляд. У меня было достаточно опыта с чтением нотаций дома, чтобы знать такие трюки, с помощью которых, можно было их сократить. — Вы прекрасно мне помогали.

Отец пробежал глазами по страницам лежащей перед ним папки.

— Похоже, что ты себя мучаешь. У твоих учителей сложилось впечатление, что твоя успеваемость снизилась. Ты избегаешь других девочек. И я всё ещё не понимаю, что тогда произошло во время твоего собеседования для колледжа. Такая импульсивность тебе не свойственна. Кто знает, какими будут последствия?

Я думала, что хорошо это скрывала, но они меня раскусили. Мои щёки горели, руки стали холодными и те, и другие жгло от стыда.

— А также твоё посещение уроков заставляет волноваться, — продолжил он. — Ты уже неоднократно пропускала занятия. В частности, вчера.

— Констанции было плохо, — сказала я. — Я отвела её домой.

Сестра Донна поставила чашку на стол.

— Покидать территорию школы без разрешения — это тяжёлое нарушение. Ты должна была проинформировать медсестру.

Медсестра раздавала пластыри, пакеты со льдом и крекеры. Не совсем то, что нам нужно было вчера.



— Думаю, я запаниковала. Она просто хотела домой.

— Желания Констанции здесь не обсуждаются. Ты не в первый раз отсутствовала без уважительной причины. Мы пытаемся понять, что с тобой происходит, чтобы помочь, но ты усложняешь нам дело. — Она серьёзно покачала головой.

— Со мной ничего не происходит.

Отец нахмурился, и его голос принял тон мягкого упрёка.

— Это не совсем так. Твоя мать очень взволнована тем, что твой отец возвращается домой. Можно предположить, что ты не настолько этому рада.

— Всё это вообще не имеет никакого отношения к моему отцу. Моя мать даже не рассказывала мне о его возвращении до вчерашнего вечера.

— Это было до или после того, как ты покинула церковь, не предупредив свою семью? — спросила сестра Донна. — Я знаю, что нас не касается то, что ты делаешь в своё свободное время, но из этого вырисовывается шаблонное поведение, понимаешь? И мы считаем, что оно внушает опасения.

— Мне жаль, что я без разрешения отвела Констанцию домой.

Такого больше не повторится.

Как правило, чтобы уладить конфликт, хватает извинения и обещания исправиться, особенно, если обычно редко попадаешь в трудности. Но судя по серьёзным взглядам, которыми обменивались сестра Донна и отец Армандо, в этот раз этого будет недостаточно.

— В этом семестре ты уже два раза пропускала уроки без разрешения. Согласно школьному уставу должны быть предприняты дисциплинарные меры.

На лбу у меня проступили маленькие капельки пота. Они собирались временно отстранить меня от занятий? НИУ ни при каких обстоятельствах не примет меня, если меня временно отстранят. Паника начала подбираться к горлу.

— Но..

Отец Армандо поднял обе руки, таким образом отклоняя все возражения.

— Как я уже сказал, мы вполне осознаём, что ты недавно пережила трудное время и мы готовы пойти тебе навстречу. Вместо того, чтобы временно тебя отстранить, мы всю оставшуюся часть полугодия даём тебе испытательный срок. Никаких больше пропусков без уважительной причины. Ты должна принимать больше участия в уроках. И не только в уроках.

— Не только в уроках... — Я играла в футбол и была одной из шеф-редакторов школьной газеты и членом национального сообщества почёта. Я три года подряд работала над постановкой Весеннего мюзикла, обслуживая технические приспособления для создания сценического эффекта. Что же ещё нужно будет взять на себя?

Сестра Донна перебила меня, будто прочитала мои мысли.

— Мисс Корели заверила нас, что, хотя ты и выполняешь работу для школьной газеты без энтузиазма, но она удовлетворительна. И, конечно же, футбольный сезон начнется лишь весной. Но твоё членство в НСП — это привилегия, а не право. С таким же успехом оно может быть отменено.

— У меня хорошие оценки.

— В Сообществе почёта имеют значение не только оценки и углублённые учебные курсы. Речь идёт о характере, служении общему благу и о том, чтобы вносить свой вклад в школьное общество. В прошлом году ты была достаточно активна, часто раздавала еду бедным и принимала участие в других добровольных проектах, но в этом году... ничего. По

словам доктора Сандерсон, ты пропустила половину встреч.

— Я... я была очень занята.

Например, спасением мира. Что, как я считала, было абсолютно благотворительным проектом.

— Поэтому мы и даём тебе шанс, чтобы всё исправить. Доктор Сандерсон указала на то, что НСП проводит «Сади-Хавкинс» бал. Выручка пойдёт, как мне кажется, на детский мемориальный госпиталь.

Что-то в желудке медленно и неприятно перевернулось.

— Похоже, им ещё требуется помощь в декорировании, проверки билетов, уборке и тому подобное. Ты всё ещё не вызвалась добровольцем.

— Я не собиралась туда идти, — сказала я.

Всё было бы по-другому, если бы я смогла уговорить Колина, но я знала насколько это безнадежно, ещё прежде, чем спросить у него.

— Тебе и не нужно принимать в нём участие. Точнее говоря, даже нельзя, потому что у тебя испытательный срок. Но ты можешь выделить время, чтобы послужить общему благу. Возможно это поможет тебе занять мысли чем-то другим, и не думать постоянно о своём горе.

Я уже и так чертовски много сделала, послужив на общее благо, хотя «Плоские», такие как сестра Донна, не осознавали этого. Как же несправедливо! Я рисковала жизнью, чтобы помочь Дугам, и это ничего не принесло мне, кроме неприятностей в моей нормальной жизни. И вот теперь опять.

— Что скажешь? — спросил сердечно отец Армандо и удовлетворённо потёр руки. — Если ты немного постарайся, то мы сможем вернуть тебя на верный путь.

— Меня посадили под домашний арест, — сказала я, пытаюсь изобразить сожаление. — Не думаю, что моя мать выпустит меня из дома.

— Мы уже поговорили с твоей матерью, — ответила сестра Донна, облачиваясь на спинку кресла с удовлетворённым выражением лица. — Вчера вечером. Должно быть это произошло, когда ты ушла. Она считает, что это дело того стоит, и сделает исключение.

Конечно она так считает. Если меня отстранят от занятий или я вылеку из НСП, те люди, возможно, будут плохо о нас отзываться. А мы ведь не можем позволить себе такого, правда?

— Итак, — сказал отец Армандо, — мы договаривались? Прежняя Мо вернётся?

Мне даже не нужно было раздумывать. Ложь — это грех, а обманывать священника должно быть ещё хуже, хотя эту специальную тему мы никогда не обсуждали на уроке религии. Но я приму любое наказание, которое они потребуют, лишь бы сохранить шанс попасть в НИУ. Если это означает вернуть боязливую, послушную девочку, которой я была раньше, тогда я буду притворяться столько, сколько потребуется.

— Вернётся, — сказала я, с трудом изобразив на губах улыбку.

После экскурсии в бюро у меня пропал всякий аппетит, но было ещё полно времени до окончания обеденного перерыва. Когда я направилась в кафетерий, ко мне подошла Костанция, и я остановилась.

— Они тебя вышвырнули? — спросила она. Бледность, что покрывала её щёки накануне, исчезла, глаза снова были такими как прежде, кобальтово-синие и полные злости.

— Я на испытательном сроке.

Она казалась разочарованной.

— Как ты себя чувствуешь?

Я подошла и хотела прикоснуться к её плечу, но передумала. То, как она на меня смотрела — скорее всего, если прикоснусь, она оторвёт мне руку.

— Что ты со мной сделала? У меня не было никакого пищевого отравления, и я ничего не глотала, хотя все утверждают обратное.

— Люди говорят всё возможное, но это не значит, что так и есть.

— Тебе лучше знать.

Она сестра Верити, напомнила я себе, одинокая, растерянная девочка и ничего не знает о магии. Как и все остальные в Св. Бригитте, она слышала слухи, по которым мне приписывали вину в смерти Верити. Видимо она верила в них.

— Я могу объяснить тебе, что вчера случилось. В некотором смысле.

Однажды мне тоже давали подобное объяснение, которое я получила от Люка. Но я ему не поверила, хотя чуть ранее пережила, как он сражается с монстрами, а потом он за одно мгновение перенёс меня из Чикаго в Новый Орлеан. Как мне убедить Констанцию? Не только в том, что магия существует, но и в том, что она может использовать её? Ведь я не могу продемонстрировать ей магию.

Я бросила взгляд в ближайший класс. На доске были аккуратно спряжены французские глаголы, а стены украшали разные плакаты с Эйфелевой башней и Триумфальной аркой, но в комнате никого не оказалось. Я полностью открыла дверь и жестом показала Констанции следовать за мной.

Как только мы зашли в класс, я закрыла дверь и отошла от окна к задней стене. Последнее, что сейчас нам было нужно, так это чтобы кто-то помешал.

— Расскажи, что ты помнишь.

Она пошаркала по линолеуму обувью.

— Я плохо себя чувствовала. Моя учительница по биологии отправила меня к медсестре, но я не думала, что смогу дойти. А потом всё стало... ненормальным... все эти огни и звуки. Как будто я стояла посреди торнадо, понимаешь? Так, будто всё происходило вокруг меня, и я думала, что моя кожа вот-вот лопнет, и я взорвусь. — Её глаза смотрели в пустоту, когда она попыталась вспомнить больше. — Я потеряла сознание. Ты была там и эта Лена... и какой-то парень. Возможно школьный смотритель?

Я чуть не рассмеялась, потому что представила, какое лицо сделал бы Люк, если бы услышал, что кто-то спутал его со школьным смотрителем. Констанция посмотрела на меня нахмурившись.

— Он — друг, — сказала я.

Кажется, она сомневалась, но продолжила:

— Мне снилось, что мы куда ушли, и он остановил торнадо, и больше не было больно. А когда я проснулась, то оказалась дома.

— Это был не сон. Ничего из того, что ты рассказала.

Она ненадолго замолчала, а когда снова заговорила, её голос звучал презрительно.

— Ну, конечно.

Я набрала в лёгкие воздуха, почувствовала, как время замедляется, также как на самом высоком месте в американских горах, перед тем самым бесконечным моментом, когда вот-вот помчишься вниз. После того как я заговорю, больше не будет пути назад, ни для одной из нас.

— Магия.

Одно мгновение лицо Констанции было невыразительным, а затем скривилось в злорадную гримасу.

— Ты и в правду сумасшедшая. Многие говорили, что у тебя не все дома с тех пор как Верити... они были правы.

— Я не сумасшедшая, — сказала я. — То, что произошло вчера, было магией. Твоей магией.

Она сделала ещё один шаг назад, но я последовала за ней, в то время, как слова просто посыпались из меня.

— У Верити она тоже была. Её убийц не поймали, потому что существа, которые убили её, были не людьми, а монстрами. Настоящими монстрами.

— Ты сумасшедшая. — Но она колебалась одну секунду, прежде чем сказала это — трещина в стене её неверия. — Тебя захлестнули эти навязчивые идеи или что-то в этом роде, потому что ты чувствуешь вину!

Я сжала пальцы в кулак, накрывая шрам, диагонально проходящий через мою ладонь.

— Мне бы хотелось, чтобы было так. Но магия настоящая. Я её видела. Я её чувствовала. Она презрительно фыркнула.

— О, значит в тебе тоже есть магия? Мы феи? Может у тебя есть волшебная палочка?

— У меня нет никаких магических сил. Это семейное.

— Магии не существует, ты сумасшедшая! И поверь мне, мои родители не могут колдовать.

Её мать и отец не обладали магией. Они были совершенно обычными.

— Родители нет. Зато Верити.

Я сделала паузу.

— Эванджелина обучила её.

Она замотала головой так быстро, что я поняла: её страх между тем стал сильнее, чем отрицание, хотя она пыталась сдерживать его.

— Тётя Эванджелина? Ты действительно не в своём уме! Она никакая не ведьма. Она вернулась в свой дурацкий антикварный магазин, вот и всё. Она не умеет колдовать и ей на нас плевать.

Последнее было правдой, но мне казалось, что сейчас не подходящее время упоминать об этом.

— Их называют Дугами, а не ведьмами. Ты тоже Дуга.

— А ты — нет.

Я попыталась улыбнуться.

— Это же логично, не так ли? Вчера в уборной проявились твои силы. Люк говорит, что магия обычно выражается не так ярко.

— Люк. Тот парень?

— Да. Он тоже Дуга. Он и Верити... дружили. — я даже не пыталась определить какие отношения были между Люком и мной.

— И в нём — она нарисовала в воздухе кавычки — «есть магия»?

— Он — Дуга, — осторожно сказала я. — Он хочет тебе помочь.

— Мне не нужна помощь. Не существует никакой магии. — Она закатила глаза, пытаясь казаться спокойной, но её руки дрожали. — И если есть магия, то почему тётя Эванджелина не поможет мне также, как Верити? Или во мне недостаточно магии?

— Твоя тётя... не может тебе помочь. — Я тяжело сглотнула.

— Почему нет?

— Она мертва.

Наверняка существовал способ получше выразиться, рассказать ей об этом более мягко и деликатно. Но, хотя Эванджелина умерла, моя ненависть к ней была сильнее, чем что-либо другое — сильнее чем любые причины оставаться благоразумной и вежливой. Даже заботы о Констанции было недостаточно, чтобы заставить меня приукрасить правду.

Констанция замерла, а её глаза наполнились слезами. Когда она заговорила, её голос превратился в запинаящийся шёпот.

— Она... мертва? Что произошло?

Ну хорошо, возможно, я смогу немного смягчить мои слова. В конце концов, Констанция должна довериться мне. Если я признаюсь, что убила её тётю, это не особо поможет.

— Верити и Люк пытались решить проблему с магией. Когда Верити умерла, я вызвалась помочь с ней. Но в последнюю минуту произошло нечто ужасное. — То есть я узнала, что твоя тётя-предательница подстроила убийство твоей сестры, поэтому я прикончила её. Я закусила губу.

— Что значит «нечто ужасное»? Что вы сделали?

— Мы вошли в своего рода храм. Магия распалась. Мы смогли восстановить её, но храм, в ходе этого, был разрушен. Эванджелина была внутри, когда это произошло.

— И ты оставила её там? — Её лицо покрылось пятнами, а дыхание участилось.

Я проглотила едкое замечание, которые так и вертелись на языке.

Эванджелина не заслуживала того, чтобы её оплакивали, но, если расскажу Констанции правду, это будет означать, что я мщу не тому человеку.

— Я не могла ей помочь. Люк и я еле выбрались оттуда живыми.

— Как сильно ты старалась? Также сильно, как ты пыталась спасти Верити?

Прежде чем я смогла ответить, она подняла руку, на её лице отразилась сосредоточенность. Но ничего не произошло.

— Если бы я владела магией, то ты упала бы сейчас на свой зад. Я так и знала, что ты спятила.

— Тебе нужен кто-то, кто тебя обучит. — Я хотела обнять её, но было ещё рано. — Мы поможем тебе, я обещаю.

— Я не хочу твоей помощи. И я тебе не верю!

Её плечи дрожали, а в глазах стояли слёзы. Одна из них покатилась вниз по щеке.

— Я хочу, чтобы Верити вернулась. И Эванджелина. Могу я их вернуть?

«Я могу лечить людей, Мышонок, но не могу воскрешать мёртвых», как-то сказал мне Люк, и я закрыла глаза, потому что утрата Констанции напоминала мне о моей собственной. Пугающей, знакомый зуд пробежал по моей коже.

— Ты должна успокоиться. Немедленно!

— Не говори, что мне делать! — Её голос перешёл на визг.

Температура в классе внезапно упала, и Констанция побледнела.

— Что здесь происходит?

Боль пронзила виски.

— Это магия. Дыши спокойно, хорошо?

— Сделай так, чтобы это прекратилось!

— Я не могу! — Я крепко ухватилась за стол, когда воздух зажужжал. Независимо от

того, какой Линей она воспользовалась, та раздувалась. — Попробуй отступить, как будто... не знаю, как будто ты уменьшаешь громкость.

Она кивнула, но её дыхание было слишком быстрым и поверхностным.

— Не работает!

По коже распространился зуд, когда энергия собралась вокруг Констанции, окутала её и потянулась ко мне. Я закрыла глаза и попыталась найти в себе то место, которое могло использовать магию. Я представила себе, как открываюсь и приветствую её, как уже сделала в Храме Связи. Однажды у меня получилось, поэтому смогу ещё раз. Особенно, если Констанция находится в опасности.

И всё же, когда я наконец смогла установить связь, чистая сила магии отбросила меня через всю комнату. Доска с треском сломалась, когда я врезалась в стену и соскользнула на пол, в то время как вокруг меня на пол посыпались осколки пыльного шифера.

## Глава 17

Я слышала крик Констанции, когда магия достигла своего пика, а затем — какое облегчение! — голос Люка.

— Позаботься об этом, — рявкнул он.

Другой голос заговорил нараспев, успокаивающие звуки, которые звучали как шелест ветра в листве.

— Мышонок? — Я почувствовала, как он присел на корточки рядом со мной и взял меня за руку.

— С тобой всё хорошо?

— Констанция разозлилась, — выдавила я. — С ней...

— С ней всё хорошо.

— Сумеречные?

— Мы пришли сюда достаточно быстро, чтобы предотвратить их появление. Но если у вас войдёт в привычку посылать поток грубой магии через школу, они, в конечном итоге, неизбежно обратят на это внимание.

Он убрал мне волосы с лица, ощупывая нежными, гибкими пальцами, получила ли я какие-нибудь травмы. Энергия отступила, вернувшись в Линии, в то время, как пение продолжалось. Люк нащупал причиняющее боль место на затылке.

— Позволь мне это исправить.

Я кивнула, потому что чувствовала себя слишком плохо, чтобы разговаривать. Он обхватил одной рукой моё запястье, а другую положил на спину, поглаживая, так что покалывающее тепло прогнало боль. Комната померкла, и всё, что я ещё воспринимала, это прикосновения Люка и его голос, который непривычно и легко произносил заклинание. Прежде чем его рука спустилась слишком низко, я открыла глаза и отодвинулась.

— Мне лучше. Спасибо.

В другой стороне комнаты кое-кто знакомый заботился о Констанции, лицо которой выражало смятение.

— Ниобе здесь? — Я сжала руку Люка. Когда я в последний раз видела Ниобе в одном из баров для Дуг, на меня было совершено покушение. Люку тогда кое-как удалось спасти мою жизнь. Ниобе же не пошевелила и пальцем, чтобы помочь.

— Ты просила, чтобы этой девушке дали наставника, так? Орла послала меня. — Ниобе с любопытством смерила нас взглядом. — Играешь в белого рыцаря, Люк? Разве это

целесообразно в свете обстоятельств?

Он прислонился к стене из шлакобетона и наградил её предупредительным взглядом.

— Каким бы товарищем я был, если бы оставил её раненой?

— Разумным, — сказала Ниобе.

Она была ненамного старше нас, возможно около двадцати пяти, с кожей, цвета корицы и коротко подстриженными волосами, которые подчёркивали её изящные скулы. Выражение её тёмных, миндалевидных глаз постоянно менялось, она то смотрела с презрением, то забавлялась. Из-за неё я чувствовала себя неказистой и ребячливой, особенно потому, что всё ещё сидела на полу в своей школьной форме.

Я с трудом встала на ноги, в то время, как Люк оглядывал классную комнату. Стулья опрокинулись, доска сломалась, бумажные листки сорвало с досок объявлений. Модель Эйфелевой башни, смастерённая из зубочисток, была так сильно сломана, что её невозможно будет починить. Он почесал рукой голову.

— Что здесь случилось?

— Помнишь, как ты сказал, что не захотел бы находиться рядом с Констанцией в тот момент, когда та воспользуется Линией, не имея представления, как её контролировать? Ты был прав.

Он ухмыльнулся, но это была всего лишь бледная тень его обычной дерзкой улыбки.

— Я всегда прав. Должно быть ты ужасно её разозлила.

Судя по выражению ее лица за последние несколько минут здесь ничего не изменилось. Я пододвинулась поближе к Люку, так что нас разделяли теперь только несколько сантиметров, и понизила голос.

— Она спрашивала об Эванжелине.

Он тихо выругался.

— Я ничего ей не сказала.

Его лицо стало мягче, когда он развеселился.

— Ты? Ты кому-то соврала? Это было до или после того, как тебя избили?

— Не будь таким дуралеем.

— Это не у меня проблемы с контролем порывов, — сказал он и одарил Констанцию недружелюбным взглядом.

Я прошла через комнату, обходя опрокинутые стулья и перешагивая через разбросанные книги и разбитые лампы.

Я остановилась, не дойдя до Констанции несколько шагов. Магия исчезла, но если Констанция снова потеряет контроль, то следующий раунд прикончит меня.

— Ты в порядке?

— А как ты думаешь? — огрызнулась она.

— Она не ранена, — пояснила Ниобе. — Я бы хотела сказать, что многое изменилось с тех пор, как я видела тебя в последний раз, но... похоже это не так.

— Изменилось всё.

Она склонила голову в сторону Люка.

— Ничего кардинального.

— Вы знаете друг друга? — спросила Констанция, явно укоризненным тоном. — Мне казалось, ты сказала, что в тебе нет магии, Мо.

— Мо завоевала среди нас уникальное положение, — объяснила Ниобе. — Она не Дуга, но она связана с нами и обязана нам, как и мы ей.

— Не важно.

Констанция закатила глаза. Позади меня Люк вернул книги на полки, произнеся всего несколько слов. Они приземлялись немного грубее, чем это было необходимо, и стук сначала заставил Констанцию вздрогнуть, а потом сердито посмотреть в его сторону.

— Тебя послала Орла? — спросила я Ниобе, чтобы избежать возобновления ссоры.

— Да. Я уже объяснила твоей подруге...

— Она мне не подруга, — бросила Констанция.

Ниобе наградила её уничтожающим взглядом.

— Я уже объяснила девчонке, какая у неё роль в Союзе.

— Она сказала, что ты заключила какой-то договор с её шефиной, поэтому она помогает мне. Ты даже не спросила меня.

— Я всего лишь хочу помочь, — ответила я.

Позади нас Люк скрупулёзными движениями пальцев собрал обратно доску. Отдельные кусочки взлетали один за другим и сливались воедино, как частички пазла. При словах Констанции он развернулся и используя речь, словно кнут сказал:

— Она заключила договор, чтобы спасти тебе жизнь, маленькая девочка. Для большинства людей в моём мире ты лишь маленькая сошка, и никто не стал бы ломать себе голову над тем, как ты со всем этим справляешься. Она самая что не наесть подруга. И было бы вежливо с твоей стороны сейчас поблагодарить её.

Констанция наблюдала, как кусочки доски медленно кружатся в воздухе и поджала губы.

Я прижала пальцы к векам, пытаюсь снять давление. У меня не было особого желания играть в судью, но самое главное защитить сестру Верети, и тоже самое касалось моей связи с Люком.

Люк потянул меня за руку.

— Лучше нам уйти. Я скрыл всё, как только мы прибыли сюда, но я не знаю насколько хорошо это сработало. Ниобе, можешь взять с собой маленькую мисс Упрямество? Предполагаю, что вам есть что обсудить.

Можно было видеть, как Констанция просчитывает расстояние до двери и свои шансы на побег. Я могла понять её: я вела себя также, когда Люк рассказал мне про магию. Я также знала насколько бесполезной была попытка убежать. Констанция поймала меня на том, как я наблюдаю за ней и упрямо скрестила руки на груди:

— Куда меня взять? Я с вами не пойду!

Ниобе улыбнулась ей, так что ярко белые зубы выделялись на фоне её тёмной кожи:

— В мой офис, конечно же.

Впервые я заметила удостоверение ст. Бригит, на котором было отчётливо написано «Персонал». Оно был прицеплено к ленте и свисало с её элегантной шеи.

— Подожди-ка. — Я уставилась на неё и вспомнила то, что рассказывала мне сегодня утром Лена. — Это ты посылала фотографии от имени мисс Тёнер?

— Не лично.

— Сделать что-то подобное было просто ужасно подло. Она не сможет найти никакую новую работу.

Мне не стоило бы удивляться. Они постоянно переворачивали жизнь других людей вверх дном, даже не задумываясь.

— Оставь её, — сказал Люк и взял меня за локоть. — В конце концов, ты сама об этом



попросила.

Ниобе пожалала плечами:

— Ты бы предпочла оставить Констанцию без присмотра? Рассматривай это как сопутствующий ущерб.

— Мы не на войне, — возразила я.

Не все верят в то, что Серафимы заново группируются. Но если слухи верны, то могу поспорить на что угодно, что они сделают всё, чтобы свергнуть Кваторов. Как бы назвала это ты, если не войной?

Я не ответила.

— Эй! — Констанция притопнула ногой сверкая глазами. — Мне наплевать на мисс Тёнер и её дурацкие квартиры! Меня интересует только, что только что случилось. Эта комната разрушена. Как вы объясните это сестре Донне и отцу Армандо?

Ниобе повернулась к ней с отвращением:

— Даже не верится, что ты действительно приходишь от тех людей, которые являются твоими предками и всё же так мало знаешь.

Люк вышел вперёд и с помощью нескольких слов починил стол. Заклинание Ниобе собрало воедино Эйфелевую башню из зубочисток и вставило лампы, так что у меня от магии закружилась голова. Они идеально работали вместе, безмолвно подстраивали свои движения друг под друга. Это зрелище оставило во мне неприятное ощущение, так что вместо того, чтобы смотреть на них, я предпочла перевести взгляд на Констанцию.

Интересно, я так же пялилась как она, когда впервые увидела магию? Были ли мои глаза также широко распахнуты от испуга? Возможно, но выражение голода на её лице казалось более жадным, чем всё, что я когда-либо чувствовала. Когда разбросанные бумаги снова аккуратно собрались в стопку, при этом отдельные листочки летели по воздуху словно чайки, и Констанция взяв один из них в руки, окончательно поверила в магию.

Действия Люка и Ниобе были более лучшим доказательством, чем мои слова.

— Пойдём, — сказала Ниобе, когда они закончили, а Люк сделал движение, будто хотел прогнать её.

Констанция последовала за Ниобой, и остановилась ещё только для того, чтобы бросить на нас взгляд полный ненависти. Я опустилась на стол. Я не хотела казаться слабой перед другими, но головная боль неожиданно вернулась, а перед глазами поплыли черные точки. Я сморгнула их прочь.

— С тобой всё в порядке? — спросил Люк и подошёл ко мне.

— Да. Я просто устала.

Хотя, я была не совсем в этом уверена. Каждый раз, когда я имела дело с магией, боль становилась сильнее. До Разрушительного потока такого не было; хотя мне и не нравилось заходить в Межпространство, но мне это не вредило. Я начала беспокоиться о том, что то, что повредило магию, нанесло ущерб и мне.

— Я мог бы ещё раз вылечить тебя.

— Ниобе сказала, что это рискованно. Что она имела ввиду?

Он уселся на край стола, болтая ногой и сказал:

— Ниобе просто сварливая баба. Она счастлива только тогда, когда может заставить окружающих понервничать.

— Люк, она же однозначно на что-то намекала!

Он перенёс своё вес на другую сторону.

— Она просто насмеялась. Хотела сказать, что я слишком скован, чтобы беспокоиться о тебе. Ей это не нравится, ведь ты Плоская.

Я посмотрела на него прищурившись:

— И это всё?

Он вытянул руку и положил её на школьный знак, вышитый на моём свитере.

— Клянусь, Мышонок.

Момент, казалось, остановился вместе с моим дыханием, плывя во времени.

— Это плохо..., - наконец сказала я.

Он приподнял одну бровь и зацепил пальцем мой V-вырез.

— При всём уважении, не могу с тобой в этом согласиться.

— Я серьёзно. Что если бы нас кто-то увидел? Что если бы пришли Сумрачные? Магия опасна, Люк. Я не могу допустить, чтобы она оказалась в моей настоящей жизни.

— Мы такие же реальные, как и всё здесь. Или кто-либо. А если тебе не хочется, чтобы мы приходили в твой мир, то займи своё место в нашем. — Я хотела возразить, но он прервал меня. — Кварторы выполнили свою часть договора. Теперь они ожидают от тебя того же.

Я оглядела комнату, которую он так легко отремонтировал и поняла, что он прав. Чем дольше я буду сопротивляться, тем больше будет ущерб.

— Я готова, — сказала я. Но я знала, что нет никакой возможности подготовиться к тому, что меня ожидает.

## Глава 18

Неприятный, ледяной дождь забарабанил по мне, когда я покинула школу и побежала к грузовику. Серое небо цвета стали точно соответствовало цвету глаз Колина.

— День прошёл хорошо? — спросил он, когда помогал мне забраться в машину.

— Не совсем. — Я протянула руки к древним шторкам отопления и вдохнула запах горелой пыли.

Он осмотрел меня.

— Магия, не так ли?

— Откуда ты знаешь?

— Ты ходишь по-другому после столкновений с магией. Так, будто несёшь стакан воды и боишься пролить, если споткнёшься.

Это было не особо утешительным.

— Я часто спотыкаюсь.

Он выехал на проезжую часть с хмурым лицом.

— Я знаю. Хочешь рассказать мне об этом?

— Это Констанция. Мы должны были рассказать ей о магии. Ситуация немного вышла из-под контроля.

— И под «мы» ты имеешь в виду себя и Люка?

— И женщину, которая получила задание заботиться о Констанции. Ниобе. Она работает теперь в школе.

— Как это восприняла Констанция?

Я приподняла плечо.

— Примерно так, как и ожидалось. Она думает, что Эванджелина умерла при попытке остановить Разрушительный поток.

— И ты не стала её переубеждать. — Он приподнял бровь. — Это плохо закончиться.

Рано или поздно она узнает правду.

— А может и нет.

— Правду очень сложно скрывать.

— Тебе же это удаётся, — сказала я и прищурилась. — Может, ты смог бы дать мне парочку советов.

— Боже, Мо, не начинай.

— Что? Ты не можешь иметь и то и другое. Либо важно говорить другим правду, и в этом случае, я бы с удовольствием узнала, что у Билли есть против тебя. Или же врать это в порядке вещей, и я не сделала ничего плохого.

Он не ответил. Не то, чтобы я рассчитывала на ответ.

— А кроме магии? Были же ещё какие-то школьные дела?

— Они грозились выгнать меня из НСП. Если это всплывет в моей анкете... — У меня сорвался голос. — Тогда меня не примут в НИУ.

Он провёл большим пальцем по костяшкам моих пальцев.

— Мы сможет это исправить. Они сказали, что они от тебя ожидают?

— Ты не поверишь.

— Невероятное ты уже рассказала мне, — сказал он, и уголок его рта дёрнулся в улыбку.

— Я должна помогать с баллом. — При виде его непонимающего выражения лица, я добавила. — С Сади-Хавкинс баллом.

— Это же не так плохо. Ты всё равно хотела туда пойти, разве нет?

— Я хотела пойти туда с тобой, но тебе это не интересно.

Он отпустил мою руку.

— Это сложно.

— Нет, всё очень просто. Тебе важнее сохранить свою тайну, чем быть вместе со мной. И это причиняет боль, Колин, в этом нет ничего сложного. — Я сжала на коленях руки в кулаки.

Он не отрывал взгляда от дороги.

— Ты не понимаешь.

— Потому что ты ничего мне не объяснил.

— И не собираюсь, — сказал он окончательно и неуступчиво как камень. — Я не должен был целовать тебя вчера. Я вообще не должен был тебя целовать.

Долю секунды я даже не чувствовала, какую сильную боль причинили мне его слова — также как бывает, когда режешь хлеб и нож соскальзывает. Ты понимаешь, что что-то не так и что должно быть больно, но испуг оглушает, даже когда рана начинает кровоточить. А затем наступает шок.

Давно это было, когда Колин в последний раз разговаривал со мной в таком невыносимом, пресыщенном тоне. Услышав его теперь, я вернулась обратно в тот день, когда мы познакомились, и он называл меня «дитя» вместо «Мо», таким образом причислив к избалованному ребёнку, а я предположила, что он безголовый и бессердечный головорез. Если он действительно думал, что это была такая ошибка поцеловать меня, значит мы изменились меньше, чем я думала.

— Тогда прекрати это.

— Мо...

Он припарковал машину на узкой улице позади Слайс и выключил двигатель. Тепло из кабины испарилось.

— Ты сказал, что знаешь меня. — Я разозлилась на него, потому что он не доверял мне, и на саму себя, потому что давила на него. — Ты должен знать, насколько это больно.

— Я знаю.

Он потянулся ко мне, но я оттолкнула его руку.

— Тогда прекрати это. Снова ограничься лишь тем, чтобы быть моим телохранителем. Или ещё лучше — найди мне нового. Я с тобой покончила.

Я выскочила из машины и так сильно хлопнула дверью, что аж заболело плечо. Не оглядываясь, я вошла в кухню. Никогда прежде я не радовалась так монотонному наливаннию кофе и подаче тыквенного пирога, а ля мода.

Колин не последовал за мной, и я внушила себе, что рада этому.

Когда я одевала фартук и платок, я разглядывала сегодняшних гостей через кухонную стойку. Моя мать остановилась, чтобы поговорить с одним постоянным клиентом, Брэнтом, который управлял страховой конторой в нескольких кварталах отсюда.

— Замечательный пирог сегодня, Анни, — сказал он. — Мужчины и за меньшее предлагали руку и сердце.

Она тут же одарила его непринуждённой улыбкой, подливая в чашку кофе.

— Ах, не знаю.

— Я знаю. Просто не могу себе представить, как ты со всем так легко справляешься. Ты, должно быть, уже устала от варки. Когда тебя в последний раз приглашали на ужин?

Он пытался закадрить мою мать. Нормальный, порядочный, без преступного прошлого мужчина флиртовал с моей матерью. Я не знала, смеяться мне, обидеться или аплодировать. Какой бы была наша жизнь, если бы она ушла от отца несколько лет назад и нашла кого-то другого. Я была уверена, что она никогда даже не рассматривала эту возможность. Она была слишком верна моему отцу и принимала свой брачный обет слишком серьезно. Возможно, она так и не поймёт, что Брэнт приглашал её на свидание.

— Я весь день провожу в ресторане. На самом деле, я не особо люблю выходить куда-нибудь. — Она поигралась своим обручальным кольцом и умчалась, чтобы позаботиться о другом госте. Лицо Брэнта вытянулось, но я была единственной, кто это заметил.

Я удивилась, как изворотливо моя мать отвергла его, как будто у неё был опыт. Сколько раз это уже происходило в предыдущие годы? Сколько раз я не замечала? Казалось, будто я смотрю через объектив моей камеры, а оказывается, что фокус был установлен совершенно неправильно. Это чувство было очень неприятным.

— Милая! — Моя мама улыбнулась, когда я прошла в ресторан через пендальтьюр.

Я схватила блокнот для заказов с прилавка. Брэнт ушёл.

— Как прошёл твой день?

— Хорошо, — сказала я, безуспешно пытаясь снова спрятать под платок выскользнувший локон. Наши отношения никогда не были настолько хорошими, чтобы я смогла поговорить с ней о парнях. А учитывая имеющихся ввиду «парней», я не собиралась что-то в этом менять.

Она испытующе посмотрела на меня.

— Ты выглядишь несчастной.

— Я всего лишь устала, — сказала я, вспомнив, что сказал Билли вчера вечером о том, как я испортила ей день.

— Присядь на несколько минут.

Она указала на пустой стул возле прилавка, и я повиновалась, наблюдая, как она готовит мне чашку чая.

В то время, как я грела руки о белую керамику, она положила брауни с подставки для десертов на тарелку и подвинула её ко мне через прилавок.

— Ты не можешь обслуживать гостей с таким лицом.

Я уставилась на неё. Либо она чувствовала вину из-за вчерашнего вечера, либо я выглядела ещё более жалко, чем чувствовала себя.

— Я спешу, нужно отвести заказы, если только... я нужна тебе здесь?

В её голосе слышалась полная надежд нотка, и я слабо улыбнулась.

— Уже всё в порядке, — сказала я. — Чай помог.

— Может тебе нужен перерыв. — Она наклонилась вперёд и поправила мой платок. — Я уже какое-то время думаю над тем, что нам стоит куда-нибудь съездить.

— Съездить, — повторила я.

Её сознательно весёлый тон насторожил меня.

— Ты и я. Девочки Фицджеральд, и на некоторое время оставить все проблемы здесь. Не на долго, только на выходные, чтобы ты не пропускала школу.

У нас не было денег на спонтанный отпуск. И куда нам поехать? Для Диснейленда я была уже слишком взрослой, а моя мать не тот человек, который проводит время в оздоровительном отпуске. Либо по приказу Билли она пыталась увести меня из города, либо...

— Мы могли бы навестить отца.

— Нет.

Мой ответ прозвучал как выстрел из пистолета, рефлекс, который я приобрела за последние четыре года.

Она нахмурилась.

— Но он хочет нас видеть, чтобы отпраздновать хорошую новость.

Мне удалось сдержаться, не указав ей на тот факт, что не все считают его досрочное освобождение хорошей новостью.

— Я не поеду в Терре-Хот, мама. — Прежде чем она успела спросить почему, я уже привела единственную причину, которую она примет. — Ты знаешь, что перед Днём благодарения они всегда заваливают нас работой.

Она завязала волосы в узел и от разочарования надулась.

— Но мне кажется нечестным заставлять его ждать до каникул.

— Мне жаль.

Если бы я даже попыталась навязать ей подержанную машину, то не была бы настолько неискренней, но её настроение заметно улучшилось, когда я сказала это.

— Мы могли бы поехать в эти выходные, — предложила она. — Быстрая вылазка.

— Я не могу. Я должна помогать с баллом, помнишь? — Сколько же ещё отговорок мне придётся придумать?

Она колебалась, но потом взяла себя в руки.

— Сестра Донна всё поймёт, если мы найдём для тебя другой способ заняться волонтерской деятельностью. Это семейный вопрос!

Возможно, но я не собиралась рисковать.

— Ты представляешь, какой я буду выглядеть неблагодарной? Они дали мне второй

шанс, я не могу пренебречь им.

— Но я обещала твоему отцу.

— Так поезжай и навести его.

Она нахмурилась.

— Я бы не хотела оставлять тебя одну.

— Я не одна. У меня есть телохранитель. И очень дорогая сигнализация.

Не то, чтобы я планировала хотя бы даже заговорить с моим телохранителем, скажем в следующие пятьдесят лет.

— Ты можешь ехать, если хочешь. Но я останусь здесь.

— Посмотрим, — сказала она. — Сестра Донна, скорее всего, не одобрит, если ты захочешь увильнуть от своих обязательств. Важно, чтобы она знала, что ты всё ещё та же надёжная, здравомыслящая девушка, какой была раньше. И мы, собственно, могли бы поехать в какие-нибудь другие выходные. Может быть после Рождества. Возможно будет более разумным поехать на каникулах, между семестрами.

Я наблюдала, как она убеждает себя в том, что не совсем проиграла — она нашла способ, пожелать альтернативы. На протяжении лет она стала в этом настоящем мастером.

В конце концов она кивнула.

— Я подумаю над этим.

— Прекрасно.

Когда я заняла место за прилавком, я приклеила к лицу улыбку. Широкая улыбка означала больше чаевых, а большие чаевые, это больше денег для Нью-Йоркского фонда. Кроме того, я знала, что Колин наблюдает за мной через окно, и хотела, чтобы он точно видел, как я счастлива без него.

## Глава 19

Час спустя мне больше уже не хотелось улыбаться, когда зашла Дженни Ковальски, закутанная в свою спортивную, зимнюю куртку. Я стояла за стойкой и заворачивала столовые приборы в салфетки. Я явно не смотрела из окна на Колина.

— Я так и думала, что найду тебя здесь, — сказала она и повернула свою кофейную чашку. Я наполнила её кофе без кофеина, даже не спросив, какой сорт она хочет. Если на земле и существует человек, которому срочно нужно потреблять меньше кофеина, то это Дженни.

— Чего ты хочешь?

— Я слышала хорошую новость. Поздравляю.

— Хорошую новость?

— О твоём отце.

Она насыпала три пакетика сахара в свой кофе.

— Как же прекрасно иметь отца, который может вернуться домой.

Я медленно выдохнула и повела плечами.

— Можешь сделать мне одолжение? Либо скажи, что ты здесь делаешь, либо уходи.

Она играла с меню.

— Я же тебе сказала, что ты должна приглядеться к своей семье. Ты пригляделась?

— Я была сильно занята, — ответила я сквозь зубы, — и мне нужно обслужить ещё другие столики. Кроме того, на что бы ты там не надеялась, что мне удастся откопать — это ничего общего не имеет со мной.

Дженни рассмеялась.

— Разве ты не настолько сообразительная? Конечно это касается тебя. Твой дядя предпринял всё возможное, чтобы сохранить контроль над своей территорией. Попросить тебя соврать во время опознания — это ещё ничто по сравнению с тем, что он сделал сейчас.

Со столика четыре помахали, прося расчёт.

— Откуда ты всё это знаешь?

Сама она не смогла бы до этого додуматься, даже если бы слушала отца. Кто-то, должно быть, сливает ей информацию. Кто-то из окружения Билли? Люди Экова? Один из приятелей по покеру её отца? Дженни была докучливой, но кто бы ей там не помогал, был опасен. Серый Кардинал всегда дёргал за ниточки.

— Это имеет какое-то значение, кто мне рассказал? Я пытаюсь сделать тебе одолжение.

— Правда? Каким образом?

— Я подумала, что ты оценишь предупреждение. Юрий Эков спрашивал о тебе. Босы твоего дяди тоже. Тебе следует быть осторожной.

— У меня есть телохранитель.

— Колин Доннелли? Тебе известна его история?

Каким-то образом мне удалось произнести слова невозмутимо.

— У него никакой нет.

— Или ты её не знаешь.

— Зато ты?

— Намного лучше тебя.

Она ехидно улыбнулась и вытащила из рюкзака две папки.

— Доннелли, — сказала она и указала на более тонкую из двух. — Твоя семья.

Вторая папка была переполнена, её связывали две резинки, которые выглядели так, будто в любую минуту лопнут.

Я помахала столику четыре. Люди начинали обращать внимание на наш разговор.

— Чего ты хочешь?

— Доказательство, что твой дядя убил моего отца.

— Я не могу доказать того, чего не было.

Она постучала обглоданными до самой кожицы ногтями по папкам.

— Здесь внутри находится много информации. Я готова поменяться.

— Я ничего не знаю.

Папки выглядели так невинно, даже немного скучно.

Но в них содержались ответы на вопросы, которые горели в моих жилах, как магия.

— Только потому, что не хочешь смотреть. Мы же знаем, в чём он замешан.

Всё, что нам нужно, это доказательство, но он действительно очень осторожен.

— Возможно он невиновен.

Она фыркнула.

— Ты в это сама не веришь.

Нет, но отказываться помогать дяде — это одно, отправить его за решётку — совсем другое. Кроме того, меня не особо хотелось уничтожать Билли. Я только хотела освободить Колина. Дженни и люди, которые обеспечивали её информацией, махали этой папкой передо мной, как приманкой. Но ведь смысл и цель приманки в том, чтобы скрыть ловушку, и пока я не узнаю, как работает эта ловушка, я не могу рисковать.

— Мне не интересно, — сказала я.

Возможно это была самая большая ложь, которая срывалась с моих губ до сих пор.

## Глава 20

Ни что не заставляет так много размышлять, как пустой ресторан. На следующий день Слайс после обеда будто вымер. Я коротала время, наполняя бутылки кетчупом и горчицей, раскладывая свежие салфетки, и сортируя упаковки с сахаром по цвету — белые, жёлтые, розовые. Всё, только чтобы чем-то занять мысли.

Но в конце концов я выполнила всю мыслимую работу, и больше нечего было делать, кроме как размышлять о вчерашней ссоре с Колином, напряжённом молчании, которое царило между нами сегодня и предложение Дженни. Она нацарапала свой номер телефона на салфетку, если я вдруг передумаю. Я уже сегодня множество раз вытаскивала помятую бумагу, но не могла заставить себя взять в руки телефон.

— Клиентов почти нет, да? — заметил Тим, наш повар, когда я отнесла на кухню почти пустую ванну с грязной посудой.

— Да. В такую погоду люди предпочитают оставаться дома.

Я медленно ставила посуду в посудомоечную машину, направив взгляд на дверь, ведущую на склад, который соединял Слайс с Морганом, баром моего дяди.

Может мне всё же не придётся звонить Дженни. Может ответы на мои вопросы находились за этой дверью.

Это был совершенно глупый и импульсивный план, и если бы я так не отчаялась, то никогда не стала бы даже рассматривать эту идею. Но день в одиночестве, когда мысли становятся всё более унылыми, может ввести в заблуждение даже самый рациональным ум.

Поэтому я сделала это.

Можно было почувствовать, в какую секунду переходишь из Слайса в Морган. Тёплый, сахарный аромат идеально подрумяненной корочки пирога, уступил место дрожжевой вони пива и резкому запаху обильно пролитого виски. Никто никогда не жаловался, что напитки в Морган были разбавлены водой, в основном потому, что там почти не сервировали то, что нужно было мешать.

Я остановилась. В обычном шуме бара — спортивного радиоканала ESPN, звонке стаканов, безобидных споров о том, насколько Форд лучше, по сравнению с Шевроле — был слышен голос Билли, который то становился громче, то тише. Я могла представить себе его руки, которыми он размахивает, чтобы подчеркнуть выдвинутый им аргумент или убедить в рассказанной истории.

Время от времени был слышен другой голос, глухой, растягивающий слова, а потом в разговор снова вступал Билли. Я приоткрыла дверь. Шарниры заскрипели и голоса замолкли.

Вот тебе и подслушала незаметно. Я распахнула дверь и вошла внутрь, стараясь при этом выглядеть непринуждённо.

— Вот так сюрприз, — воскликнул мой дядя.

Он тепло улыбался, но его глаза сузились в щелки.

— Моя племянница, — сказал он стоящему напротив мужчине.

Они поменялись местами. Билли всегда садился за самый задний стол, лицом к парадной двери. Любого, кто просил у него аудиенции, провожали к нему через весь зал, а потом тот садился спиной к бару, в то время как мой дядя не выпускал из виду своё королевство.



Но сейчас Билли сидел на месте посетителей.

— Подожди в передней части, — приказал он. — Скажи, чтобы Чарли принёс тебе колу, я сейчас закончу.

— Мо, не так ли?

Другой мужчина встал и пожал мне руку. Он бросил взгляд в комнату, из которой я только что появилась.

— А где Доннелли?

Билли пожал плечами.

— Он не всегда заходит. Здесь в этом нет необходимости.

— Марко Форелли, — сказал мужчина, который всё ещё держал меня за руку, снова направив на меня взгляд. — Ты даже красивее, чем на фотографиях.

— Спасибо, — неуверенно ответила я, наблюдая за тем, как выражение лица Билли в течении одной секунды омрачилось и снова повеселело.

Марко Форелли говорил не о моей новой, школьной фотографии. Он имел ввиду фотки, которые кто-то снял в начале этой осени, а потом послал их мне в качестве предупреждения — мы можем тебя поймать. Было такое ощущение, будто по коже ползает сотня жуков, и я вырвала руку из его пожатия.

Он перевёл взгляд на моего дядю.

— Она похожа на Джека. Я думаю, дело в глазах. И во рте тоже. Билли говорит, что у тебя много общего со стариком.

Я скрестила руки на груди.

— Это что-то новенькое.

— Да, прошло много времени, верно? Должно быть ты взволнована из-за того, что он скоро возвращается домой.

— Страстно этого жду.

— Что ж, мы все с нетерпением ждём встречи с ним.

Он протянул руку и потрепал меня по волосам. Я с трудом сдержалась, чтобы не зашипеть на него.

— Наверное мне лучше уйти. Было приятно познакомиться с тобой, Мо.

Думаю, мы скоро встретимся вновь.

Я не осмелилась ответить.

Билли проводил Форелли до двери. Когда он вернулся, его проворная, нервная суетливость уступила место чему-то бесконечно деструктивному — гневу, который был направлен непосредственно на меня.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Ты знаешь, кто это был?

— Марко Форелли?

Имя мне ничего не говорило, но я была почти уверена в том, что должно было бы.

— Да, Марко Форелли! С ним не стоит шутить.

— А я с ним и не шутила, — запротестовала я.

Но гнев Билли был пропитан настоящим страхом, а он был заразительным.

— Этот мужчина заслужил твоё уважение, а ты обошлась с ним как с заместителем учителя, с твоей дерзостью и колкими замечаниями.

Я подавила страх.

— Этот тип фотографировал меня. Чтобы напугать. И ты считаешь, что я должна его

уважать? Может ты скорее подразумеваешь, что я должна лизать ему задницу?

Одно мгновение рот Билли двигался в безмолвном возмущении. Он указал на стол в нише.

— Сядь. Туда.

Я села, не потому, что он приказал, а потому, что у меня всё ещё были вопросы, которые я хотела задать.

Он тоже занял место, наклонился вперёд и принялся размахивать пальцами перед моим носом, как будто собрался отругать.

— Всё, что мы от тебя требовали, это чтобы ты внесла свой вклад в безопасность нашего района. Защитила образ жизни, из которого уже в течение многих лет извлекаешь выгоду ты сама и все, кого ты знаешь. Мы попросили тебя об одной единственной мелочи, а ты не справились.

— Ты требовал от меня солгать полиции. Я могла бы попасть в тюрьму.

— Ерунда. До этого бы никогда не дошло.

— Ты тоже самое рассказывал моему отцу?

— Твой отец точно знал, что делает.

Он откинулся назад и скрестил руки на груди.

— И учитывая ничтожный интерес, который ты, на протяжении всех этих лет, проявляла к этому мужчине, у тебя вряд ли есть причины разыгрывать возмущённую дочь.

— А я и не разыгрываю.

— По крайней мере что-то. Ты привлекла внимание Марко Форелли. Ты находишься в большой опасности.

— Я не боюсь его, — сказала я, пытаюсь не думать о фотографии, на которой были изображены Люк и я, как мы целуемся на ступеньках перед парадным входом. Или о выражение лица Колина, когда тот её увидел.

— А надо бы. Но теперь скажи, что привело тебя сегодня сюда. Я сомневаюсь, что ты здесь для того, чтобы просто поприветствовать меня.

— Я хочу знать, что у тебя есть против Колина.

Я сжала край стула.

— Это должно быть что-то важное. Какая-то информация из его прошлого. Таким образом ты оказываешь на него давление, чтобы он делал то, что ты хочешь.

Билли пожал плечами.

— Доннелли в любое время может отказаться работать на меня, если захочет. Он остаётся добровольно.

— Почему?

— Из-за лояльности, — он бросил на меня кислый взгляд. — В наши дни — это редкий товар. Более интересный вопрос в том, какое тебе до этого дело?

Я молчала, в то время как он внимательно меня изучал.

Его глаза сверкнули весельем.

— Ты влюблена в Доннелли?

Мои щёки обдало жаром, а Билли тихо рассмеялся.

— Ты милая девочка, но он явно неприемлем. Ты только сама поставишь себя в неловкое положение.

Я и так уже поставила.

— Я не влюблена в него. Мне только... любопытно.

— Ага. Ты же знаешь, что говорят о любопытной Варваре, не так ли?

Почва, по которой я двигалась, внезапно показалась обманчивой, как болото.

— Он хороший парень.

— Да, действительно хороший. Но место, из которого он вышел, чернее смолы.

Оставь его в покое.

— Почему? Что может быть настолько ужасным?

Лицо Билли стало суровым.

— Больше, чем ты можешь себе представить. И, собственно, такое даже лучше не представлять. Найди кого-нибудь другого, о ком ты сможешь мечтать, Маура Кэтлин. Доннелли никогда не будет смотреть на тебя подобным образом.

— Каким образом?

Он нарисовал овал в воздухе, как будто очертил контуры моего лица.

— Подобным образом. И не смотри теперь так разочарованно! Парень умрёт ещё до следующего восхода солнца, если прикоснётся к тебе, и он это знает.

Он рискует жизнью, чтобы защитить тебя, но для него важна не только его жизнь.

Он встал.

— В сущности, ты должна уже быть дома, если я не ошибаюсь. В последнее время, ты причинила матери достаточно проблем. Вовремя прийти к ужину было бы самым малым, что ты могла бы сделать.

Я выскользнула из-за стола. По сравнению с тем, что он сказал насчёт остального, меня почти не задело то, как он вышвырнул меня из бара. До сих пор Билли никогда никому не угрожал в моём присутствии, но он так случайно упомянул о том, что убьёт Колина, как будто это дело в его расписание такое же пустяковое, как забрать бельё из прачечной. При мысли, что я, возможно, подвергла опасности Колина только потому, что хотела пойти с ним на бал, мне стало плохо. Боже мой, какой же я могла быть легкомысленной.

И тогда я осознала вторую часть его заявления: для него важна не только его жизнь. Но чья тогда? Моя? Хотя мой дядя коварный и жаждет власти, но он никогда не причинил бы мне вреда. Эта была одна из немногих вещей, касающихся моего дяди, в которой я была уверена — безопасность моей матери и моя были неприкосновенны. Кого же тогда защищает Колин?

Я прикоснулась к шраму на моей ладони. Хотя ему было всего лишь пара месяцев, но он уже превращался из пятнистой, красной линии в светло-розовую, которая с каждым днём становилась всё светлее и тоньше. Как сказали врачи, он никогда полностью не исчезнет, но побледнеет. Шрамы на спине Колина были полностью белыми, они давно зажили, но были таинственными и навивали грусть.

Шрамы не исчезают, напомнила я себе. Почему я полагала, что они исчезнут?

## Глава 21

Если бы я верила в то, что у меня получится сбежать и добраться до дому пешком, я бы попыталась. Вместо этого я сделала кое-что другое, что было почти такой же хорошей идеей — я вытащила из кармана айпод, воткнула в уши наушники и включила громкость на полную. И когда открывала дверь грузовика и садилась, музыка, так сказать, образовала кокон, в котором я могла дуться.

Хватка Колина на моей руке, даже через шерстяной гардемарин, казалась невероятно тяжёлой. Вместо того, чтобы посмотреть на него, я забила в угол моего сиденья и

установилась в окно. Перед Морген в дрожащих лужах отражалась неоновая реклама Харп энд Гиннес. Дождь разрывал слова в произвольные, цветные пятна. Мы, не сказав ни слова, поехали домой.

Я ничего не рассказала Колину о таинственных цветах или о предложении Дженни, а также о том, что познакомилась с Марко Форелли. Он ведь тоже не говорил мне, что у Билли есть против него. Все эти вещи, которые мы не рассказали друг другу, выросли в стену между нами, и я заставила себя самой не ломать её. Я продвинулась вперёд насколько могла, показав свою слабость, но Колин всё ещё не доверял мне. Поэтому мне больше нечего было ему сказать.

Когда мы подъехали к дому, я вытащила из ушей наушники и застонала.

На передней лестнице сидел Люк, укутавшись из-за холода в чёрную, кожаную куртку.

Колин втянул в себя воздух.

— Дай угадаю. Нужно спасти мир?

— Не думаю, что ради этого он околачивался бы перед моей дверью.

— Верно. Иди и позаботься об очередном кризисе, что бы это ни было. И не исчезай, не предупредив меня.

— Чтобы ты не беспокоился?

Выражение его глаз было загадочным.

— Чтобы я мог придумать для тебя оправдание.

Я не знала, что ответить.

— У Куджо не было желания болтать? — крикнул Люк и махнул в сторону грузовика, когда я пересекала газон. Даже в холодную ночь его тягучее произношение звучало как-то отратно и тепло.

— Да, только представь себе. Что ты здесь делаешь?

Прежде, чем я вытащила ключ из сумки, он прикоснулся к замку, и от металла отскочили красные искры. Засов отворился, и Люк улыбнулся мне.

— А разве мне нужен повод, чтобы заглянуть к тебе?

Я ещё никогда не приглашала Люка в дом. Хотя он попадал в мою комнату через Межпространство, но никогда не задерживался дольше минуты. То, что происходило сейчас, выглядело нормальным, а с Люком нормальное, казалось странным.

— Тебе что-то надо, — сказала я, бросив сумку на лестницу и повесив куртку.

Он поиграл с высвободившимся прядям моих волос.

— Мне всегда что-то надо. Сядь ко мне.

Я плюхнулась на диван, а он устроился рядом и положил мне свои ноги на колени.

— Что-то случилось? — спросила я. — С Констанцией всё в порядке?

— Она как всегда нахальная, — сказал он и огляделся по сторонам. Мне было интересно, что он думает о моём доме. По сравнению с его элегантной, экзотической квартирой, мой дом казался тесным и скучным. Я просунула палец через вязанное крючком покрывало, борясь с чувством, что нужно как-то оправдаться.

— Ниоба взяла её с собой в дом Кваторов, и Констанция уже подружилась с некоторыми людьми.

— Это хорошо. Они ничего не имеют против, что её родители Плоские?

— По-видимому, нет. Я не могу себе представить, что они в ней видят, — сказал он.

— Будь с ней не так строг. Ей приходится со многим справляться.

— Тебе тоже, но тебя я не встречаю каждые пять минут, как ты разыгрываешь из себя

своевольное дитя. Кстати, красивые цветы. От Куджо?

— Цветы? — спросила я, и он кивнул головой в сторону кухни.

На столе стояла ваза с подсолнухами.

Я стряхнула его ноги с колен.

— Они не от Колина.

— У тебя ещё один на крючке? Разве не тяжело помнить обо всех?

Такая же ваза. Такие же ярко-жёлтые, весёлые цветы. Но «Слайс» общедоступное место, а в моей кухне есть, поставленная на беззвучный режим, сигнализация, которую инсталлировал Колин в тот день, когда мы познакомились.

— Ты можешь установить, использовал ли здесь кто-нибудь магию.

Он протянул руку, а его взгляд стал отсутствующим, когда он сосредоточился. Мгновение спустя он пришёл в себя.

— Магию Дуги можно опознать, как отпечатки пальцев или ДНК. Этот дом чист, не считая меня. — Он прикоснулся к моему плечу. — Что случилось?

— Хотела бы я знать.

Когда я дошла до тротуара, Колин вышел из грузовика. Холодный дождь промочил мой тонкий свитер, и я дрожала.

— Что случилось?

— Там есть кое-что, что тебе нужно увидеть. На кухне.

Прежде, чем я успела сказать больше, он уже бежал к дому, таща меня за запястье за собой.

— Спокойно, парень, — сказал Люк, когда мы ворвались внутрь. Колин проигнорировал его и прошёл прямо на кухню, в то время, как я искала в сумке рисунок с подсолнухами.

Колни взял в руки вазу и начал наклонять её туда-сюда, пока не нашёл то, что искал.

— Вот, — сказал он и вытащил карточку.

Я протянула ему рисунок.

— Давай поменяемся.

Его голова стремительно взлетела вверх, а на лице появилось неверие, когда он принял от меня рисунок.

Небольшой белый конверт трепетал в моей руке как мотылёк. Люк аккуратно отвёл меня к дивану.

— Сядь.

Бумага под пальцами порвалась, а сердце ушло в пятки, когда я увидела незнакомый алфавит.

— Я не могу прочитать карточку.

Колин хотел схватить её, но Люк был быстрее.

— Это русский. В первой строчке написано «спасибо».

Он поднял взгляд, и вопросительная морщинка образовалась между его бровей.

— Кому в Москве ты сделала одолжение?

— Читай дальше, — сказал Колин.

— Вторая часть — это оборот речи. Он означает что-то вроде «враг моего врага...»

— ...мой друг, — закончил Колин. — Как здорово.

Он начал ходить по комнате туда-сюда, в то время, как Люк положил руку на спинку дивана.

— Не хочешь просветить меня?

— Русская мафия послала мне цветы, — сказала я. — Подожди. Откуда ты знаешь русский?

— Языки мне даются легко.

— Тебе всё даётся легко, — пробормотала я.

Он приподнял бровь.

— Не всё, Мышонок. Вопрос в том, почему они прислали тебе карточку с благодарностью. Я думал, что ты ограничиваешься помощью тем преступникам, что связаны с тобой семейными узами.

Я откинулась на спинку дивана.

— Я помогла им не намеренно. Всё, что я сделала, это сказала правду.

Колин грубо заговорил со своего места возле окна:

— Конечный результат один и тот же. Это помогло им укорениться здесь и привело к тому, что их люди продолжают разгуливать на свободе.

— Но ведь парни, которых я должна была опознать, теперь мертвы.

На мгновение воцарилась тишина, потом Колин повернулся и посмотрел на меня.

— Где ты это слышала?

Слишком поздно я осознала, что ничего не рассказала ему о Дженни.

— Разве они не мертвы?

— Мертвы.

Он прижал уголок карточки к подушке пальца, продолжая пристально смотреть мне в глаза.

Люк присвистнул.

— Для того, кто утверждает, что ему нравится спокойная жизнь, ты многое приводишь в движение, только просто зайдя в комнату, не так ли?

— Когда ты получила рисунок? — спросил Колин.

— В понедельник. В школе я чуть не сбила с ног старикашку. Должно быть именно тогда он подбросил мне рисунок в сумку. Они также послали цветы в «Слайс», но с ними я не нашла никакой карточки.

Прежде, чем он начал задавать вопросы, я добавила:

— Я не хотела, чтобы ты беспокоился.

— Это моя работа беспокоится о тебе.

— Мне надоело быть твоей работой, — ответила я, расправив плечи.

Люк встал.

— Кто-нибудь ещё хочешь что-нибудь выпить?

Колин сел на подлокотник дивана, обхватив пальцами моё запястье.

— Ты должна была сказать мне.

— Я думала, это связано с Дугами, — ответила я.

Не то, чтобы я рассказала об этом Люку!

— Кто убил мужиков, которых я должна была опознать?

— Кто тебе об этом рассказал?

— Очевидно, что не ты.

— Сейчас не подходящее время настаивать на своём. Экомов опасен. Если он подкидывает тебе информацию, это может плохо закончиться.

— Это не Экомов, честное слово.

Я высвободила руку, когда Люк вернулся.

— Колин, ты должен доверять мне.

— Как трогательно, но я здесь на ддя того, чтобы смотреть, как вы оба льнёте друг к другу, пока наконец не договоритесь.

Люк не мог устоять на месте, и благодаря нашей связи я чувствовала, как он нервничает, она потрескивала, как горящий фитиль.

— У нас много работы, и мы не можем её просто взять и отложить, только потому, что Куджо плохо выполняет работу.

Колни возмутился, а я сердито посмотрела на Люка.

— Прекрати.

Люк кашлянул.

— Паскаль хочет тебя видеть.

— Кто такой, чёрт возьми, Паскаль? — спросил Колин.

— Дуга. Важная птица. Не то, чтобы у нас было полным-полно времени, Мышонок.

— Я не могу уйти сейчас. Моя мать вот-вот придёт домой.

— Тогда, когда она заснёт.

Мне стало плохо, когда я подумала, что придётся снова проходить через Межпространство. Люк прикоснулся к моему плечу и ободряюще улыбнулся.

— Встреча будет здесь в городе, — сказал он. — Никакого путешествия через Межпространство, если ты к этому не готова.

Колни покачал головой.

— Ты не сбежишь с этим типом посреди ночи.

— Ты переживаешь, что она нарушает свой комендантский час?

— Ты не можешь обеспечить её безопасность.

Люк вытянул руку, повернув её ладонью вверх, и заставил безобидно танцевать по своей коже пламя.

— С этим не должно быть проблем.

Челюсть Колина дёрнулась, но он ничего не сказал.

Люк потушил пламя.

— Тик-так, — сказал он. — Я могу отложить встречу с Паскалем на пару часов, но должен сказать ему, какие у нас планы.

— Тебе обязательно разбираться насчёт русских сразу же сегодня вечером? — спросила я.

— Билли должен знать.

В его голосе не было слышно извиняющейся нотки — теперь он был только телохранителем, сдержанным и сосредоточенным, как я и предсказывала.

— Чем раньше, тем лучше.

— Хорошо.

Не было никакого смысла возражать. Я повернулась к Люку и сказала:

— Приходи снова в одиннадцать. Встретимся возле гаража.

— С нетерпением буду ждать.

Он прикоснулся к моей щеке и вышел через парадную дверь. Красные огни затрещали по лужайке, потом он исчез.

— Я действительно ненавижу этого парня, — сказал Колин.

— Скорее всего это взаимно.

В то время, как Колин звонил моему дяде, я отнесла сумку наверх и начала делать домашнее задание, пытаясь углубиться в дифференциальные уравнения и воображаемые числа. Интересно, чем сейчас занимается Констанция, может они вместе с Ниобой в доме для обучения, или она сидит в своей комнате, страшась собственных сил, ненавидит меня и скучает по Верити.

Мой взгляд упал на странное сплетение колец, которое дали мне Кварторы. Сваренные вместе, они выглядели как своего рода модель атома, как будто звенья копировали сферы электронов, кружащихся вокруг атомного ядра. Я просунула палец в середину и почти ожидала встретить сопротивление, как в поле напряжения, но там ничего не было, не считая гудения, которое вызывало мурашки на руках.

Я устало бросила звенья на прикроватную тумбочку и легла на покрывало, вместе с моим учебником по углублённому курсу химии. Крошечный шрифт на странице исказился и расплылся, а мои глаза закрылись. Я слышала, как мама пришла домой, болтала с Колином, уговаривала его, остаться на ужин. Ничего в тоне её голоса или в приглушённом разговоре не выдавало, что она нервничает. Должно быть Колин устранил цветы.

Её шаги закрипели по лестнице, а потом она с озабоченным выражением лица появилась в двери.

— Привет дорогая. Колин сказал, что ты занималась весь вечер.

По крайней мере я пыталась.

— Да, что-то в этом роде.

— Я приготовила на ужин ростбиф. И картофель. Не хочешь спуститься вниз, пока я накрою на стол.

— Я не голодна.

Она подошла ближе и потрогала мой лоб прохладной рукой.

— Кажется ты немного горячая. Надеюсь, ты ничего не подхватила.

— Я устала, — сказала я, подавив зевок. — Могу я пропустить ужин? Думаю, мне станет лучше, если я немного посплю.

— А может лучше станет после того, как ты немного поешь, — неодобрительно сказала она. — Я ещё не поговорила с тобой.

— Мам, пожалуйста. Мне просто нужно отдохнуть.

Вокруг её рта и вдоль носа образовались маленькие морщинки беспокойства.

— Как хочешь. Колин сказал, что заберёт тебя завтра как обычно.

Она наклонилась вперёд и нежно поцеловала меня в лоб.

— Поспи немного.

Я поняла его сообщение. «Как обычно» означало, что Билли не приставил ко мне дополнительных охранников. Я знала, как расшифровывать слова Колина. Мне были знакомы его настроения и жесты, а также тайное значение его взглядов — даже таких, когда он сам не замечал, что наблюдает за мной. И я наивно полагала, что этого будет достаточно.

Он сказал, что достаточно того, что мы знаем друг друга, и что его прошлое не имеет значения. Но кого бы он там не защищал, этот человек является частью его настоящего. До тех пор, пока я не выясню, что он от меня скрывает, у нас нет никаких шансов.

После того, как взяла сотовый, я вытащила смятую салфетку с номером Дженни Ковальски и написала сообщение, стараясь при этом игнорировать чувство, что, возможно, придаю доверие Колина. Но именно потому, что он не доверял мне, мне приходится идти на это.



## Глава 22

Ответ Дженни так и не пришёл. Пока я ждала, меня одолел сон, как бушующий поток, тёмный и удушающий. В моём сне я вдыхала дёготь, и он наполнил моё тело, вытолкнув из сосудов кровь, а из лёгких воздух. Чем больше я сопротивлялась, тем быстрее он меня побеждал. Раздался звук, как будто что-то разбилось. Я проснулась и увидела Люка, стоящего у подножия моей кровати.

— Ты, вообще-то, должен был ждать снаружи, — прошептала я, после того, как снова смогла дышать.

Его голос был таким низким, что я почувствовала его внизу позвоночника.

— А ты, вообще-то, не должна была спать.

— Я и не сплю. В какой-то степени. Что ты делаешь здесь внутри? — я бросила взгляд на часы, стоящие на ночном столике. 10:42. — Я не опаздываю.

— Я подумал, тебе будет легче пробраться на улицу, если немного помочь.

Я выбралась из кровати. На мне всё ещё была одета школьная форма.

Я быстро расстегнула юбку. Люк поднял вверх бровь.

— Должен сказать, что я надеялся увидеть тебя в пижаме. Или ты не носишь пижам?

— Извращенец.

— Но ты и так выглядишь хорошо. С гольфами возможно даже ещё лучше.

Он подошёл ближе и легонько коснулся моего локтя. Вокруг нас поднялось крошечное мерцание магии.

— Что ты делаешь?

— Ты слишком много шумишь. Я бы не хотел объяснять твоей маме, почему я здесь.

Внезапно меня охватило яркое воспоминание другого раза, когда он скрыл себя. Мы стояли на наружной лестнице и целовались, а он просто... исчез. И продолжал меня целовать, как призрак, прикасался к моей коже невидимыми руками, и ртом, который я не могла видеть, проложил след из поцелуев на шее. При этом воспоминании у меня по спине пробежала дрожь.

Однако заклинание сокрытия сработает только в том случае, если он будет прикасаться ко мне, а я должна переодеться. Я не в коем случае не выйду из дома в школьной форме, когда мне придётся иметь дело с магией. На этой недели я уже испортила одну и не в коем случае не хотела рисковать второй. Я вытащила из комода спортивные брюки и легонько толкнула Люка.

— Отвернись.

— Там нет ничего, чего бы я ещё не видел.

— Не у меня — здесь ты ещё ничего не видел. Отвернись.

Он отпустил меня. Магия ушла, и внезапно в комнате стало холоднее. Я надела штаны, прежде чем вылезти из юбки, а потом быстро поменяла помятую блузку на футболку с длинным рукавом и тяжёлую флисовую куртку.

Одно мгновение я разглядывала очертание плеч Люка, самоуверенный, почти до высокомерия. Жилистый и угловатый, что было видно даже под чёрной кожаной курткой, и можно было предположить, что порежешься об острые контуры его тела, если слишком сильно приблизишься.

Но я знала по опыту, как легко к нему можно прижаться. Однако это не делало его менее опасным. Волосы чёрные, как крылья ворона, прямо-таки кричали о том, чтобы к ним

прикоснулись. Я сжала пальцы в кулак, чтобы противостоять соблазну.

— Я готова.

Он снова взял меня за руку. Магия вернулась, словно ласка, и я окунулась в неё.

— Надеюсь, что тебе достаточно тепло. Пешком придётся долго идти.

— Мы не войдём в Межпространство? Правда?

— Мне нравятся мои ботинки. Я не хочу, чтобы всё, что у тебя сейчас в желудке, оказалось на них.

Он крепко держал меня за руку, и мы на цыпочках прокрались вниз по лестнице. Не было никакой причины для осторожности — моя мать крепко спала, Колин знал, что мы уйдём, а заклинание сокрытия делало нас невидимыми — но, если уходишь из дома по среди ночи с парнем, который выглядит как Люк, то ты просто обязан красться...

— Куда мы идём? — спросила я, когда мы добрались до улицы. Было холодно, наверное, температура приближалась к нулю, и я вытащила шапку из кармана моей толстовки.

— Туда, где есть открытое пространство.

— Мы посреди города, Люк. Следующее открытое пространство — это поле для гольфа.

— Прямо в точку, — сказал он. — В таких делах лучше иметь много места. Если что пойдёт не так, то нам, по крайней мере, не придётся переживать, что мы задели прохожих или повредили имущество.

— Ты думаешь, что пойдёт что-то не так?

Он остановился. Под светом уличного фонаря его волосы блестели, в то время, как глаза скрывала тень, но он коснулся губами моей руки. В его голосе слышался намёк на напряжение.

— Я не допущу, чтобы хоть что-то причинило тебе вред, — сказал он. — Независимо от того, что ещё ты обо мне думаешь, это ты должна знать.

— Я знаю.

Одно короткое мгновение я тешила себя надеждой, что он говорит обо мне, о Мо, а не о Сосуде, но я даже не была уверена в том, может ли он разделить одно от другого.

Мы пошли дальше.

— Чего хочет Паскаль?

— Попробовать несколько идей.

— Я что, подопытной кролик?

— Мне больше нравится смотреть на тебя, как на единственную в своём роде, — ответил он. — Если бы всё было по-другому, тебе бы, возможно, понравился Паскаль. Он был учёным, прежде чем его назначили Патриархом. Он всё ещё тот, к кому мы обращаемся, когда у нас возникают вопросы о том, как функционирует магия.

Я вполне могла представить себе Паскаля в качестве учёного, но мысль о том, что он хочет провести надо мной эксперимент, всё же не особо мне нравилась.

— Собственно, как выбирают кого-то в Кварторы? Ты наследник своего Дома, не так ли? Значит ранг Квартора передаётся по наследству?

— Это очень сложно, — сказал Люк, пока мы ждали, что переключится светофор. — Чаще всего ранг Квартора передаётся по наследству кровному родственнику. Иногда появляется пророчество, но это редкость. В случае с Евангелиной нет никаких очевидных наследников, поэтому кандидатами могут стать разные люди. Дом проведёт церемонию, и магия направит их, чтобы они сделали правильный выбор.

— Значит Паскаль не хотел становится членом Кварторов?

— Это произошло ещё до меня, — ответил Люк. — Но учитывая всё то, что рассказывал мой отец, думаю, что Паскаль не особо обрадовался.

Внезапно я почувствовала себя ближе к Паскалю.

Несколько минут мы шли молча. Иногда я бросала взгляд на мой сотовый, чтобы посмотреть, пришло ли сообщение от Колина, но экран оставался пустым.

— Проблема с Куджо?

Я прикусила губу.

— Почему ты спрашиваешь?

— Почему ты отрицаешь это? Я ведь не слепой. Ходишь, как будто тебе кто-то рассказал, что дед Мороза не существует. А он смотрит на тебя, как...

— Как на что?

Казалось он подбирает слова.

— Как на что-то ценное. На что-то тонкое и хрупкое, как фарфор. Он ужасно боится, что может тебя разбить.

Он замолчал, а я уставилась в землю, потому что не хотела смотреть ему в глаза.

— Он не единственный, кто на тебя так смотрит. Просто он первый добрался до цели, вот и всё.

Я ничего не могла на это возразить.

Его голос был нежным.

— Может будет лучше всего, если вы оба сейчас расстанетесь. Ты не предназначена для него.

Я засунула руки в карманы и пошла быстрее.

— Не начинай с этим говном про судьбу. Я не ты, Люк. Я не собираюсь всё в моей жизни подстраивать под глупое пророчество.

— Даже если это правда?

— Пророчество касалось Верити.

— Оно касалось Сосуда. А это ты, нравится тебе или нет. Ты ведь не видела, чтобы я когда-нибудь жаловался.

— Потому что ты не сопротивляешься судьбе.

— На земле происходят ужасные вещи. Ты можешь ругаться по этому поводу, но в этом нет смысла. Судьба допускает эти вещи по определённой причине, и иногда они могут принести с собой и что-то хорошее.

Он говорил гневно, со своего рода отчаянным убеждением, что напомнило мне о том, что сказала Маргерет, когда я встретила её с ней в первый раз. «Он показывает своё горе не так, как большинство. Он настолько сдерживает свои эмоции, что я не уверена, знает ли он, какой это причиняет ему вред.»

Мне хотелось переспросить, чтобы узнать больше, но какой-то инстинкт удержал меня. Вместо этого я остановилась и провела пальцами по его скуле, казалось высеченной из камня. Он сглотнул, как будто пытался подавить печаль и прижал губы к шраму, который пересекал мою ладонь. Тепло его дыхания притягивало меня.

— Ты смеёшься над судьбой, — хрипло сказал он. — Ты не веришь в неё, но она существует. Ты веришь в притяжение земли. Ты веришь в кварки и в Бога, в тёмную материю и в планеты, которых никогда не видела. Ты веришь в магию. Почему ты не веришь в меня?

— Я верю.

Слова зависли между нами, как облако пара от дыхания в ночном воздухе.

— Почему тогда ты так чертовски упорно сопротивляешься?

Я внезапно почувствовала усталость, как будто совсем не спала, как будто бежала вечность — с тех пор, как увидела его в первый раз. Может пришло время занять позицию.

— Потому что это не твоё решение. Ты никогда не ставил под вопрос пророчество. Никогда не спрашивал себя, какой была бы твоя жизнь без него. И если тебе говорят, что я та, кого тебе определила судьба... ты не думаешь про себя: ей, может я не хочу провести остаток моей жизни с девчонкой, которую почти не знаю. Ты просто подчиняешься тому, что от тебя ожидают.

Я отстранилась и потёрла большим пальцем место, которое он поцеловал.

— Не то, чтобы ты принял решение любить меня Люк. Ты просто выполняешь свой долг. Я не хочу быть для тебя обязательством.

Он провёл пальцами по волосам.

— Скажи, как мне тебя убедить в том, что я чувствую больше, чем обязательство.

— Я не могу сказать тебе того, чего не знаю.

Он взял меня за руки, прежде чем я успела сбежать, а его глаза вспыхнули зелёным в свете уличных фонарей.

— Ты думаешь, что ничего для меня не значишь, но это не так. Если хочешь, чтобы я доказал тебе это, тогда готовься.

Моё сердцебиение ускорилося и стало таким громким, что я была уверена в том, что Люк может его слышать. На одно мгновение его слова были скорее захватывающими, чем страшными.

— К чему готовится?

— К тому, что я собираюсь сделать.

## Глава 23

Если уж собираешься играть с силами, которые могут сровнять с землёй целый квартал, тогда Беверли Кантри клуб самое прекрасное для этого место в Чикаго: лучшее поле для гольфа, которое находится в центре города, с одной стороны примыкает к железнодорожным шинам, а с другой к лесному заповеднику. Моя мать запретила мне ходить туда. Я не была уверена, переживала ли она больше из-за слухов, что там, якобы, живут дикие собаки, или из-за диких вечеринок.

Сам БКК был прямоугольным участком с пышной растительностью, окаймлённый деревьями, с большими открытыми площадками, чью систему безопасности было легко обойти. Как меня уверил Паскаль, территория идеально подходила для эксперимента, который он задумал.

Если посмотришь на Паскаля, то не догадаешься, что он Дуга, не говоря уже о том, что он их лидер. Щупленький и слегка растрёпанный, он казался мужчиной, который более комфортно чувствует себя в химической лаборатории, а не правит тайным сообществом. Мне было интересно, в чём именно состояла роль Эванджелины, и кто теперь займёт её место.

Паскаль полностью впал в роль рассеянного профессора, что-то бормотал себе под нос, в то время как пробегал глазами заметки в толстой книге в кожаном переплёте и время от времени останавливался, чтобы сощуриться и сосредоточиться на чём-то, чего я не видела.

Когда нас связали друг с другом, Люк дал мне кольцо, которое должно было помочь остановить Разрушительный поток. Кольцо позволяло мне видеть Лей-линии, пересекающие мир. Позже Эванджелина забрала у меня кольцо. Я ощущала Линии, как тёплый поток в холодном озере, но не могла видеть их самостоятельно.

— Я уже давно хотел у тебя кое-что спросить, — сказал Паскаль и поднял взгляд.

— Как ты себя чувствуешь?

Я сомневалась, что он хотел услышать подробности моей личной жизни.

— Думаю хорошо.

— Никаких последствий после того, что случилось на днях? Головная боль, головокружение?

Я сняла шапку и скрутила её обеими руками.

— Откуда вы знаете?

— Это только теория, — ответил Паскаль — Кровотечение из носа?

— Пару раз. Почему?

— Я же это вылечил, — сказал Люк, рассматривая меня так пристально с головы до ног, будто пытался проникнуть взглядом сквозь кожу. — И всё исправил.

— Какова ваша теория? — спросила я Паскаля.

— Ну, это только идея, понимаешь? Ты полная аномалия.

Я знала, что что-то не так. И Паскаль явно тоже это знал. Даже у Маргарет возникло подозрение, но она не упомянула о нём перед Люком. Почему?

— Что с ней не так? — вспыхнул Люк. — Ты знаешь, что, ты всегда обо всём в курсе. Прекрати ходить вокруг да около.

— Когда грубая магия во время Разрушительного потока пронеслась через тебя, она каким-то образом соединилась с тобой. Теперь магия использует твоё тело, как любую другую Линию и пытается через тебя течь.

Он покачал головой, было ли это удивлением или жалостью, я не смогла понять.

— Но ты никогда не была предназначена для того, чтобы творить магию. Твоё тело не может справиться с ростом энергии, поэтому оно восстаёт. Кровотечение из носа, головная боль... это всё симптомы давления, которое нарастает в тебе.

Когда Дуга использует линию, находящуюся рядом с тобой, магия реагирует в тебе и прорывается наружу. Она усиливает действие заклинания, но в тоже время и твои симптомы.

— Как во время скрепления соглашения, — сказал Люк. — Вот почему всё произошло так бурно — вы усилили магию.

— Да. У меня нет оборудования для диагностики, но я думаю, что метод рентгена, который используете вы Плоские, покажет изрядное количество внутренних повреждений после каждого столкновения.

Воспоминание о Ковальски, пойманного во взрыве грубой магии, снова обрушилось на меня, я едва удержалась на ногах.

Люк притянул меня к себе, опустив подбородок на мою макушку.

— Исправь это, — приказал он. — Сделай так, чтобы с ней всё было в порядке.

— Именно для этого мы здесь, — Паскаль сдвинул свои очки на лоб. — Я хочу, чтобы сегодня ночью ты установила контакт с Линией. Всего лишь с маленькой — ничего слишком могущественного. Я открою её, а ты можешь, так сказать, погрузить в воду пальчики ног. Как только ты будешь чувствовать себя комфортно, попытайся позволить магии течь через тебя, как во время Разрушительного потока.

Я не особо радовалась перспективе пережить ещё раз Разрушительный поток, но лицо Констанции, которое так сильно было похоже на лицо Верити, всё время стояло перед глазами.

— Я не уверена в том, что это хорошая идея, учитывая то, что со мной случилось во время церемонии соглашения.

— Это малюсенькая Линия. Одна из самым слабых здесь в окрестностях. Я буду постоянно за всем следить. Если появится проблема, я закрою Линию.

— Какую роль буду играть я? — спросил Люк, он всё ещё обнимал меня.

— Ты должен поддерживать её. Пророчество твоей матери упомянуло четыре в одном. Это вы оба. Она не может сделать это в одиночку. Даже если бы могла, магия, без твоего вклада, была бы ужасно неуравновешенной.

Мне не особо понравилась мысль, что я нуждаюсь в Люке для чего бы там ни было, особенно после нашего столкновения по дороге сюда. Размышлять об экспериментах Паскаля было проще.

— Это звучит опасно.

— Так и есть, — сказал Паскаль и с грохотом захлопнул книгу. Внезапно он стал гораздо больше похож на патриарха, чем на безумного учёного. — Ты приняла соглашение, и чтобы выполнить условия, ты сделаешь то, что необходимо, чтобы восстановить магию. А это и есть необходимый шаг.

— Рисковать моей жизнью — это необходимый шаг? — спросила я, в то время, как пальцы Люка сомкнулись на моих руках.

— Я должен увидеть, что произойдёт, когда ты напрямую соприкоснёшься с магией, чтобы придумать подходящий метод, как её исправить. В качестве альтернативы могу послать тебя к источнику магии, а там ты просто как-нибудь проникнешь в него.

Люк пробормотал мне в волосы:

— Может всё-таки лучше начать с чего-нибудь маленького, да?

«Лучшее» здесь вовсе не обсуждалось. Все варианты, что мне предлагали, были дерьмовыми. Это я знала ещё прежде, чем заключила союз. Но когда стоишь ледяной, ноябрьской ночью возле восьмой дырки, знания становятся гораздо более реальными и пугающими.

Я пожалала руку Люка, черпая силу из того факта, что он не позволит, чтобы со мной случилось что-то ужасное. Он ответил на моё рукопожатие, и я кивнула Паскалю.

— Давайте начнём, — сказал Паскаль.

Вокруг нас деревья стояли, как тёмные, молчаливые стражи. Трава под ногами была густой и упругой, и в свете луны казалась почти чёрной.

Паскаль подождал, пока грохочущий, товарный поезд проехал мимо. Когда грохот затих, он заговорил на распев, сделав Линию видимой. Её поверхность переливалась как ртуть, тонкая нить, которая казалось пульсирует в такт с моим сердцем. Линии, с которыми я имела дело во время Разрушительного потока, были толстыми верёвками. Когда я к ним прикоснулась, они образовали волны, и их было очень сложно контролировать. Я подавила волнение, обхватила рукой Линию и позволила её энергии устремиться в меня.

Первое прикосновение было пьянящим, ошеломляющим, но в тоже время почти окрыляющим. Я почувствовала под пальцами прохладную земляную Линию с твёрдой консистенцией. Я осторожно приоткрылась немного больше, и энергия беспрепятственно заскользила по моим венам.

— Линия здорова. С ней всё в порядке, — сказала я.

Я ожидала почувствовать какие-нибудь повреждения. Во время Разрушительного потока Линии под моими пальцами были хрупкими и ломаясь, высвобождали грубую магию. Но эта Линия была хорошо наполненной и богатой, глубоко укоренённой в своём элементе.

— Хорошо, — сказал Паскаль. — Попробуй увеличить объём.

Мне не нужны были его инструкции — магия уже набирала силу и тянула за похожую на раскалённую нить Линию. Я прибегла к силе Люка, чтобы усилить её. Похожая на глину поверхность уступила под моим прикосновением, и я попыталась изменить её форму, работая так быстро, как могла. Однако недостаточно быстро.

Магия постепенно разрушала Линию, так же, как волны подмывают фундамент замка из песка, который медленно крошится, а потом обваливается, прежде чем вода успеет полностью его унести. Я крошечными, зловещими ступенями теряла над ней контроль.

Рядом со мной задрожали мышцы Люка, когда он перенёс в нашу связь силу.

То, что здесь происходило, было ненормально. Они предупреждали меня, что между тем магия стала намного сильнее, но теперь она казалась даже больше, чем просто мощной — она была голодной, всепожирающей. Я чувствовала в костях, как она с силой мчится на нас и попыталась её отразить.

— Отсоедини Линию! — крикнул Люк Паскалю, который внимательно меня изучал и что-то бормотал себе под нос. Он кивнул и сделал несколько отрывистых движений.

На одно мгновение воцарилась тишина и все вздохнули от облегчения. Моё дыхание начало успокаиваться, плечи расслабились, и рука Люка нашла мою.

А потом магия вскипела и отплатила Паскалю за его попытку остановить её. Она была словно лавина. Мощь, ревниво и жадно бурлящая вокруг нас. Я почувствовала, как меня подбросило в воздух, и могла думать только о том, что теперь я, наверное, выгляжу так же, как Ковальски, когда умирал.

Потом магия также внезапно исчезал, как и появилась, и швырнула меня на землю, как куклу. Что-то сломалась в моей ноге.

— Мышонок!

Люк упал рядом со мной на колени.

— Не смотри туда, — приказало он.

— Хорошо.

Я накрыла лицо руками и застонала, потому что было очень больно.

— Прекрати Люк.

Голос Паскаля был хриплым.

— Она теряет кровь. Я должен...

— Ты должен защищать её.

Люк молчал. С закрытыми глазами я слышала, как стонут в лесу деревья, шорох листвы, стук приближающегося поезда. Я ощущала дыхание Люка на щеке, слышала его тихие, настоятельные слова:

— Я должен взять тебя в Межпространство. Немедленно.

Я опустила руки.

— Нет!

— Приближаются Сумрачные. По меньшей мере трое. Возможно больше.

— Люк, не думаю, что смогу зайти в Межпространство.

Не то, чтобы я хотела остаться здесь в качестве мишени для Сумрачных. Перед глазами

плавали чёрные точки, а поверхностное дыхание, которое я слышала, принадлежало мне. Внутренние повреждения сказал Паскаль. Учитывая жгучую боль, исходящую от живота, сломанная нога была самым пустяковым ранением, которое я получила.

Паскаль стоял с другой стороны.

— В этом состоянии ты не можешь взять её с собой. Это её убьёт.

Три фигуры отделились от леса на краю поля для гольфа. Даже с этого расстояния было видно, что они большие, одетые в порванное, чёрное тряпье, которое развевалось на холодном ветру. Воздух наполнился зловонием гниения, и желчь подступила к горлу.

— Исцели меня, — сказала я. — Тогда мы зайдём в Межпространство, и они не последуют за нами.

Люк и Паскаль обменялись взглядами. Потом Люк резко развернулся и выхватил из воздуха свой меч, лезвие которого светилось изнутри. Он снял куртку и крепко прижал кожу к ране на моей ноге. Я вскрикнула, стиснув зубы, и он отпрянул.

— Прижми крепко. Я вернусь, как только смогу.

— Люк! — крикнула я.

Мгновение спустя вокруг меня выросла пылающая, красная решётка: защитные щиты, созданные для того, чтобы помешать Сумрачным добраться до того, кто находится за ними.

Люк стоял за пределами щитов.

Он и Паскаль пригнувшись, ждали, в то время, как Сумрачные быстро к ним приближались. Звук, который я приняла за товарный поезд, оказался их рычанием и рёвом. Кровожадность, подумала я с помутнённым сознанием. Я теряла кровь, а они чувствовали её запах. Я задавалась вопросом, дрожу ли я так сильно из-за холодной земли или из-за шока.

За пределами защитных щитов Люк и Паскаль сражались с Сумрачными. Я думала, что Паскаль окажется скорее паршивым бойцом, но казалось, он может постоять за себя. Он не был элегантным, но с помощью заклинаний, которые произносил нараспев, у него получалось сдерживать существо. Иногда ему даже удавалось попасть своим массивным молотом в цель.

Люк двигался так красиво, что я даже почти забыла, насколько он смертелен. Он наносил удары, парировал и в самый последний момент отпрыгивал в сторону, избегая изогнутых, когтистых рук. Одна ударила его в ногу, и он упал на землю.

Защитные щиты померкли, и оба Сумрачных бросились ко мне.

Я снова закричала, и Люк вскочил, что-то выкинув. Сразу же красные линии вспыхнули, как светофор в дорожном движении — как раз в тот момент, когда монстры протянули свои руки за пределы щитов. Полетели искры. Дым и едкий запах наполнили воздух. Первый Сумрачный завыл и попятился, потеряв при этом часть своей руки.

В то время, как Люк продолжал творить заклинание, он использовал своё преимущество, отрубив существу голову, а потом глубоко вонзил лезвие в его грудь и одним единственным словом поджёг труп. От этого запаха меня затошнило.

Я должна была видеть надо мной защитные щиты, но чёрные точки, плавающие перед глазами, расширились. С одной стороны поля для гольфа что-то двигалось. Я сощурилась. Ещё больше Сумрачных? Прохожий? Я со стоном наклонилась вперёд. Слишком маленький для Сумеречного, а ноги похожи на человеческие. Чёрные точки стали огромными.

У меня было такое впечатление, что я вижу руки на коленях, как будто кто-то склонился вперёд и уставился на меня, а потом я увидела вспышку света. Мои веки были слишком тяжёлыми, поэтому мне больше не удалось их открыть, руки слишком слабыми, чтобы



держат куртку Люка, а возмущённый вопль ещё одного Сумрачного, который внезапно умолк, казалось донёсся из далека...

А потом ладонь Люка, от которой исходил жар, легла на мой живот, в то время, как его другая рука зависла над ногой. Казалось его слова проникают под кожу, и онемение, которое завладело ногой превратилось в болезненное покалывание, когда кровь снова начала течь нормально, а кость срослась. Было такое ощущение, будто мою кожу растягивали и тянули в разные стороны, а потом Люк убрал руки.

— Сумрачные? — прошептала я.

— Их нет. Мы в безопасности.

Он плюхнулся рядом со мной на землю.

— А что с мужчиной? Они его убили?

— Каким мужчиной?

— Здесь был кто-то ещё. Я его видела.

Может Колин всё таки последовал за мной

— Шшш.

Он протянул руку и убрал мне с лица волосы.

— Здесь больше никого нет. У тебя был шок. Видимо ты видела галлюцинацию.

Я села, разглядывая ногу. Мне не приснились мои ранения. Штаны из серого трикотажа были разорваны и пропитаны кровью на ляжке. Но под ними кожа была невредимой. Я снова опустилась на холодную, влажную землю, слишком слабая, чтобы встать.

— Видишь? Всё снова в порядке.

— Спасибо, — сказала я.

— Ты уверен, что это было мудрым решением? — спросил Паскаль, обращаясь к Люку.

— Ты смог бы придумать что-то получше? — спросил он сквозь зубы. Я повернулась, разглядывая лицо Люка, и была как громом поражённая, когда обнаружила, что его кожа, которая обычно имела цвет расплавленного карамеля, была серой, как пепел.

— Ты ранен, — я села. Страх скрутил меня, словно змея. — Это Сумрачные?

— Они почти не коснулись меня. Мне просто нужно отдохнуть, — объяснил он.

Его лоб был на ощупь влажным, и я с угрозой посмотрела на Паскаля.

— Это из-за Линии? Вы не говорили, что магия причиняет вред и ему. Вы должны были сказать мне об этом.

— Это не Линия, — ответил Паскаль. — Это...

— Достаточно, — сказал Люк.

Хотя его голос был слабым, в нём слышался явный приказ.

Паскаль укоризненно посмотрел на него поверх своих очков.

— Не забывай, с кем ты говоришь, мой мальчик. Ты ещё не стал преемником Доминика.

— Мышонок, оставь это.

Он попытался сесть. Я обхватила рукой его грудь и потянула к себе вниз.

— Вот уж нет, чёрта с два.

Мне был знаком этот тон. Это был тон «я что-то от тебя скрываю».

— Одному из вас стоит наконец сказать мне правду!

— Да ничего такого нет, — сказал Люк. — Максимум пустячок.

— Хорошо. Тогда у тебя не займёт много времени объяснить его мне.

— Раньше с тобой было легче уживаться, — сказал он. — Это новая сторона в тебе немного тревожит.

Я скрестила руки на груди и уставилась на него.

— Хорошо.

Он надулся, как маленький мальчик, которого заставили выдать секрет.

— Дело в передаче — в том, что я тебя исцелил.

— Передаче?

— Дуги не могут использовать магию, чтобы создавать вещи, могут только изменить их.

Поэтому если ты ранена, я меняю физическое ранение на магическое, а потом переношу его на себя.

Я провела дрожащей рукой по бедру и почувствовала мышечные волокна над костями.

Не подумав, я коснулась ноги Люка, и он поморщился. Он ещё не совсем оправился.

— Значит теперь сломана твоя нога?

— Нет. Она болит, как будто сломана, но повреждение магическое, а не физическое и скоро пройдёт. Мне только тяжело в это время творить заклинания.

— Значит всё это время ты причинял вред себе, когда исцелял меня?

— Только после того, как вы были связаны, — вмешался в разговор Паскаль. — Когда Дуга кого-то исцеляет, большая часть передаваемой энергии теряется во время передачи от пациента к целителю. Но между связанных между собой пар связь делает этот процесс более эффективным и переносит большую часть ранений на целителя.

Как часто Люк уже исцелял меня? Слишком часто, чтобы ещё можно было подсчитать, и каждый раз он перенимал на себя мою боль. Но он никогда не использовал это, чтобы давить на меня или вызвать чувство вины. Теперь мне стало не хорошо от угрызений совести, а из-за них я почувствовала вспышку гнева.

— Ты обманул меня! Я спросила, что имела ввиду Ниобе, а ты соврал прямо в лицо.

— А ты соврала мне, — парировал он без капли раскаяния. — Сказала, что исцелилась.

— Теперь ты знаешь, как себя при этом чувствуешь. А ещё потом удивляешься, почему я не могу тебе доверять? Никаких больше исцелений.

Цена была слишком высокой, ответственность слишком большой. Мой гнев исчез, оставляя что-то... тёплое.

Я осторожно прижала ладонь к его груди и посмотрела ему в глаза.

— Обещай мне.

— Я не могу. Что, если ты снова будешь ранена? Я должен буду, сложа руки, смотреть, как твой мозг превращается в омлет? Если я не буду действовать, то ты не протянешь долго, чтобы выполнить это задние.

Хотя это раздражало, но было правдой.

— Значит, только когда это будет необходимо, — в конце концов сказала я. — И только после того, как спросишь меня.

Он хмуро посмотрел на меня.

— Я всегда спрашиваю.

— Теперь, когда вы закончили свой спор, мы можем поговорить о стратегиях? — спросил Паскаль. — Исходя из того, что мы пережили сегодня ночью, я предполагаю, что могут случиться две разные вещи, когда ты попытаешься получить доступ к объединённым Линиям — ко всем четырём, как требует пророчество. Первое это то, что ты можешь увеличить объём уже существующих Линий и создать новые, чтобы распределить давление, нечто вроде того, как ты во время Разрушительного потока вошла в магию.

— Разве это не опасно? — спросила я.

— Конечно опасно. В последний раз ты выжила, потому что не использовала магию. По крайней мере не очень много, — сказал он со знающей улыбкой. — Тебе удалось немного придержать.

— Евангелина.

Люк выругался.

Синя-белая Линия из магии, которая с кончиков моих пальцев полетела прямо в её сердце.

— И всё случилось только из-за этого? Потому что я использовала немного магии? Не то, чтобы я сотворила заклинание — я только его направила.

— Ты создала связь между собой и магией. Теперь ты должна использовать эту связь, чтобы создать новые Линии и направить в них магию.

— А что, если я не смогу?

Я потерпела неудачу сегодня ночью, когда использовала только одну Линию. Это не обещало ничего хорошего для работы над всеми четырьмя, независимо от того, что там приписывает пророчество.

— Ты видела, что случилось с Констанцией. Такая же перегрузка будет угрожать любой Дуге на планете, и только самые сильные смогут противостоять.

Все Плоские, находящиеся по близости, тоже погибнут, но о них Паскаль и другие Дуги даже не думали.

— А какой другой вариант?

Он долго на меня смотрел, прежде чем ответить:

— Ты могла бы снова проникнуть в источник грубой магии. И в этот раз остаться там.

— Как тогда, — пробормотала я, будто вернувшись во время Разрушительного потока, ощущению премудрости и мира, которое испытала, когда была поймана в кружащемся тумане из грубой магии. К тому времени все эти знания и могущество соблазнили меня. Я рассматривала возможность остаться там, но Люк вырвал меня назад. Слова Паскаля имели на меня тот же эффект.

— На всегда?

— Да. Ты была бы там в ловушке, но в то же время могла бы впредь направлять поток и скорость магии, обеспечивать сохранность Линий и снова вернуть нашему миру нормальное состояние.

Люк отвернулся с огорчённым выражением лица.

Я попыталась представить себе, как бросаю всё в моей жизни — мать, Лену, Констанцию. Не перееду в Нью-Йорк. Никогда больше не увижу Колина и Люка. Я буду жить, но такая жизнь не будет иметь большого значения. Ощущение было такое, будто рот наполнился песком.

— Это не вариант.

Больше нечего было сказать. Люк и я медленно пошли домой, потому что оба ещё не окрепли. Люк крепко держал меня за руку.

— Видимо у меня больше не получится отказаться, да? — спросила я спустя пару кварталов.

— Хотелось бы мне, чтобы ты могла, — сказал он голосом, который был таким хриплым, словно ветер, хлестающий нам навстречу. — Но ты заключила соглашение. Если нарушишь его, то умрёшь.

Я должна была ужаснуться, когда он сказал об этом так прямо. Я и сама всё знала, но

было так просто игнорировать это знание, заниматься поиском ответов, вместо того, чтобы обдумывать последствия. Но больше я не могла это игнорировать.

— Я должна снова зайти в магию и создать новые Линии. Это единственный шанс, который у меня есть.

— Паскаль не часто ошибается, — сказал Люк, его голос слегка дрожал. — Он был прав в том, что магия угрожает твоему здоровью. Это происходит каждый раз, когда я творю магию рядом с тобой?

Я покачала головой.

— Самое сложное — это заходить в Межпространство. Другие заклинания, те, с помощью которых ты отремонтировал французский класс или те, которыми ты нас скрываешь, я почти не замечаю. Магия других людей кажется действует на меня намного хуже.

— Скорее всего это из-за нашей связи, — размышлял он. — Я сразу почувствовал себя намного лучше. Мысль о том, что я причиняю тебе боль, совсем мне не нравится.

Люк причинял мне боль не только магией.

Когда мы добрались до дома, он открыл дверь и проводил меня во внутрь, по тёмной лестнице и в мою комнату.

— Я и сама смогла бы подняться.

— Ты не любишь красться, — сказал он. — И должен признаться, что я всё ещё питаю надежду насчёт пижамы.

Я замерла на полпути, когда снимала флисовую куртку.

— Мечтай дальше, мальчик с мечом.

— О да, буду мечтать.

Он придвинулся ближе и прикоснулся к воротнику.

Щёки начали гореть, но я продолжила говорить игриво и отстранилась.

— Тогда я не буду тебя удерживать.

Усмехнувшись, он сделал шаг назад.

— С превеликим удовольствием.

Он исчез в Межпространстве, но ночной образ, как он проскальзывает через пламя, оставался со мной, пока я не заснула.

## Глава 24

На этот раз я правильно поняла сообщение Колина, потому что он, как всегда, появился на следующее утро перед домом.

— Ты поговорил с Билли?

Колин издал звук, что-то между согласием и раздражением.

— Недолго. Сегодня, пока ты будешь в школе, я с ним встречусь.

— Разве я не должна присутствовать на этой встрече? Цветы Экомов послал мне.

— Я пытаюсь не вмешивать тебя. А если возьму на встречу, это пойдёт в разрез с намеченной целью, — он коротко колебался. — Почему ты ничего не рассказала мне о первом букете цветов?

— Я не знала, что он как-то относится к Билли. Просто он был странным, а если в эти дни происходит что-то странное, я предполагаю, что в этом замешана магия.

Частично это было правдой. Частично я молчала из-за того, что Колин ещё больше впадал в роль телохранителя, когда переживал за меня. Моя стратегия не сработала, но

казалось он принял моё оправдание.

— Раз мы уж заговорили о магии... Что случилось прошлой ночью? — спросил он, когда мы подъехали к школе.

— Вещи, касающиеся Дуг. Ничего, в чём бы ты смог мне помочь.

Я взяла сумку и открыла дверь.

Он схватил меня за рукав.

— Я всё таки хотел бы знать.

Ирония этой ситуации не ускользнула от меня, но я всё же вырвалась.

— Что-то важное в моей жизни, и я не рассказываю тебе? Должно быть это действительно дерьмово.

Школьные занятия прошли без всяких происшествий. Было всё как обычно — я избегала Джилл Макалистер и её колкие замечания, украдкой наблюдала за Констанцией, удостоверилась, что принимаю достаточно участия в уроках, отражала любопытные вопросы Лены о Колине и Люке — однако ни одна подозрительная личность не пыталась приблизиться ко мне. Ничего странного, если не считать, что в кафетерии я отхватила последнюю порцию салата. Когда учебный день закончился, и я вышла на улицу и уже совсем позабыла, что Колин встречался с моим дядей.

Но когда я пересекала двор, выражение лица Колина быстро напомнило мне об этом.

Он мрачно смотрел в окно грузовика, пока я махала Лене. Когда я пристёгивалась, он недовольно барабанил пальцами по рулю. Даже звук заведённого двигателя казался сердитым.

Когда я не смогла больше терпеть его мрачную физиономию, я вскинула руки вверх.

— Что?

— Скажи, что ты не давала отпор Марко Форелли.

Я заморгала.

— Ничего себе. Эта совсем не та реакция, на которую я рассчитывала.

— А какую реакцию ты ожидала, после того, как просто зашла в «Морган» и нагрубила своему дяде и его босу? А потом ещё пыталась разузнать информацию обо мне? Прошу, только не говори, что ты серьёзно думала, что Билли заговорит. Не говори, что ты такая наивная.

— Конечно нет. Но никто никогда не говорит, что он действительно думает. Я решила, что если застану Билли врасплох...

— То что он тогда сделает? Откроет тебе все мои глубокие, тёмные тайны? Мои тайны, Мо. Мои. Боже мой!

— Мне жаль.

— Прекрати на меня давить. Если бы я хотел тебе об этом рассказать, я бы рассказал.

Он со звуком выдохнул и крепче вцепился в руль.

— Ты должна больше беспокоиться о Марко Форелли. Если он проявил к тебе интерес, значит думает, что ты будешь ему полезна.

— Полезна в каком смысле?

— Это я ещё выясню, — сказал он. — Прикати говорить с Билли обо мне.

— Договорились.

Остальную часть поездки царил гнетущая тишина, но когда он припарковался возле «Слайс», я спросила:

— А что с Эковым?

— Если бы он хотел причинить тебе вред, то уже причинил бы. Мы оставим всё как есть и подождём, чего он хочет

— У вас уже есть предположение?

— Не такое, о котором я хотел бы тебе рассказывать.

— Не удивительно, — сказала я и зашла в «Слайс».

— Мо! — выкрикнула облегчённо моя мать, когда увидела меня. — Наконец!

— Мам, я опоздала всего на три минуты.

Людей в «Слайсе» казалось было не больше, чем обычно, но она явно вот-вот впадёт в панику. Я обыскала комнату в поисках чего-то, что указало бы мне на причину.

Она зажала беспроводной телефон между плечом и ухом.

— Ты должна отвести вместо меня доставку в «Шеде Акрес». Что-то не так с компьютером, и я уже целый час разговариваю по телефону с кем-то из технической поддержки, а теперь они подключили меня к петле ожидания.

— Может я смогу починить его.

— Дело в жёстком диске и в папке и...

Она беспорядочно замахала руками. Если бы могла, моя мать для бухгалтерии использовала бы тетрадь из бумаги, но в какой-то момент Билли удалось затащить её в двадцать первый век.

— Я ничего в этом не смыслю, но если они снова соединят меня с кем-нибудь, а меня не будет, тогда придётся начать всё сначала. Пожалуйста не спорь, просто отвези быстро доставку. Ты же уже часто это делала.

— Неохотно.

Как бы часто «Шеде Акрес» не называли комплексом с медицинским и бытовым уходом, на самом деле это была последняя остановка перед домом для престарелых. Там не было тени. Он не стоял на лугу. А мне, как раз именно сегодня, не хватало нервов, чтобы болтать с обитателями, как я делала обычно.

— Они старые. Ты отвлечёшь их немного.

— Они заставят играть меня в бридж.

— Это не так ужасно. Иди, — сказала она и указала на стопку пирогов, которые уже были загружены в маленькую тележку для покупок, которую мы использовали для доставок.

— Хорошо, — пробормотала я и одела куртку.

С тележкой на буксире я остановилась возле грузовика.

— Мне нужно отвезти пироги. Тебе обязательно идти со мной?

Колин поморщился и потянулся к двери.

— Я провожу тебя туда, но не зайду во внутрь.

Он всё ещё сердился, я поняла это по его провидению. Он не предложил забрать у меня тележку, и мы почти не разговаривали все три квартала, пока шли. «Шеде Акрос» был отремонтированным жилым домом, поэтому я нажала на звонок, ожидая, что меня запустят, в то время как Колин сел снаружи на скамейку.

— Рада тебя видеть Мо! — сказала Эди, дама с ресепшна, как всегда сидящая за своим неубранным письменным столом.

— Я тоже рада, — сказала я. — В кухню, да?

— Точно. Ты можешь поставить всё на буфет.

Я пересекла вестибюль и прошла мимо библиотеки — маленькой комнаты с тремя не подходящими друг к другу креслами, газовым камином и действительно впечатляющей

коллекцией Ридерз дайджест журналов, а также мимо игровой комнаты. Два обитателя устроили ожесточённое соревнование по настольному теннису, другая группа играла в бридж. Я пошла немного быстрее. Коридор пах тушёным мясом и дезинфицирующими средствами. Я завернула за угол в большую столовую.

Как только я оказалась там одна, я начала ставить пироги на буфет: три яблочных, три вишнёвых, три мясных и два, которые у нас в дневной программе.

— Я всегда так рад, когда в меню есть шоколадный пирог с орехами, — сказал позади голос с лёгким акцентом. — Привет Мо.

Белая коробочка чуть не выскользнула из рук, когда я резко развернулась.

— Вы... тот мужчина.

— Юрий Экомов. Рад тебя снова встретить.

— А что вы делаете здесь?

Я не могла поверить в то, что русский гангстер, который причинил моему дяде столько головной боли, живёт в местном доме для престарелых. Но это был несомненно старик из школы.

На нём снова был одет немного вышедший из моды костюм, и он опирался на трость с ручкой из слоновой кости, которая была с ним в день, когда он заходил в Св. Бригид.

Казалось, он прочитал мои мысли, потому что улыбнулся, как будто я рассказала ему какую-то инсайдерскую шутку.

— Я знакомлюсь с твоим районом, — сказал он. — Я здесь совсем недавно, но это захватывающая местность.

Он стоял между мной и дверью, и я задавалась вопросом, удастся ли мне пробраться мимо него. Он был не маленьким мужчиной, и трость может стать проблемой.

— Вы здесь живёте?

— Не всегда. Квартира записана на другое имя — Мистер Экерт. Лучше сразу не разглашать твоему дяде о моём присутствии, не считаешь? Но оно очень удобно для бизнеса, и я наслаждаюсь выпечкой твоей матери.

Я отпрянула, когда он подошёл ближе, но он только забрал у меня из рук коробку с пирогом и поставил её на буфет.

— Было бы преступлением уронить её, — сказал он. — Тебе понравились цветы.

Я задрожала.

— Вы наблюдали за нами. Наблюдали за мной.

Он склонил голову.

— Ты девушка, за которой нужно приглядывать. Хотя я уже слышал, что у Билли Грэйди есть племянница, но вплоть до этой осени твой дядя очень старался не вмешивать тебя и твою мать в свой бизнес. Ему стоило придерживаться своего решения.

— Я не опознала ваших людей.

— Да. Я это осознаю.

— И я не знала, что с ними потом что-то случится. Вы должны мне верить.

Я попятилась, пока не натолкнулась спиной на край буфета.

— Я верю. А ты веришь, что мы не имеем никакого отношения к смерти твоей подруги?

— Да.

Это было правдой.

Он изучал меня так же, как уже в школе.

— Тебе не нужно бояться. Я организовал эту встречу, чтобы как следует представиться,

ничего более.

Когда люди говорят, что их не стоит бояться, тогда, как правило, они действительно сделали что-то ужасное. Я слегка повернула голову в поисках блока с ножами, который стоял на буфете в нескольких метрах от меня.

Экомов протянул руку и похлопал меня своими искривлёнными пальцами по руке. Мне удалось не вздрогнуть. Он был намного старше моего дяди. Я не знала, делает ли его это слабее или ещё хитрее. В любом случае я не двигалась, когда он объяснил:

— Мы можем помочь друг другу. Как я уже сказал услугу оплачивают наградой.

— Что вы имеет ввиду?

— Посмотрим. Сегодня я просто хотел встретиться с тобой с глазу на глаз. Но в мире твоего дяди скоро многое изменится. Когда это произойдёт, ты должна знать, что у тебя есть ещё и другой вариант, кроме как встать на сторону своего дяди.

Я сглотнула.

— Я это запомню.

Он с довольным выражением лица постучал своей тростью по полу.

— Обязательно запомни.

— Я могу идти?

Я вслепую схватилась за тележку для покупок.

— Конечно. Если бы я был на твоём месте Мо, я не стал бы никому рассказывать об этом разговоре, — добавил он, когда я шла к двери. — Боюсь, наша дружба закончится ещё прежде, чем даже началась, если твой дядя выяснит, что я гощу здесь.

Я побежала, таща за собой подпрыгивающую тележку и не замедлила бега, пока не обнаружила Колина. Мне следовало всё ему рассказать, но что-то внутри заставило меня промолчать. Может это было предупреждение Экомова, чтобы я держала язык за зубами, или готовность, с которой Билли использовал меня в качестве приманки или то, что Колин продолжал настаивать, чтобы я не впутывалась в эти дела. Может быть моя семья слишком сильно повлияла на меня, и у меня вошло в привычку хранить секреты.

— Как всё прошло? — спросил он, когда я присоединилась к нему.

Я старалась не оглядываться на дверь.

— Как всегда.

Он кивнул, и я вернулась в «Слайс», не проронив ни слова о новом месте жительства Юрия Экомова.

Моя мать всё ещё висела на телефоне.

— Значит вы пошлёте мне новый? Я смогу спасти свои файлы?

Это звучало не слишком многообещающе, и действительно, её лицо тут же вытянулось.

— Да, я регулярно делаю резервные копии. Это правда так просто?

Я прошмыгнула в заднюю часть, повесила куртку, одела фартук и попыталась успокоиться, прежде чем снова столкнусь с мамой. Когда я вернулась к кассе, она уже положила трубку и с измученным лицом поправляла меню.

— Плохие новости?

— Они сказали, что жёсткий диск испорчен. Они вышлют с быстрым курьером новый, но мне придётся устанавливать его самой.

— По крайней мере тебе не нужен новый компьютер.

— Это почти тоже самое. Я скорее проведу операцию на открытом сердце, чем рискну бросить взгляд в эту машину.



Я по неволе улыбнулась и поставила вариться свежий чайник с кофе.

— Я могу это сделать. Это не так сложно.

— Правда? О, Мо, тебя послали небеса!

Теперь, когда проблема была решена, она начала выписывать счёт одному из посетителей. — Как всё прошло в «Шеди Акрес»?

У меня соскользнула рука, и я рассыпала молотый кофе по всему прилавку. Вздыхая, я взяла губку и начала вытирать.

— Как всегда.

— Вот видишь? Я же говорила, что всё будет не так ужасно.

Я не ответила.

## Глава 25

На следующий день, когда почти закончился второй урок, одна из помощниц-секретарш принесла мне записку. Бумага была такой толстой, красивой и структурной, что я тут же поняла, что записка должна быть от Ниобы. Кто-то ещё должен объяснить ей, что у учителя-консультанты зарабатывают недостаточно, чтобы тратить на своих учениц дорогую, почтовую бумагу. Блокнот с её именем наверху, бросался бы не так сильно в глаза.

Правда она вовсе и не желала оставаться незаметной

Смелые, тёмно-синие строчки сообщали следующее: Паскаль встретится сегодня вечером с тобой и Люком. В семь часов.

Славненько, как она уведомляла меня об этом, вместо того, чтобы спросить.

Лена подтолкнула меня.

— Ну, ты волнуешься?

— Не очень.

Паскаль либо проведёт ещё какие-нибудь эксперименты, либо передаст ещё больше плохих новостей. Ни то, ни другое, не особо меня прельщало.

На её лице появилось сострадание.

— Ты уверена, что они не впустят тебя? Мне кажется глупым заставить тебя прийти, а потом оставить всё время торчать в вестибюле.

— В вестибюле?

Лена говорила о Сади Хавкинс бале, который совершенно вылетел у меня из головы. Я нахмурилась. Как я смогу работать на балу и в тоже время встретиться с Паскалем? Даже если пройду через Межпространство, всё равно не смогу быть в двух местах одновременно.

— Что, по твоему, сделает сестра Донна, если я уйду, как только бал начнётся?

Лена смотрела на меня с открытым ртом.

— Ты и вправду сумасшедшая, — в конце концов сказала она. — Слушай, я знаю, что до сих пор этот год был для тебя невероятно дерьмовым. Но только поэтому пропускать теперь бал? Это было бы академическим самоубийством.

Я вздохнула.

— Знаю, но мне нужно попасть в другое место.

— Я думала, что у нас есть планы, — тихо сказала она.

— А планы и не отменяются. Абсолютно точно. Эта встреча состоится во время бала, а не после него.

Я объясню Люку, что у меня есть всего один или два часа.

— Мне всё равно, насколько красив тот тип, с которым ты познакомилась летом, или

насколько ты влюблена в Колина. Сестра Донна вышвырнет тебя из НСП и временно отстранит. Твоя жизнь никогда больше не будет той, что прежде.

Ей не нужно знать, что она уже и так не была таковой.

— И с каких пор ты, вообще, стала такой глупой? Никогда не подумала бы, что ты одна из таких девчонок.

Она пренебрежительно перебросила хвост через плечо.

— Наверное, нам стоит просто забыть об этом.

Я быстро покачала головой, потому что не хотела обидеть её ещё больше, чем уже и так обидела.

— Ни при каких обстоятельствах. Я бы предпочла провести время с тобой, чем пойти на эту другую встречу. Я могу передвинуть её.

По крайней мере я надеялась на это.

Лена откинулась на спинку стула, всё ещё сверкая на меня глазами.

— Если ты запланировала что-то получше, то я не собираюсь тебя удерживать.

Я не могла вспомнить, когда у меня помимо Верити, была ещё настоящая подруга. Мне так не хватало кого-то, с кем я могла поговорить. Даже по отношению к Колину всегда оставалось что-то недосказанным, потому что во время наших разговоров чувства кипели непосредственно возле самой поверхности.

— Ничего нет лучше, чем встретиться с тобой, — зазвонил звонок, и я собрала книги. — Мне нужно быстро спуститься в офис. Мы можем после ещё раз поговорить об этом и назначить точное время и всё-такое?

— Конечно.

Она не выглядела так, будто поверила мне, а я не могла её в этом винить.

Я вошла в офис учителя-консультанта, и секретарша, махнув рукой, пропустила меня в крошечную комнату Ниобы. Она украсила её по-своему, и убрала все следы бедной мисс Тёнёр. Мотивирующие плакаты с детёнышами животных исчезли, их заменил ряд мрачных, чёрно-белых ландшафтов.

Вместо электрического кипятильника и переполненной книжной полки, на которую я смотрела в течение всего семестра, на низком столике стоял японский чайный сервиз. К столу, приглашая, были придвинуты два стула, как будто разговоры должны были состояться там.

— Никаких учениц? Разве ты не должна помогать людям справиться со своей жизнью?

— Невзирая на табличку на двери, я не учитель-консультант. Я не пытаюсь поощрять кого-то из них к повторным посещениям.

Она опустила на один из стульев и скрестила ноги.

— Мило. Послушай, ты должна передать за меня послание Паскалю.

— Я что, похожа на служанку.

— Это важно. Я не могу встретиться с ним сегодня вечером.

— Что? — спросила она, как будто не поняла меня. — Ты хочешь отменить встречу с одним из Кваторов? Что, ради всего святого, может быть более важным?

Я стиснула зубы.

— Бал.

Она рассмеялась, забавляясь и в тоже время ужасаясь.

— Школьный бал?

— Я знаю, что это звучит глупо.

— Это глупо. Невероятно глупо.

Она наклонилась вперёд и налила себе чашку чая.

— Возможно в твоих глазах. Но в этой школе есть всего один человек, готовый со мной дружить. Если я брошу её сегодня вечером, то это число опустится до нуля. Не говоря уже о том, что сестра Донна аннулирует мой испытательный срок, если я не буду работать на этом балу, и тогда меня никогда не примут в НИУ.

— И ты действительно думаешь, что твои проблемы Плоской играют какую-то роль, учитывая опасность, в которой находится мой мир?

— Для меня они играют роль. А так как я нужна вам, чтобы спасти ваш мир, возможно, было бы хорошей идеей сохранить мой и не дать ему лопнуть.

Она сделала жест рукой.

— Что ж, хорошо. По крайней мере я уверена, что его реакция на твоё сообщение повеселит меня. Это всё?

— Как дела у Констанции? — спросила я и села, чтобы взять быка за рога и убедиться в том, что Кварторы тоже соблюдают часть сделки. — Она делает успехи?

— Вполне. Она, как я полагаю, когда-то будет располагать значительной силой. — Она отхлебнула чай, прежде чем продолжить. — Она очень эмоциональна. А это делает её управление Линиями непредсказуемым.

— Ты можешь научить её самообладанию.

— В некоторой степени. Я могу научить её технике, с помощью которой можно держать свои эмоции под контролем, но она одна, испуганна и сильно растеряна.

— Она не одна. У неё есть я.

— Это более слабое утешение, чем ты полагаешь.

— Люк говорит, что она уже нашла первых друзей.

— Думаю да. Другие ученики с её практических занятий. Они родом из старых, уважаемых семей. Это должно открыть ей путь. — Она покачала головой. — Есть ещё кое-что. Мне передали, что Серафимы планируют вскоре публично выступить против Кварторов. И чтобы сделать это, они хотят использовать тебя.

Кожу моей головы начало покалывать от неприятного ощущения. Я задавалась вопросом, где она это слышала. Ниобе была в курсе многого. У неё были связи с кругами общества Дуг, в которые даже не мог проникнуть Люк, и в прошлом он полагался на её информацию.

— Как?

— Этого я не знаю. Не забывай, что Дуги хотя и в долгу перед тобой, потому что ты остановила Разрушительный поток, но в то же время не доверяют тебе, потому что ты обладаешь таким большим влиянием — Плоская, которая знает о них и связана с кем-то, у кого такая высокая позиция как у Люка. Не нужно будет прикладывать много усилий, чтобы превратить благодарность в неудовольствие, и на это рассчитывают Серафимы.

— Почему ты рассказываешь мне это? Я ведь тебе даже не нравлюсь.

Казалось она размышляет над вопросом, и музыкальные подвески на одно мгновение зашевелились, прежде чем снова замолчать.

— Нет, не особо. Но ты нравишься Люку, а я... питаю к нему определённую слабость. Это сентиментально, но теперь ты знаешь, — она протянула мне пропуск. — Я передам твоё сообщение Паскалю. Теперь тебе нужно вернуться на уроки.

## Глава 26

Сообщение по электронной почте от Дженни Ковальски пришло во время урока журналистики. Я сидела за компьютером, направив курсор на заголовок текста и размышляла над слухами. О том что история, которую обычно слышишь, редко та, которая на самом деле произошла, даже если напечатана в газете. Я думала о том, как давно был судебный процесс моего отца и как истина, на протяжении лет, исчезала и затихла словно эхо, так что осязаемыми остались только некоторые детали.

Я проводила исследования, но даже газетные сообщения того времени казались предвзятыми и неполными, как будто их авторы знали больше, чем могли написать. Дженни знала что-то, и не боялась говорить об этом.

Колина она тоже знала.

Я открыла электронное сообщение.

«Мо, дай мне знать, когда захочешь поговорить. Д.»

Я пробежала глазами первое приложение неофициального протокола суда с процесса моего отца. На протяжении лет я пыталась заполучить копию официальной версии, но это была конфиденциальная информация. Этот файл содержал правду, не изменённую тем, чего желали достичь разные люди. Не колеблясь, я распечатала его, прислушиваясь, как старый лазерный принтер на другой стороне комнаты пыхтя, пришёл в движение.

Папка Колина была намного короче и ставила передо мной проблему посложнее. Если я загляну в неё, то докажу, что не достойна его доверия. Но у меня нет другого выбора. Мой дядя утверждал, что Колен свободен уйти, но сказал это с уверенностью человека, который знает, что такого никогда не случится. Если я хочу помочь Колину освободиться, то должна знать, что у Билли есть против него.

Я нажала на «печатать», а потом прошла через класс, чтобы забрать распечатанные листы.

— Исследование? — спросила Лена, когда я собирала в охапку бумагу.

— В некотором смысле.

Я так прижала пачку бумаги к груди, что она не могла прочесть, что там написано.

— Во сколько мне забрать тебя сегодня вечером? Подойдёт в семь?

— Конечно.

Не то, чтобы мне было нужно переживать о причёске и макияже. Как правило, место за стойкой регистрации доставалось какой-нибудь девушке из десятого класса, которая отчаянно надеется, что её примут в НСП. В этом году это буду я, в такой же отчаянной попытке не потерять там своего места. Когда я надеялась на незабываемый последний, учебный год, я представляла себя нечто совершенно другое.

— Может ты сможешь прокрасться в бальный зал, когда все будут уже там, — сказала Лена с явным сочувствием.

Я пожалала плечами. Без Колина бал всё равно не привлекал меня.

— Для чего?

Она изумлённо покачала головой.

— Чтобы посмотреть и показать себя? Из первых рук узнать, о чём все будут болтать в понедельник? Я уже постепенно начинаю беспокоиться о тебе.

Я отмахнулась.

— Значит в семь, да?

Она улыбнулась, и образовались две ямочки.

— Жду не дождусь!

Зазвенел звонок. Я схватила мою школьную сумку и аккуратно засунула в неё распечатанные страницы. Папка Колина была такой безобидно маленькой стопкой бумаги... Я не могла поверить, что его прошлое, которое он при каждом удобном случае так сильно хотел от меня скрыть, сокращено всего до нескольких страниц. Конечно папка была бы такой же толстой, как телефонная книга, если бы всё было настолько ужасным, как он всегда намекал.

Когда я вышла на улицу, ветер хлестал меня, лишая дыхания. Колин прислонился к грузовику. Его единственной данью холоду была тёмно-серая вязаная шапка, соответствующая цвету его глаз. Я попыталась не смотреть на него с виноватым видом, когда пересекала тротуар.

— Твоя сумка выглядит тяжёлой.

Он протянул руку, чтобы забрать её у меня, но я вцепилась в ремень и уклонилась.

— Нет! Ничего страшно, не такая она и тяжёлая, просто немного бесформенная. Я сама справлюсь.

Я начала заикаться и слишком решительно возражать.

Колин смотрел на меня одну секунду, сузив глаза, прежде чем открыть мне дверь.

— Много работы в эти выходные?

— Да.

Я подождала, пока он залезет в машину и заведёт мотор, чтобы потом подставив пальцы к печке добавить:

— Такое впечатление, будто учителя знают, что мы планируем что-то приятное и хотят создать противовес.

— Что-то приятное, хм?

В его голосе слышалось любопытство. А также, как мне показалось, признание, так, будто он радуется, что я последовала его совету и собираюсь вести себя как подросток.

— И что это?

— Бал. Но я не буду танцевать, а только проверять входные билеты. Лена отвезёт меня.

Внезапно настроение в кабине изменилось. Выражение лица Колина стало подозрительным. Пистолет, как я заметила, больше не лежал в бардачке, он всё время держал его при себе, в кобуре на спине.

— На самом деле тебе нельзя никуда ходить без меня.

Мой гнев вспыхнул, как трут.

— Но ты не захотел пойти на бал, а Лена будет ночевать у меня.

— Хотя твоей матери нет в городе? Она дала тебе своё разрешение?

— Да. Она сказала, что это хорошо, если у меня будет компания.

Мышцы его челюсти дернулись.

— Ты можешь встретиться с ней на балу. Я отвезу тебя.

— Нет. Если ты беспокоишься, можешь поехать за нами. Однако тебе придётся ждать на улице. Только гости с билетами могут пройти во внутрь.

Он проигнорировал мою колкость.

— Просто невероятно, что твоя мать оставила тебя дома, а сама уехала в Терре-Хот.

— Невероятно то, что ты думаешь, что я поехала бы вместе с ней.

— Я точно не в восторге от того, что ты осталась совершенно одна. Тобой интересуется

слишком много людей.

— Я не совсем одна. Лена тоже там будет. Ты сам сказал, что Экомов уже давно причинил бы мне вред, если бы хотел.

Мы заехали за дом, и я почувствовала, как тугий узел страха в груди немного расслабился, и опасение, что он обнаружит папки в моей сумке, исчезло.

— Не хочешь зайти?

Так мы делали обычно, когда мне не нужно было работать. Он что-нибудь ел и смотрел по телевизору спорт, в то время как я делала домашнее задание. Иногда он возился под капотом грузовика или ремонтировал какие-нибудь мелочи в доме, о которых волновалась мама. Мы флиртовали и дурачились, и это было то, что со смерти Верити ближе всего походило на нормальную жизнь. Иногда, когда злобные замечания и косые взгляды в школе особенно причиняли боль, эти моменты были всё, чему я могла радоваться.

Но между нами уже ничего не было нормальным. Ничего не было лёгким. И сегодня, когда у моих ног ждала сумка с тайными Колина, его компания было последние, чего я хотела.

— Твоя мать дома, — сказал он. — Вам следует провести время вместе, прежде чем она уедет в Терре-Хот. В этот раз я сяду снаружи.

На кухне моя мать как раз вытирала кухонные столы и убиралась в кладовке, решив оставить всё в полном порядке, когда чуть позже отправится в путь. Я наблюдала за ней с закрытой веранды.

Она была жилистой — маленькой, но сильной, с покрасневшими руками из-за всей этой работы в Слайсе. В детстве я бесчисленное количество раз видела, как она раскатывает и лепит нежное тесто для пирожков. Вне ресторана или нашего дома её уверенность в себе, казалось, тут же куда-то исчезает, и это превращение всегда расстраивало меня.

Когда я теперь наблюдала, как она суетливо носится по кухне, я в одно и тоже время чувствовала привязанность и раздражение. Она изматывала себя, чтобы сделать всё как можно более идеальным, но отказывалась признавать, что это мой отец виноват в том, что ей приходится так много работать.

— Ты рано пришла домой, — сказала она и сполоснула раковину. В воздухе чувствовался запах хлорки и искусственного аромата лимона, и я невольно поморщилась. — Где Колин?

— Снаружи.

Она выглядела очень разочарованной. Что-то в его невозмутимой манере держаться смягчало наши натянутые отношения. Я не так быстро выходила из себя, когда он был рядом, а мама не так сильно тряслась надо мной.

Кроме того, ему нравилось, как она готовит. Больше всего она радовалась, когда могла кого-то попотчевать, кто потом попросит ещё добавки.

Но прежде всего он был серьёзно настроен заботиться о моей безопасности. Уже только за это моя мать была готова причислить его к святым.

— Папа так расстроится, когда увидит, что ты осталась дома, — сказала она. — Ты всё ещё можешь поехать со мной.

Я бросила сумку на помытые полы и сняла шлёпанцы.

— Последний раз я видела его четыре года назад. Скорее всего он даже не ждёт, что я приеду.

Она покачала головой.

— Он скучает по тебе.

Я сдержала комментарий, что он, если бы действительно скучал по нам, то не стал бы рядом с бухгалтерией, заниматься ещё отмыванием денег и незаконным присвоением. Хорошие отцы замещают тренеров по футболу. Учат ездить на велосипеде. Снимают на камеру во время театрализованного ежегодного выступления, посвященного рождению Иисуса. Они не совершают тяжких преступлений, и их не арестовывают во время осеннего фестиваля, когда они на самом деле должны заботиться о том, как забросить подальше мешок с бобами.

— Он скоро вернётся домой. Ты в долгу перед ним, и должна быть немного более уступчивой.

— Какой, ради всего святого, у меня перед ним долг?

Она положила губку и повернулась ко мне.

— Твой отец очень многим пожертвовал ради нас. Ты делаешь вид, будто он ушёл добровольно, но это далеко от истины. Его это почти убило, но он сделал то, что думал будет лучше всего. Для нас.

— Ты тоже многим жертвовала. Разве тебе никогда не хотелось... больше?

Больше детей, ресторан побольше? Машину, чья выхлопная труба не угрожает в любой момент отвалиться? Муж, который по воскресеньям сидит рядом с ней в церкви?

— Никто не должен так много работать, как ты.

Она вымучено улыбнулась.

— У меня есть красивая дочь и ресторан, который приносит радость многим людям. Тяжёлая работа кажется мне очень маленькой ценой за всё это.

Виновато и пристыженно, я потянула за болтающуюся на пуловере нитку. У меня было такое ощущение будто мой вопрос приуменьшил то, за что она в течение всех этих лет трудилась не покладая рук.

— Я только имею ввиду, что ты тоже заслужила быть счастливой.

Она отвернулась, налила ещё больше чистящего средства в безупречную раковину и начала лихорадочно тереть.

— Я довольна. А когда твой отец вернётся домой, я буду счастлива.

— Ты от сколького отказалась.

— Иногда просто так получается, — сказала она через плечо. — Иногда нужно сделать выбор, либо следовать за мечтами, либо поддержать человека, которого любишь, потому что без него мечты становятся пеплом. Люди, которых любишь, важнее любых идеалов. Всегда.

Я фыркнула.

— Если бы это было правдой, то отец сидел бы сейчас здесь, а не в тюрьме.

— О Мо. Правда всегда сложнее, чем хотелось бы.

— Я иду наверх. Домашняя работа.

Я подняла сумку, чтобы подчеркнуть свои слова.

Моя мама сглотнула, как будто в горле застрял ком, от которого никак не избавиться.

— Я поднимусь сейчас наверх, чтобы попрощаться.

Моя комната была безупречно чистой. Мама уже убралась здесь и без сомнения, всё обыскала, ища что-нибудь, что могло бы объяснить моё поведение в последнее время. Но единственные предметы, которые я взяла с собой от Дуг, это странные сваренные друг с другом кольца, символ заключённого между нами союза.

Я бросила папки Дженни на кровать, прислонилась к комоду и уставилась на обе

стопки бумаги.

Может быть это ошибка.

Передняя дверь хлопнула. Через окно я увидела, как моя мать с термосом и прикрытой фольгой тарелкой направилась к грузовику Колина. Наверное, решила дать ему ещё пару указаний в последнюю минуту, прежде чем уедет, как будто он был моей няней. В этом не было ничего удивительного, потому что глубоко в сердце она считала меня ещё ребёнком.

Колин, в попытке защитить, сознательно оставлял меня в темноте, но в темноте таятся ужасные вещи. Я не собиралась оставаться там дольше. Я залезла на кровать и взяла его папку.

Первые несколько страниц были копии рукописных докладов социальной службы Денвера, описывающие посещение семьи Доннелли-Гаскилл одиннадцать лет назад. Слова выделялись на страницах как кровоподтёки.

Несколько сломанных костей, многочисленные порезы, ожоги от сигарет.

Возраст, одиннадцать, восемь и шесть лет.

Мать отказывается подавать жалобу.

Девочки шесть, игровое поведение можно связать с неоднократным сексуальным насилием.

Рекомендую лишить права опеки.

Я прижала кулак ко рту. Теперь у меня было объяснение для шрамов на спине Колина — самое жестокое, что можно себе представить. Мои глаза наполнились слезами, и я горевала об этих детях, когда пролистывала другие страницы. Не было никаких последующих записей, никакого официального отчёта. Ничего, что показало бы, что дети — Колин и его брат с сестрой — были спасены.

Следующая пара страниц оказалась выпиской из реестра судимости мужчины по имени Раймонд Гаскилл, отчима Колина. Ряд краж, ограбления, начиная от угона автомобиля и кончая вооружённым грабежом, наряду с обвинениями в телесных повреждениях — в рамках насилия в семье, но также и в других случаях. Практически в каждом случае жалобы были отозваны или обвинения сняты. Несколько заключений, но не одно дольше, чем девяносто дней. А потом внезапно больше ничего.

Я перевернула страницу. Отчёт санитара скорой помощи. Из квартиры в Денвере пришёл экстренный вызов, там прозвучали выстрелы. Мужчину и женщину нашли мёртвыми на месте происшествия. Восемилетний мальчик умер по дороге в больницу. Шестилетняя девочка получила массивные травмы головы и была без сознания. И ещё мальчик, одиннадцать, был в состоянии шока, его сильно избивали, но предполагалось, что он выживет.

Мне стало плохо, я свернулась в калачик и попыталась подавить тошноту. Образ одиннадцатилетнего мальчика, одного в скорой помощи, просто не хотел отступать. И Билли сказал мне об этом. Кошмар наяву. Билли сказал правду, а я не поверила, потому что думала, что ничего не может быть настолько ужасным, как смерть Верити.

Как глупо думать, что у меня была монополия на горе.

Когда я переворачивала страницу, мои пальцы так сильно дрожали, что бумага порвалась. Я отчаянно старалась не читать список травм, которые получили Колин и его брат с сестрой, но в этом не было смысла.

Они в любом случае ещё очень, очень долго будут стоять у меня перед глазами.

Газетная заметка — короткая, всего несколько предложений, спрятанная на странице двенадцать, о взломе, в котором мать и её сын были избиты до смерти. Выжившие мальчик и



девочка, которых передали на попечение дальним родственникам. Никакого упоминания отчима или ещё кого-то, кто присутствовал на месте преступления.

Я прижалась спиной к стене, пытаюсь связать информацию, которая находилась передо мной. Отчим Колина истязал всю семью. Я помнила сеть из шрамов на спине Колина и у меня сжался желудок, когда перед глазами появился Раймонд Гаскилл, огромный неотёсанный громила, каким он показался мне на фотографии под арестом и каким маленьким был одиннадцатилетний мальчик. Каким невероятно, ужасно неумолимым он казался шестилетней девочке?

Почему Колина и других детей не передали в приёмную семью? Почему Гаскилл не сел в тюрьму? Записи социального работника были составлены несколькими днями раньше, чем отчёт санитара.

Либо детей не забрали вовсе, либо их отослали снова назад, а Раймонд Гаскилл продолжил там, где остановился. Когда он это сделал, что-то сломалось, и Колин был единственным, кто остался.

Что-то не сходилось. У меня было такое чувство, будто передо мной разложены все части пазла, но я не могу правильно повернуть их и вставить на место. Дженни хотела, чтобы я увидела всю картину целиком, но у меня всё расплывалось перед глазами. Ни газета, ни полиция вообще не упоминала о Раймонде. Возможно ли, чтобы отчёт санитара был неверным? Может он ещё жив?

Последняя страница содержала только адрес в западной части города. Я отложила её в сторону. Сейчас меня ничего не интересовало в Чикаго. Что я должна понять, так это то, что случилось одиннадцать лет назад в Денвере. Я ещё раз изучила бумаги, разбросанные на кровати, и постепенно меня накрыл холодный ужас. В квартире было пять человек. Четверо из них были сильно избиты. Одного застрелили. Либо Раймонд Гаскилл совершил самоубийство — а он не был похож на человека, который испытывал бы много раскаяния — либо на курок нажал кто-то другой.

Я внезапно с ужасающей ясностью поняла, кем был этот кто-то.

Столько крови. Такая большая потеря, и Колин каждый день носит её с собой. У меня болело за него сердце, я плакала по испуганному, маленькому мальчику, каким он должно быть был и по крепкому, бесстрашному мужчине, в которого он превратился. Он выжил, построив себе жизнь, а я не сделала ничего, кроме как стоять на своём и требовать ответы на вопросы, которые меня не касались. Он был прав. Билли был прав.

Моя мать постучала в дверь. Я быстро собрала бумаги и засунула под подушку.

— Я уезжаю, — сказала она, засунув голову в дверь.

Хотя сначала она приедет в город, так как часы посещения в тюрьме закончились, всё же она одела красивую юбку и жемчуг к своему свитеру с воротником-стойкой. Такую одежду, которую она одевала по особым случаям.

— Ты уверена, что не хочешь поехать вместе?

— Абсолютно.

Я не повернула к ней лица, говорила безразличным тоном, надеясь, что она не заметит, что что-то не так. Моя способность убедительно лгать значительно улучшилась за последние несколько месяцев, но сейчас я была слишком ранима, чтобы у меня хорошо получилось.

— Счастливого пути.

Должно быть я слишком преувеличила весёлый тон, потому что она пересекла комнату и села рядом.

— Ты сильно расстроена. Это из-за поездки? Ещё не поздно передумать.

— Это не поездка, — сказала я, обводя ручную вышивку на покрывале.

Возвращение отца, по сравнению с тем, что я только что прочитала, казалось мне простым делом.

— Всё... сложно.

Она поджала губы. По ней было хорошо заметно, как она сдерживает желание уточнить о чём речь, но потом она убрала мне волосы с лица и слабо улыбнулась.

— Я приготовила лазанью, — сказала она. — А в холодильнике стоит тесто, чтобы ты и Лена завтра утром смогли приготовить себе свежие вафли.

— Звучит здорово. Спасибо, — прошептала я.

Она сжала мою руку.

— Ты могла бы оказать мне услугу, пока меня не будет? Пришли запасные части для ремонта компьютера, а когда я вернусь, то должна буду сделать начисление заработной платы. Ты не могла бы позаботиться об этом?

— Конечно.

Будет не плохо попытаться отремонтировать что-то, что я действительно смогу исправить.

— Спасибо, дорогая. Я скажу папе, что ты передала ему привет.

— Я... Конечно.

Она старалась. И я могу постараться, по крайней мере немного.

— Увидимся в воскресенье вечером.

Как только я услышала, как завёлся наш фورد Таурус — его мотор работает со сбоями — я включила компьютер и внесла в гугл «Раймонд Гаскилл», но ничего не обнаружила. Я уже искала информацию о Колине, но даже когда добавила Денвер и год из отчётов, я ничего не нашла. Все они были фантомами. Я нащупала мой сотовый и набрала номер Дженни, при этом мои пальцы соскальзывали с кнопок.

— Почему ты послала мне это?

— Мо, — её тон был осторожным. — Ты прочитала обе папки?

— Я прочитала папку Колина. Ты его не знаешь, — сказала я срывающимся голосом.

— А ты знаешь?

Вопрос застал меня врасплох. Знаю ли я Колина? Или я знаю только кое-что о нём, так же, как люди думали, что хорошо знают меня.

— Колин не убивал твоего отца.

— Может и нет, но он всё равно вовлечён в это дело.

— Нет, я так не думаю. Пока.

Я бросила сотовый на кровать, села на пол, сжимая пачку бумаг. Мне не нужно было ещё раз читать её. Каждое отдельное слово отпечаталось в моём мозгу, и ничто не сможет удалить их оттуда и утешить. Всё, что я сделала, это прочитала несколько отчётов. Я могла только догадываться, какой вред был нанесён Колину, когда с ним это случилось.

Мои глаза снова наполнились слезами, и я вытерла их подушечками ладоней.

Почему Колин не доверился мне?

Он знал все мои тайны, все тёмные и ужасные вещи, которые я сделала или пережила за последние несколько месяцев. Он видел, как я оплакивала мою лучшую подругу. Он видел, как я окунулась в магию и как с трудом снова выбралась из неё. Видел, как я убила. И он молчал.

Его молчание причиняло боль. Может быть с моей стороны было эгоистично думать о собственной боли, а не о боли Колина, но я просто не понимала его. Он скрывал от меня самое важное, что с ним когда-либо происходило. Даже хуже, он рассказал об этом Билли. Хотя мой дядя использовал прошлое Колина, чтобы шантажировать его, он доверил свою тайну Билли, а не мне.

Он не доверял мне. Никогда не доверял и никогда не собирался довериться в будущем. Я не могла бы сделать себя ещё большим посмешищем, чем уже сделала.

Я снова услышала, как хлопнула дверь, скрип шагов Колина на нижних ступеньках и его голос, раздавшийся из гостиной:

— Твоя подруга пришла. Ты спустишься, или мне послать её наверх?

— Я спущусь через минуту.

Я собрала бумаги, положила их на письменный стол, а потом одела первое попавшееся под руку чистое платье, которое выглядело так, будто оно подойдёт — тёмно-зелёный трикотаж, края и вырез обшиты кружевами и широкая юбка.

Не такое шикарное, как будет у других, но это не имеет значение, потому что я в любом случае, буду всё время сидеть за столом. Я вытащила очень благоразумную пару чёрных туфель на низком каблуке, собрала волосы в пучок и застегнула их заколкой, чтобы удержать на месте.

— Мо, пошли уже! — крикнула Лена.

Её разговор с Колином звучал бодро и с ноткой любопытства. Я почувствовала мрачное удовлетворение, когда представила себе, как он пытается уклониться от вопросов Лены. Улыбка ту же пропала, когда я увидела моё распухшее отражение в зеркале. Никакое количество макияжа не сможет спрятать мои опухшие, покрасневшие глаза.

Колин поймёт, что что-то не так, как только меня увидит. Я не знала, как сохранить тайну, которая была настолько большой, что затмит всё, что стоит между нами. Я не знала, как мне смотреть на него без жалости, после всего, что он пережил, и не испытывать гнева из-за того, что он ничего мне об этом не рассказал. Это было его прошлое, но наше будущее. По крайней мере так я думала до сих пор. Теперь я знала правду — у нас никогда не было будущего.

Я схватила сумку, бросила в неё самое необходимое и стуча каблуками, сбежала по лестницы вниз, чтобы поприветствовать Лену.

Колин ждал в гостиной, положив руку на перила лестницы, и выглядел так, будто хотел сбежать от жизнерадостных, настойчивых вопросов Лены. Он поднял голову и был явно рад, что я освобожу его сейчас от Лены.

— С тобой всё хорошо? — спросил он, и его облегчение сменилось беспокойством, когда я неуклюже взяла мою куртку. — Ты выглядишь...

— Она выглядит великолепно, — сказала Лена, которая поймала мой взгляд.

Я подумала, что она скажет что-то ещё — она не была склонна молчать и держать своё мнение при себе — но она схватила меня за руку и потянулась к двери.

— Нам уже нужно было выехать десять минут назад.

Я кое-как одела куртку, отмахиваясь от Колина, когда он попытался мне помочь.

— Готово.

Возле двери он удержал меня за руку.

— С тобой что-то не так.

— Ты не поймёшь, — сказала я и вырвала руку.

И я не лгала. Если он не понимал того, почему должен был рассказать мне, то не поймёт и того, почему я была так расстроена. И он точно не поймёт, для чего я вообще прочитала его папку.

## Глава 27

Едва маленький Шерволе Лены свернул на Западное Авеню, как она прервала гнетущую тишину.

— С тобой однозначно не всё в порядке. Вы опять поссорились?

— Нет.

Она ждала, что я скажу больше, но я прижала ледяные пальцы к глазам, пытаюсь устранить нанесённый вред. Через пару минут она бросила взгляд в зеркало заднего вида.

— Он позади, ты знаешь об этом?

— Да.

В этом и заключалась причина, по которой для меня не имело смысла пытаться найти подруг. Я не могла рассказать Лене ничего из того, что узнала — ни о Колине, ни о дяде, ни даже о том, почему Дженни Ковальски преследует меня.

— Он кажется милым парнем, — осторожно сказала она. — Так, будто ты ему дорога.

— Он замечательный парень.

— Который делает тебя несчастной.

— Это не его вина, — сказала я.

Она нахмурилась.

— Ты уверена? Потому что если он причиняет тебе боль, то я могу помочь. Я знаю людей, которые могут тебе помочь.

Я выдавила смешок, больше похожий на всхлип.

— Ты думаешь, что он... Колин не бьёт меня, Лена, клянусь тебе. Если что меня и смущает, так это то, что он слишком осторожный.

— Это лучше, чем если бы бил.

Я громко вздохнула.

— Мы можем поговорить о чём-нибудь другом? Пожалуйста.

— Конечно.

Лена продолжила болтать, намеренно придерживаясь лёгких тем. Я использовала остальную часть поездки, чтобы вернуть себе самообладание.

Мы добрались до школы, и сестра Донна уже ждала нас.

— Сюда, — сказала она и указала на стол. — Мо, ты будешь встречать посетителей бала и собирать билеты. Ты должна будешь проверять паспорт гостей, чтобы удостовериться, что фамилии совпадают с теми, что они нам сообщили, и ставить соответствующую галочку в списке. Как только бал начнется я приду, чтобы удостовериться, что в список внесены все.

— Поняла.

— Лена, ты можешь помочь проверить систему громкоговорителя. Первые гости, безусловно, скоро придут.

— До скорого, — сказала Лена и помахала мне.

Я уселась в пустынном холле и принялась поигрывать карандашом.

Книга была бы кстати. Или компьютерная игра. Или маникюрный набор. Большая стопка домашнего задания. Всё, что могло бы мне помочь скоротать время и не думать о Колине. И лучше почти не стало, когда мало-помалу начали заходить парочки: девушки в

облаках из блёсток и атласа, в сопровождении парней, выглядящих неуклюже в своих костюмах с галстуками.

Я работала так быстро, как могла. У меня не было никакого желания на разговоры, особенно если тема заходила о том, почему я сижу здесь снаружи и выполняю работу младшей, в то время пока другие двенадцатиклассницы находятся внутри и танцуют под Топ-Хит-40х, одобренный школьным руководством.

А затем, будто мой день не мог стать хуже, пришла ещё и Джилл МакАллистер. Она была окружена своими приспешницами и их спутниками. Джилл находилась в центре внимания тщательно отобранной группы девушек — красивые, состоятельные, популярные — они увеличивали престиж Джилл, но не затмевали её. Также и сегодня вечером, в своём мерцающем золотом платье, которое подчёркивало её искусственный загар, с искусно взлохмаченными светлыми волосами, она была словно солнце, а все остальные кружились вокруг неё. Когда она обнаружила меня за столом, то просияла даже ещё больше.

— Мо, ты готова праздновать? Мы уже начали! — она закружилась и захихикала, когда её спутник поймал её. Я незаметно пригнулась, но её дыхание ничем не пахло. Она бросила билеты на стол и вызывающе смерила меня взглядом с ног до головы.

— Красивое платье. Его выбирала твоя мама?

«А твоё сутенер?», с удовольствием ответила бы я. Но сегодня вечером у меня не было энергии разбираться с Джилл. Поэтому я ограничилась тем, что особенно тщательно проверила удостоверения личности парней и указала на кафетерий.

— Желаю вам замечательного вечера, — пробормотала я.

— Подождите-ка, — Джилл подняла руку и её спутники один за другим остановились. — Разве ты совсем не хочешь меня поздравить? — она улыбнулась и, как лошадь, показала слишком много зубов. Хотя у её платья был настолько глубокий вырез, что на лицо всё равно никто не смотрел.

Я вздохнула.

— И что же мы празднуем?

— НЙУ! Я получила сегодня письмо. А ты нет? — её глаза расширились в притворном извинении, но сияли ярче, чем блёстки на платье. — Я совсем забыла... ты же даже не подала документы, не так ли? Возможно, для тебя даже лучше поступить в здешний университет. Останешься тут, проведёшь время со своей семьёй. Я уверена, что твой отец будет этому рад. Возможно НЙУ не для тебя.

— Да, в последнее время их уровень очень упал, — сказала я, приподняв верхнюю губу, в то время пока разглядывала Джилл сверху до низу. — Они допускают любую мразь, если та достаточно хорошо одета.

Её лицо покраснело, когда она наклонилась ко мне с раскачивающимися серьгами.

— НЙУ не Св. Бригит, — сказала она. — Деньги твоего дяди не купят тебе там место. И в Нью-Йорке его связи не играют никакой роли. Там никого не интересует, в мафии он или нет.

Как раз на это я и рассчитывала.

— Девочки, — сказала сестра Донна позади меня. — Всё в порядке?

— Конечно, сестра, — просюсюкала Джилл и быстро отошла назад. — Мы как раз хотели зайти внутрь. Я не хочу ничего пропустить.

— Ах, да. Мо, мы готовы?

Я бросила взгляд на листок передо мной.

— Не хватает ещё нескольких.

— Я возьму список и начну вызывать всех. Возможно они ещё фотографируются, но береженого Бог бережет. Доложи пожалуйста в бюро, если объявятся опоздавшие.

Я присела и осталась в слабо освещённом коридоре наедине со своими мыслями. Позади меня раздавалась музыка. Массивные входные двери заслоняли мне вид во двор, но я знала, что Колин был там. Он всегда находился рядом, надёжность и постоянство в моей жизни. И всё же оказалось, что я его совсем не знаю.

— Думаю, это неправильно, — послышался голос Люка из темноты.

Я вздрогнула, огляделась и заметил его за дверью безопасности, которая блокировала лестничную клетку. Он осторожно коснулся всяческого замка и тот открылся с шипением и треском. Я смотрела с открытым ртом как он отодвинул дверь в сторону и услышала эхо скрипа, разнёсшегося по залу.

— Красивая девушка, и сидит в пятницу вечером совсем одна. Какой позор.

— Что ты здесь делаешь?

— Ты продинамила меня, чтобы сидеть здесь в одиночестве? Это совсем не льстит моему эго, Мышонок.

— Я же сказала Ниобе, что не смогу. Разве она не передала тебе?

Он тихо засмеялся и уселся на стол передо мной.

— Эй, полегче! Она мне сказала.

— О, — так если он знал, что я не могу с ним встретиться, почему тогда пришел? — Что-то не так? С Констанцией?

— Она на обучении. Ниобе сказала её матери, что это группа взаимопомощи для тех, кто скорбит. Я подумал, что было бы мило навестить тебя, — он слегка склонил голову на бок и смерил меня взглядом. — Что тебя беспокоит?

— Ничего.

— Это «ничего» — ростом метр восемьдесят, носит много льна и думает, что всё плохое можно прогнать, пригрозив пистолетом?

— Пожалуйста, не надо. Не сегодня вечером.

Он поднял руки.

— Хорошо. Как ты себя чувствуешь? Я имею ввиду, в магическом отношении. Ещё какие-то симптомы?

— Вообще-то, нет.

Он удовлетворенно кивнул и прошёлся по вестибюлю, чтобы осмотреть витрины с кубками, картины известных бывших учениц и портрет нынешнего Папы. Несмотря на моё плачевное настроение я улыбнулась. Наблюдать за Люком в моём мире было похоже на то, будто впервые смотришь фильм в 3D-формате. Всё вокруг Люка было двухмерным в то время, как он выделялся и даже в слабом освещении казался объёмным.

— Музыка красивая, — сказал он через плечо и заглянул в коридор ведущий в кафетерий. — Ты уже на многих была?

— На балах? На некоторых. Моей маме не особо это нравится, — сказала я и поморщилась. — А ты? У Дуг есть школьные балы? У вас вообще есть школы?

— Естественно. Конечно, немного другие чем ваши. Можно сидеть с кем-то рядом из Шри-Ланки, и тот на обед ездит на другой конец света и возвращается назад ещё прежде, чем ты успеешь съесть бутерброд.

Его голос звучал странно меланхолично.

— Они устраивают балы?

Он снова повернулся ко мне и пошел вдоль прохода так, будто совсем не переживал, что сестра Донна может выйти из-за угла.

— Без понятия. Возможно, но я не могу сказать это наверняка. Я не ходил в школу.

— Тебя обучали дома?

— Что-то в этом роде, — ответил он. В Люке многое казалось мне загадкой, но в этот момент я ясно увидела, как он решительно отмахнулся от своей боли и склонил голову в сторону звучащей музыки. — Звучит довольно здорово. Ты уверена, что не хочешь заглянуть туда ненадолго?

— Если меня увидят внутри, мой испытательный срок официально закончиться. И закончится не хорошо.

— Тогда нам придется танцевать здесь, снаружи, — сказал он, протянул мне руку, а его взгляд пробежал по мне, в то время, как он слегка поклонился.

— Люк, я не буду сейчас танцевать.

— Это очень просто, — сказал он. — И немного повеселиться тебе бы не помешало.

Прежде чем я смогла запротестовать, он стащил меня со стула. Быстрым загибом пальцев он сделал музыку настолько громкой, что она разнеслась по вестибюлю и непреодолимо затронула меня за живое.

Вокруг нас появились крошечные языки пламени, как световые гирлянды, и благодаря им в его глазах заблестели золотистые точки. Пока я рассматривала ближайшее пламя, пытаюсь понять, как оно функционирует, он обнял меня за талию и взял за свободную руку.

Умелыми движениями он повёл меня простым, четверным шагом, а я наступала ему на ноги.

— Прости!

— Ничего, — он закружил меня от себя и обратно, а я споткнулась и врезалась в него. — Расслабься.

— Я не в том настроении, чтобы расслабиться.

Давление его пальцев, которое я ощущала через платье, тоже подливало масло в огонь.

— Всего один танец. С тех пор, как я тебя знаю, на тебе лежит ноша всего мира. Ты же можешь избавиться от неё всего на один танец, не так ли?

Я медленно выдохнула и почувствовала, как часть напряжения ушла, будто Люк забрал его у меня.

— Уже лучше. Видишь? Ты просто должна доверять своему партнёру.

Он ограничился простыми танцевальными движениями и крепко держал меня, и пару минут не существовало ничего, кроме музыки и ритма нашего дыхания.

Люк осмелился медленно приблизиться, сократил расстояние между нашими телами, и я подавила желание уклониться.

— Почему тебя обучали дома?

Он вздохнул и его дыхание всколыхнуло мне волосы.

— Это долгая история. Просто скажем, Кварторы пришли к выводу, что так будет лучше.

Возможно. Но что-то заставило его ранее выглядеть несчастным.

Я сомневалась, стоит ли копать глубже, но мне нужна была какая-то его частичка, что-то, за что я могла держаться.

— Расскажи мне что-нибудь о себе. Из того времени, когда мы ещё не были знакомы.

Расскажи мне что-то правдивое.

— Что-то правдивое, — задумчиво сказал он.

Он притянул меня поближе к себе так, что моя щека легла на его плечо, и я смогла почувствовать его запах, корица с солёной водой.

Мгновение спустя он сказал:

— Это тебе понравится. Когда я был маленьким, пять или шесть лет, учиться читать было моим любимым занятием. Дети Дуг учат оба вида букв — ваши и наши — потому что лучше сначала записывать заклинания, прежде чем действительно творить их. Это позволяет избегать беспорядка в дальнейшем.

— Я могу себе это представить.

Я расслабленно прислушивалась к его интонации.

— А учишься с помощью стеклянных табличек, обводя выгравированные на них буквы. Рисуешь изгибы букв кисточкой. Одно из самых красивых зрелищ в мире, — сказал он погружившись в воспоминания. — Чернила блестят, как драгоценные камни, а свет, который проникает через табличку создаёт из заклинаний рисунок. В солнечные дни на каждой поверхности высвечиваются слова силы — на стенах, на полу, на коже, на пылинках в воздухе. Кажется, будто стоишь в середине заклинания.

В его взгляде снова появилась грусть, и я нежно сжала его руку. Он моргнул, выглядя удручённым.

— Звучит впечатляюще.

— Я покажу тебе когда-нибудь.

— Мне бы это понравилось. Почему Кварторы забрали тебя из школы?

Через его тело пробежало лёгкое напряжение.

— Как только судьба указывает тебе путь, то лучше сразу следовать по нему, даже если это не то, что ты запланировал.

Его глаза — тёмная, бездонная зелень — смотрели в мои, когда он закружил меня от себя и вернул обратно. Он замер и сбил меня с ритма посреди золотистых огней и райской музыки.

— Иногда они совпадают, жизнь, которая тебе предопределена и жизнь, о которой мечтаешь... Они встречаются. Это редкость, — уголок его рта приподнялся вверх. — Могу поспорить, примерно такая же редкость, как ты.

— Люк...

— Я мог бы прельстить тебя магией, — тихо сказал он. — Мог бы окутать тебя в нашу связь, засыпать брильянтами, сотворить заклинание, которое заставило бы тебя забыть всё на свете, кроме меня. Существует сотня разных трюков, с помощью которых я мог бы убедить тебя в том, что происходит между нами.

Он коснулся моего рта своим, всего лишь короткое прикосновение, и отошёл, полностью прервав контакт между нами. Коротким, скудным движением он потушил световые гирлянды. Музыка, которую он привнёс в комнату, затихла, так что были слышны только слабые обрывки с другого конца коридора. Толика магии, которая коснулась меня, исчезла, и комната казалась огромной и в то же время интимной. Большой, как необъятный мир и всё-таки достаточно маленький, чтобы вместить в себя только нас двоих.

— На этот раз никаких трюков. Никакой магии. Ради разнообразия, только ты и я, и правда. А правда в том, что наши чувства подлинны.

Я не могла оторвать от него взгляда — от волос, которые падали ему на лицо и блестели



как вода в лунном свете. Его губы открылись, как будто он хотел что-то сказать. Он протянул руку между нами и поманил меня к себе. Я одно мгновение разглядывала его руку, эти длинные, ловкие пальцы, которые могли использовать магию в качестве оружия или в качестве ласки и точно знала, какие от них будут ощущения.

Он не пытался уговорить меня, назвал только факт. Этот момент принадлежал нам — никому другому, ни магии, ни судьбе, ни предлогам. Только нам.

Это был вызов и в тоже время приглашение. Таким образом Люк обнаружил свою слабость, как ещё никогда не делал в моём присутствии.

Я опустила свою руку в его.

Его улыбка вспыхнула, когда он рванул меня к себе, как будто не мог дождаться, когда я наконец окажусь рядом. Я упала в его объятия, и его ищущий, шокирующе-горячий рот встретил меня поцелуем. Мир вокруг меня рассеялся, как хмель, как будто бы мы парили, и я ответила на поцелуй. Его руки запутались в моих волосах, провели вниз по шее, и мне казалось глупым, что между нами всё ещё находился воздух. Я придвинулась ещё ближе и укусила его за губу, а у него из горла вырвался звук, который выдавал удовлетворение и желание.

Я открыла глаза и удивилась, поймав его на том, как он смотрит на меня. С этого близкого расстояния я могла видеть золотистые точки в его ирисе, яркие и настойчивые. Я встретила его взгляд и один единственный раз не испугалась. От правильности всех этих вещей — наших чувств, того, как мы подходили друг другу — у меня закружилась голова. Теперь это была не только правда Люка. Она стала и моей правдой, хотя делала всё остальное ещё более сложным.

— Прекрати думать, — сказал он, почти касаясь моих губ. Так я и сделала, училась узнавать его только через прикосновения, чувствовала, как ускоряется пульс на его шее, вдыхала его запах, дым и тайны.

Позади нас кто-то прокашлялся.

Я взяла себя в руки, когда реальность так внезапно захлестнула меня и залилась краской.

— Простите, если мешаю, — сказала Лена.

Прозвучало так, будто её это забавляет, а не расстраивает.

— Приятно видеть тебя, таинственный парень. То есть, встретиться снова.

Люк опустил на мой стул и так спокойно помахал ей, что это свело меня с ума.

— Я пришла проверить, не скучаешь ли ты здесь, — сказала она, обращаясь ко мне. — Но поскольку это не так... увидимся позже.

— Я бы тоже это предложил, — сказал Люк, переплёл пальцы с моими и притянул меня к себе на колени.

Она улыбнулась так, что образовались ямочки и ушла.

— Приятная девушка, — сказал он. — Но у неё отвратительная привычка всегда мешать в неподходящие моменты.

— Я не уверена, выбирает ли она неудачно время или ты. Вероятно, тебе лучше уйти, — сказала я и отвернулась, когда он начал водить пальцами вдоль кружевного выреза моего платья.

— Мы же только начали.

Я отвела его руки в сторону.

— Лена не единственный человек, который здесь прогуливается. У Дуг есть монахини?

Поверь, тебе бы не хотелось познакомиться с сестрой Донной.

Он тяжело вздохнул и поцеловал меня ещё раз.

— Теперь ты мне веришь? Дело не только в магии.

— Я верю тебе.

Это казалось проще, пока не ворвалась Лена и не принесла с собой остальную часть мира.

— Однако я не знаю, что мне с этим делать.

— О, вместе мы можем много чего сделать, — сказал он с непристойным блеском в глазах. — Хочешь я расскажу тебе, что это может быть?

— Какой же ты дрянной мальчишка!

— Рад, что ты это заметила.

Люк всегда привлекал моё внимание. С самой первой нашей встречи было почти невозможно оторвать от него взгляда.

Что-то в нём прямо-таки принуждало меня. Он заставлял меня задаваться вопросами, хотеть вещи, ожидать большего — от себя и от мира — и он заставлял меня поверить в то, что я это заслужила.

— Пойдём со мной, — это была просьба, а не приказ. — Не ко мне домой. Я не хочу проводить тебя через Межпространство, если этого можно избежать. Но куда-нибудь. Может к тебе?

Мысль, оказаться с ним наедине и не переживать, что мама в любой момент может прийти домой, наэлектризовала меня. Каждый нерв в моём теле тянулся к Люку.

— Мне бы хотелось...

— Хорошо.

Он поцеловал место где моя челюсть граничила с ухом.

— ... но я не могу уйти.

Я не ожидала, что меня охватит такое сильное разочарование.

Он провёл мне большим пальцем под коленкой, и у меня закрылись глаза.

— Почему не можешь? Здесь нет ничего, ради чего стоило бы остаться.

Я отошла подальше, потому что боялась, что ещё чуть-чуть, и ему удастся переубедить меня.

— Я договорилась после бала встретиться с Леной. Я пообещала ей.

— Ты и твои обещания, — промычал он. — Как же ужасно практично.

— Что это значит?

— Я ещё никогда никого не встречал, кто использовал бы такие отговорки как ты. Ты всегда находишь причину, почему не хочешь рискнуть всем. Всегда одну, которая звучит логично и понятно, но за ней скрывается лишь твой страх. Ты не могла встретиться с Паскалем, потому что тебе обязательно нужно было на этот бал; ты не можешь пойти со мной, потому что у тебя ночует подруга. Ты не врешь, но и не говоришь всей правды.

— Может ты просто ревнуешь, потому что не получил приглашения, — сказала я, в попытке смягчить напряжённую ситуацию. При его словах что-то во мне вскипело, и я, извиняясь, дотронулась до его руки.

— Я не знала, что ты придёшь, Люк. Не заставляй меня делать выбор.

— Сегодня вечером не буду, — он нахмурился. — Но рано или поздно у тебя закончатся отговорки. Ты должна будешь принять решение, иначе останешься в конце ни с чем. Мне так хочется заставить тебя понять это.

— Я понимаю, — сказала я и положила голову на его плечо.

Он говорил не только о наших отношениях, и я хотела вознаградить его правдой, которую он заслуживает.

— Я подумаю над этим, хорошо? Большого пока не могу обещать.

— Я знаю.

Он склонился надо мной и поцеловал, задержав губы на моих, подобно эху.

— Мне уже сейчас не хватает этого, — сказал он и исчез.

## Глава 28

— Я просто тебя не понимаю, — сказала Лена, когда мы шли к машине.

— Добро пожаловать в клуб.

— Серьёзно. Ты без ума от Колина, все это видят. Он заходит в комнату, и ты вся светишься. Поругалась с ним, и теперь целуешься в засос с таинственным парнем. И я это понимаю, в конце концов он такой же горячий, как атомный реактор, но правда, что у вас происходит?

Я ничего не говорила, пока мы не выехали со стоянки.

— Хотелось бы мне самой это знать.

— Ты говорила, что он был парнем Верити.

— Видимо я сделала слишком поспешные выводы.

— Да, ты однозначно слишком поторопилась, — сказала она. — И что теперь с Колином?

Я оглянулась на грузовик, который следовал за нами.

— Между мной и Колином ничего нет. Это он совершенно ясно объяснил мне.

— О. Значит вот о чём недавно была ссора?

— Да.

Она покрутила кнопку на радио и нашла новый канал.

— У таинственного парня есть имя?

Я колебалась.

— Люк.

— То, что происходит между вами серьёзно?

Я прикоснулась к запястью.

— Трудно сказать. Мы ещё думаем.

Лена вытянула губы в трубочку.

— Мне показалось, что он настроен вполне серьёзно.

— Да. Это ...

— Сложно, — закончила она. — Кажется в последнее время у тебе всё сложно.

Остальная часть вечера была размытой мешаниной из попкорна, шоколадного печенья, слащавых романтических комедий и школьных сплетен. Это было именно то, что нужно, и я заставила себя не думать о папке Колина или о смехотворном обвинении Люка, будто бы я боюсь наших отношений. Это были не оправдания; я пыталась найти равновесие между его миром и моим.

Лена в конце концов заснула где-то около двух часов ночи и похрапывала с дивана. Я расположилась на ковре в моём гнезде из подушек и одеял и предалась воспоминаниям. Верити и я, по меньшей мере один раз в неделю, ночевали друг у друга так же, как сейчас. Дружба с Леной будет не такой, как с Верити, это я знала. Но это начало, маленькая часть

моей жизни, которая постепенно становилась нормальной. Эта мысль воодушевила меня, когда я медленно засыпала.

Час спустя я внезапно проснулась, когда в уши проник звук бьющегося стекла. Я пыталась выбраться из кокона одеяла, в котором запутались мои ноги. Лена позади меня очнулась ото сна, когда через окно пролетел второй кирпич и приземлился возле её ног.

— Беги через заднюю дверь! — крикнула я, стащила её с дивана и толкнула в сторону кухни. — Давай!

Я только хотела последовать за ней, как кто-то выбил дверь. Мужчина в лыжной маске заполнил дверной проём, и я закричала.

— Мо! — Колин с пистолетом в руке забежал через кухонную дверь. — Иди наверх! Немедленно!

Но я осталась стоять как вкопанная. Лена потянула меня за руку. Я почти не заметила её усилий.

— Пошли уже! — крикнула она и поволокла меня вверх по лестнице. Я стряхнула её, не в состоянии оторвать взгляда от зрелища, представшего передо мной. Незнакомец вытащил пистолет — самый большой, который я когда-либо видела — нацелился на Колина и предупреждая, покачал головой.

— Ну же, давай! — прошипела Лена, дёргая меня.

За первым мужчиной появился второй с пистолетом в руке. Он целился прямо в меня. Ноги подо мной подкосились. Я опустилась на ступеньки, вцепившись в перила.

Колин бросил на меня взгляд и с непреклонным выражением лица направил пистолет на второго мужчину.

— С ней у тебя нет никаких счетов, — сказал он. — Благоразумнее было бы сейчас уйти.

Дверь скрипела и раскачивалась туда-сюда на своих сломанных петлях, как будто пьяная.

— Уходите, — повторил Колин.

Его палец совсем чуть-чуть переместился на курке.

— Уходите сейчас же, не то я разделаюсь с вами и со всеми, кого вы когда-либо любили. И сделаю... это. Очень. Медленно.

На лестничной площадке чуть выше Лена умоляла меня наконец сдвинуться с места. Занавески на ночном воздухе скрутились, а температура так быстро упала, что у меня застучали зубы. Я цеплялась за перила, почувствовала, как дерево под ногтями откололось, и боль помогла мне держаться.

Колин ни на мгновение не дрогнул: пистолет в его руке не дрожал, он пристально смотрел на мужчину, который всё ещё целился в меня. Ствол казался невероятно длинным, дырка посередине бесконечно глубокой.

Я задавалась вопросом, будет ли это последней сценой, которую я увижу.

А потом мужчина опустил пистолет и коснулся плеча своего партнёра. Молча они отступили назад к двери и вышли. Колин всё это время держал их на мушке. Стекло хрустело под его ногами, когда он, шаг за шагом, продвигался к двери, чтобы лучше следить за взломщиками, когда те убегали. На другой стороне улице завёлся двигатель, шины завизжали, а затем они уехали.

Я сузила глаза, сгибаясь всё сильнее, чтобы подавить дрожь, которая трясла меня, а потом Колин встал на колени ступенькой ниже и обнял.

— Мо? Они ушли. Их здесь больше нет. Они не причинили тебе никакого вреда.

Щетина не его подбородке была пшеничного цвета, но кожа под ней бледная.

— У них были пистолеты, — сказала я.

— Знаю. Всё хорошо. С тобой ничего не случилось. Боже мой, — сказал он и выдохнул. — С тобой ничего не случилось.

Лена появилась наверху лестницы с сотовым в руке.

— Теперь я позвоню в полицию.

— Нет, — сказал Колин. — Не впутывай полицию.

— Ты с ума сошёл? Эти люди только что пытались нас убить. Конечно же я позвоню в полицию.

Он отпустил меня и бросился к ней.

— Нет. Ты сделаешь всё ещё хуже.

Он вырвал у неё из рук телефон.

Эй! — она толкнула его. — Разве ты не заметил эти пушки? Хуже уже точно не будет!

— Нет будет. А именно, если мы сообщим об этом в полицию и сделаем из Мо мишень.

Лена покачала головой.

— Фирма, что обслуживает сигнализацию, в любом случае вызовет полицию.

— Сигнализация уведомляет только меня, — ответил он. — А не полицию. Есть ситуации, в которых полиция не сможет помочь, и это одна из них.

Лена посмотрела на меня.

— Вы уверены?

— Никакой полиции, — согласилась я и встала. — Мне так жаль, Лен. Ты в порядке?

Её руки дрожали, когда она убирала с лица волосы, но она сказала:

— Со мной всё хорошо. А с тобой?

— Тоже.

— Нам нужно отвезти тебя домой, — сказал Колин.

— Конечно. Потому что это совсем не вызовет подозрения, если мы, — она бросила взгляд на наручные часы — появимся у меня дома в четыре часа ночи. Я поеду домой утром. Ты не мог бы отдать мне назад мой мобильный?

Колин смотрел на неё одно мгновение.

— Держи.

— Спасибо, — сказала она сухо. — Здесь внутри собачий холод.

— Я как-нибудь закрою окна, — объяснил Колин и вытащил свой собственный сотовый из кармана, без сомнения, чтобы позвонить моему дяде.

— Я приготовлю нам чай, — сказала я, потому что должна была занять себя чем-то.

— Увидимся наверху?

Лена замешкалась и бросила на Колина косой взгляд, но потом кивнула. Я на ощупь прошла через усыпанную стеклом гостиную и зашла на кухню. Задняя часть дома не была испорчена, но сигнализация дико мигала.

Когда вносила код, я обнаружила грузовик Колина на подъездной дороге. Должно быть он отослал другого телохранителя домой и вместо него сам охранял нас. Невозможно представить, что случилось бы без него!

Я механически наполнила голубой, эмалированный чайник и подождала, пока вода закипит. Я решила заварить ромашковый чай и потянулась, чтобы достать коробку с чаем с верхней полочки, но не смогла дотянуться до неё даже встав на цыпочки.

— Я достал.

Колин поставил её, а потом скрестив руки, прислонился к буфету.

— Спасибо.

Я положила чайные пакетики в каждую чашку, поправила ярлычки, всё время держась к Колину спиной.

— Тебе следовало подняться наверх.

— Это вылетело у меня из головы.

Странно, как может подействовать направленная на тебя пушка.

— Не забудь об этом в следующий раз.

— Думаешь следующий раз будет?

Чайник пронзительно засвистел, и я налила воду в чашки.

— Нам нужно увезти тебя на некоторое время из города.

— Нет, — я повернулась. — Я по уши погрязла в работе. Школа. Магия. Я не могу уехать.

— К чёрту магию, — сказал он. — Твоя жизнь важнее.

— Я останусь здесь.

Время было неподходящим, чтобы объяснять, что то, и другое, связано между собой.

— Это не тебе решать.

Его глаза выглядели устало, а услышав мои слова, он сжал челюсти.

— Когда ты отпрашивалась на бал, что-то было не так, это я увидел по твоему лицу. Что я упускаю?

Я напряглась.

— Ничего. Просто ты был прав, вот и всё. Пока ты работаешь на Билли, у нас ничего не получится. А мне не кажется, что здесь что-то вскоре изменится, тебе?

— Мо...

— Билли выиграл. С меня достаточно, Колин. Ты доверяешь ему, а не мне, и я не могу с этим бороться, — я подняла чай. — К этому заключению я пришла сегодня на балу. Вот почему так расстроилась. Билли заполучил тебя... а я нет.

Он накрыл мои руки своими, в то время, как пахнувший ромашкой пар поднимался между нами.

— Знаешь, сколько раз я уже видел, как ты чуть не умирала? — спросил он, уставившись на чашки с чаем.

— Если считать сегодняшнюю ночь? Три раза.

— Слишком часто. Я не могу этого допустить.

— А ты и не допустишь.

Я подумала о его семье, о маленькой девочке, что была его сестрой, где-то там в большом мире, и отстранилась.

— Но ты не можешь предотвратить все плохие вещи. Ты не можешь спасти всех. Постоянно спасать.

— Но мне важны не все, а только ты.

Я подумала о том, как много он умалчивает о своей жизни, только чтобы спасти меня от этой части. Что он не позволяет мне познакомиться с ним получше. Исключает меня, только из благородных побуждений. Он так увлёкся задачей защитить меня, что никогда не доверится. У нас никогда не было шанса быть вместе.

Я взяла чашку чая Лены и ушла.

Лена сидела на моей кровати, укутавшись в поношенную футболку с логотипом северо-западного университета. Одной рукой она играла с волосами в хвосте, другой держала протокол судебного процесса моего отца.

— Что ты делаешь? — спросила я и остановилась как вкопанная.

Горячий чай пролился через край чашки и обжёг руку, но я проигнорировала боль.

Лена с открытым ртом подняла на меня взгляд.

— У тебя и правда ужасная семья.

Я поставила чашки на комод и вырвала у Лены папку.

— Это личное! Какое ты имеешь право копаться в моих вещах?

— Ты оставила лежать её на своём письменном столе, — указала она. — Не сказала бы, что это так лично.

Я пролистала страницы, которые забрала у неё.

— Это только протокол судебного процесса, — пробормотала я и облегчённо вздохнула.

Папка Колина была в моей школьной сумке в безопасности. Тайны моей семьи были достаточно плохими, но я не могла вынести мысль, что кто-то ещё узнает о прошлом Колина, особенно, когда я сама только что начала его открывать.

— Только протокол? Есть что-то ещё? Ты уже читала его?

— Ещё нет.

Я положила стопку бумаги в верхний ящик и задвинула его обоими руками. Тут ящиков не хватит, чтобы скрыть все тайны. Внезапно мной овладела отвратительная уверенность в том, что чтобы я не делала, ничто не поможет их скрыть.

На лице Лены появилось сочувствие.

— Ты знала, что это было, — сказала я. — Зачем продолжала читать?

Она вскинула руки вверх.

— Потому что сегодня ночью сюда вломилась люди в масках и угрожали нам пистолетами, а ты даже не захотела вызвать полицию. Потому что твой телохранитель пригрозил злым парням тактикой «выжженной земли», а ты даже и глазом не моргнула. Потому что я думаю, что у тебя очень серьёзные проблемы, и пытаюсь быть для тебя подругой.

— Вынюхивая детали?

— Я пытаюсь выяснить, что с тобой происходит, чтобы помочь. Подруги делают такое друг для друга, если ты ещё не забыла.

Она медленно выдохнула и какое-то время смотрела в потолок, прежде чем взглянуть мне в глаза.

— Мы ведь подруги?

Я не забыла, как Лена, не моргнув глазом, прикрывала меня много раз. Когда все остальные решили, что я в ответе за смерть Верити, она проигнорировала слухи, села во время обеда рядом со мной и не вела себя так, будто делает мне этим одолжение. До сегодняшней ночи она позволяла мне сохранять мои секреты, не раздувая из этого большую проблему. Не в первый раз я задавалась вопросом, а какие тайны скрывала она сама, если принимала мои с такой готовностью.

Какой же подругой я буду, если позволю попасть ей в перекрёстный огонь между моим дядей и Екомовым? Или позволю напасть на неё Сумрачным? Было так много вещей, о которых я не могла ей рассказать, о которых не могла предупредить. Правда она могла бы просто уйти сегодня ночью, когда Колин предложил отвезти её домой. Большинство людей

выбежали бы с криками из дома. Однако Лена осталась. Возможно она сможет справиться с этим. Возможно я могу ей доверять.

— Мы подруги. Я имею ввиду, что я по крайней мере надеюсь на это. Но моя семья...

— Ты не твоя семья. Тебе нужно прочитать папку.

Я провела пальцами по ручке ящика.

— Я знаю, как закончилась эта история.

— Речь идёт не о конце, — ответила она. — Конец известен всем. Ты должна увидеть начало.

— Но...

Я хотела сказать, что боюсь, но не смогла.

— Эти типы сегодня ночью могли нас убить, — она вздрогнула и отпила чай. — Кто-то преследует тебя, и я действительно благодарна за то, что Колин находился рядом. Но ты не можешь продолжать жить дальше, как жила до сих пор. Если мы выясним правду, то сможем найти способ всё исправить.

Она взяла вторую чашку чая с комода, поднесла обе к моей кровати и опустилась перед ней на пол.

— Прочитай папку, Мо. Я составлю тебе компанию.

Я выдвинула ящик и вытащила стопку бумаги. Если уж мой мир должен взорваться, тогда лучше, когда в такой момент рядом находится подруга.

## Глава 29

Я просматривала стопку документов. Я не сильна в иностранных языках, и юридическая тарабарщина не является исключением.

— Я даже не знаю, что ищу.

— Чуть дальше вперёд, — сказала она и показала пальцем. — Вот.

— Документ о смягчении приговора в обмен на показания? Он не подписал его. Какое это имеет значение?

— Читай, — посоветовала Лена.

Я прочитала крошечный шрифт три раза.

— Я всё ещё не понимаю.

— Прокурор предложил твоему отцу смягчение приговора. Пять лет, с возможностью досрочного освобождения. Он вышел бы из тюрьмы ещё прежде, чем тебе исполнилось десять лет. Ему просто нужно было обо всём рассказать.

— Рассказать о Билли, — размышляла я вслух. — И обо всём, что они сделали, как например, воспользовались «Морганом» и «Слайс», чтобы отмыть деньги.

— Это логично, — сказала Лена, вытянув губы в трубочку. — Нельзя нелегально заработать кучу денег и положить их в банк, потому что об этом сообщают правительству, а она потом проверяет. Те, кто отмывает деньги, ищут компанию, которая указывает в качестве выручки наличные, платит налоги и отдаёт их уже чистыми.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросила я.

— С уроков экономики, — сказала она почти скучающе. — «Слайс» не принимает кредитные карточки, так ведь? Для твоего отца было бы проще-простого подделать учётные книги так, будто выручки было больше, чем вы на самом деле заработали. Но нужно было делать это осторожно. «Слайс» приносит хорошую прибыль, но через него нельзя переправить огромные суммы денег. Поэтому они не должны слишком жадничать.



Я снова вспомнила слова Колина. «Билли только потому выживал так долго, потому что он умный — не слишком алчный, старается не привлекать к себе внимание.»

— У Билли есть несколько фирм. Не только «Морган» и строительная компания, но и другие. «Слайс» тоже принадлежал ему, пока его не переняла моя мать.

У него были десятки возможностей сделать так, чтобы деньги мафии выглядели кристально чистыми. Когда мой отец был бухгалтером, заметать следы было ещё даже проще.

— Но моя мать никогда бы не согласилась. Должно быть они делали это без её разрешения.

Лена смотрела на бумагу, лежащую перед нами.

— Почему твой отец не согласился на их предложение? Должно быть у него была причина. Пять лет, с возможностью досрочного освобождения, это намного меньше двенадцати.

— Я не знаю.

Я просмотрела перекрёстный допрос, которому подвергла моего отца обвинительная сторона. Независимо от того, как они формулировали вопрос, мой отец оставался непреклонен — нет, у него не было сообщников. Нет, он не работал на кого-то другого. Нет, никто не обещал ему льгот для его семьи. Нет, он никогда не имел никаких дел с Марко Форелли или каким-нибудь другим членом семьи Форелли. Джек Фитцджеральд действовал в одиночку, и ни повторение вопроса, ни угроза, ни вопрос с подвохом не смогли что-то изменить в его истории.

— Он стал козлом отпущения, — сказала я.

— Должно быть у мафии имелся какой-то рычаг давления, — пробормотала Лена с беспокойством во взгляде. — Что-то такое, что заставило твоего отца покрывать их.

Я почувствовала холод, который не имел ничего общего с окном внизу.

— Это мы. Моя мама и я. И если мой дядя остался цел...

— Тогда он всё знал.

Я молча кивнула, перелистывая большим пальцем оставшиеся бумаги.

А потом я замерла, потому что в конце, после протокола заключительной речи и судебного приговора, находился один единственный лист бумаги, отделённый от других юридических документов. Это была дарственная на «Слайс», переписывающая собственность Билли на мою мать. Она была датирована днём, после вынесения обвинительного приговора моего отца.

— Лена, — сказала я, мне не хотелось прикасаться к этой бумаге. — Не только рычаг давления. Взятка.

Она взяла дарственную в руки, прочитала её и прикрыла рот рукой. Мой отец был не единственным, кто заключил соглашение, прежде чем попасть в тюрьму. Мама сама не плохо заработала. На документе красовалась её аккуратная, округлая подпись. До сих пор я не замечала, как сильно похожи наши почерки.

— Чёрт возьми, — тихо сказала Лена.

Что-то внутри меня шевельнулось, медленное, болезненное давление. Я прислонилась головой к кровати, и почва ушла у меня из-под ног. При этом я задавалась вопросом, как долго так будет ещё продолжаться, и останется ли в конце хоть что-то таким, каким было раньше.

## Глава 30

Лена ушла на следующее утро, рассердившись, что Колин настоял на том, чтобы её сопровождал до дома один из людей Билли.

— Мне жаль, — пробормотала я, когда она уходила, убивая взглядом Колина.

— Это действительно было так необходимо? — спросила я мгновение спустя.

— Да.

Он встретил мой хмурый взгляд холодным безразличием, а потом принялся вновь выдалбливать из оконной рамы старую шпаклёвку. В нескольких шагах, прислонённое к книжной полочке, стояло стекло на замену.

— Что ты запланировала на сегодня?

Я подумала о папке, лежащей в моём комод. Потом оглядела разнесённую гостиную и мужчину, который был готов заслонить меня от пули своим телом.

— Я что-нибудь придумаю.

— Билли сильно рассердился, — сказал он через плечо, сосредотачиваясь и дальше на своей работе. — Он хочет, чтобы ты уехала из города, по крайней мере на какое-то время.

— Ну конечно. Ты же знаешь, как он ненавидит, когда мне кто-то угрожает.

Он медленно отложил в сторону зубило и повернулся, чтобы заглянуть мне в лицо.

— У тебя есть что-то, что ты хотела бы мне рассказать?

— Нет.

И это было правдой.

— А что с тобой?

— Ты злишься, — сказал он.

Я натянула рукава свитера на руки.

— Я испугалась.

Колин принялся снимать свои рабочие перчатки, не сводя с меня взгляда.

— Сейчас ты злишься. Это совсем другое.

Я подняла одно плечо вверх.

— У меня есть право злиться, не находишь?

— Да. Пообещай мне, что не сделаешь что-нибудь глупое или легкомысленное, — сказал он.

— Никогда в жизни. Ты меня знаешь.

Он фыркнул и снова взялся за работу. Я поднялась наверх и ещё раз внимательно прочитала папку отца, но всё выглядело точно так, как вчера ночью. Меня всё больше переполнял гнев, но так я не знала, на кого точно злюсь, я чувствовала себя рассеяно и беспомощно. Мне нужно было что-то сделать, поэтому я взяла одинокий адрес из папки Колина и внесла его в гугл.

Не знаю, что я ожидала найти, но точно не дом для инвалидов.

Я увеличила масштаб карты и попыталась выяснить, какая комбинация автобусов и трамваев быстрее всего отвезёт меня туда. Однако я не успела закончить, потому что минуту спустя пришла домой мама. Мой гнев нашёл свою мишень.

— Мо?

Её шаги слышались, как быстрое постукивание на лестнице, а потом она уже стояла в моей комнате, размахивая руками и бесполезно суетясь. Она обняла меня, но моё тело осталось напряжённым.

— Мне не стоило оставлять тебя здесь одну! Билли должен был позвонить, как только

это случилось. Должно быть ты так испугалась! Да ещё и твоя подруга была здесь. Немыслимо, что она теперь будет рассказывать людям! Слава Богу, Колин был рядом, — она замолчала, чтобы набрать в лёгкие воздуха и заметила моё молчание. — Ты ранена, моё золотце? Колин сказал, что никто не пострадал. Ты в порядке?

— Как папа? — спросила я, почти не узнавая собственного голоса.

— С ним всё хорошо, дорогая. Он уже так сильно взволнован, потому что возвращается домой. И очень сильно хочет тебя увидеть, — она прикоснулась к пуговицам на рукаве. — Билли сможет утрясти все эти проблемы, вот увидишь.

— Я уже достаточно видела.

Я поправила стопку бумаги, лежащую передо мной.

— Расскажи мне о судебном процессе отца.

Он поджала губы, так что вокруг образовались неодобрительные морщинки.

— Папа скоро вернётся домой. Нет никаких причин возвращаться к прошлому.

— Дяди Билли тоже предъявили обвинение.

— Эта была охота на ведьм, — она начала поправлять книги на моей полке, ставя их в безупречную линию. — Прокурор нацелился на него. И на твоего отца. Но потом они сняли все обвинения.

— Те, что предъявляли Билли. Но не те, что отцу.

— Нет. Папа хотел дать нам лучшую жизнь. И выбрал для этого не тот путь, и мне очень, очень жаль, моё золотце. Но он раскаялся и отсидел свой срок. Теперь всё закончилось.

— Да ты сама не веришь в это. Вчера ночью в наш дом вломилась люди. С пушками. И ты всё ещё думаешь, что хоть что-то закончилось?

— Мне не нравится твой тон. Я же тебе сказала, что твой дядя позаботится об этом.

— Конечно. И почему именно он заботится обо всём?

— Потому что мы одна семья, — выдавила она, крутя обручальное кольцо на пальце. —

Так у нас принято. Мы заботимся друг о друге.

— Прокурор предложил отцу смягчение приговора в обмен на показания. Он мог бы уже выйти из тюрьмы много лет назад. Почему он не отреагировал на него.

— Откуда ты взяла? — она покачала головой. — Не имеет значения. Мы пережили это. Ты и я, девочки Фицджеральд. И всё ведь было не так ужасно, правда?

— Билли надавил на него, не так ли? Они угрожали тебе? Мне?

— Билли никогда не стал бы нам угрожать. Как по-твоему мы продержались всё это время? Твой отец должен был сесть в тюрьму, этого нельзя было избежать. Существовали документы, возмещение налоговых выплат. У них были доказательства. Если бы Билли попал в тюрьму, то мы остались бы одни. Ресторана было бы недостаточно, чтобы прокормить нас обоих и дать тебе такую жизнь, какую мы для тебя хотели. Ведь больше никого не было, никакого другого члена семьи, который мог бы нас поддержать. Я должна была послать моего мужа и брата в тюрьму? Мы бы остались одни.

— Поэтому отец взял вину на себя.

А Билли переписал «Слайс» на мать, в качестве взятки за молчание.

Она резко повернулась, лицо красное, как у рака.

— Мы должны были думать о тебе! Я же уже пыталась объяснить тебе, дорогая. Иногда нужно отказаться от жизни, которую хочешь иметь, чтобы защитить людей, которых любишь.

— Я потеряла его на двенадцать лет. Двенадцать. Чтобы ты могла сохранить свой ресторан. А Билли сохранил всё.

Я схватила школьную сумку и засунула в неё собранные папки.

— Я ухожу.

— Подожди, золотце!

Я проигнорировала её, чуть не споткнулась на лестнице, потому что так спешила сбежать, впихнула ноги в обувь и выхватила куртку из стенного шкафа.

Колин как раз закончил со вторым окном, чистил свои инструменты и аккуратно складывал их в ящик.

— Ты куда-то идёшь? — он отложил в сторону тряпку, которую использовал. — Не думаю, что...

— Мне всё равно, — огрызнулась я и пошла к задней двери, потому что не хотела слышать остальную часть предложения. Он тоже был одним из тех, кого Билли отнял у меня.

Сбежать гораздо проще, когда тебе позволяют остаться одной дольше, чем хотя бы на пять минут. Я добралась не дальше прохода за домом, когда Колин уже догнал меня.

— Какие у тебя к чёрту проблемы?

Он положил мне руку на плечо, но я отбросила её.

— Ты знал об этом.

— Что я знал?

— Ты знал всё насчёт судебного дела моего отца. Ты знал уже всё это время. И не сказал ни слова.

Я засунула кулаки в карманы куртки и пошла дальше. Колин не отставал, и краем глаза я видела, как его потёртые, кожаные ботинки и облачённые в джинсы ноги в непрерывном такте шагают вперёд.

Воздух был жгуче холодным. Пахло пряно горящими листьями, и я сдержала порыв разбросать ногами ржаво-красные и золотистые кучи, наваленные по краям тротуара. Это была улица, где я провела всю мою жизнь.

Я собирала в этих домах конфеты на Хэллоуин. Я научилась ездить здесь на велосипеде, а моя мать бежала рядом, положив руку на сидушку, пока я не попросила её отпустить. Моя жизнь здесь это то, что отправило отца в тюрьму. Мои ноги автоматически несли меня к «Слайс», и я душевно подготавливалась к объяснению Колина, зная наперёд, что оно будет неудовлетворительным.

— Билли просил меня ничего тебе не рассказывать, — в конце концов сказал он.

— К чёрту то, чего хочет Билли!

Возможно у меня нет права на прошлое Колина, но есть полное на моё собственное.

— И что бы ты тогда сделала? Они не хотели впутывать тебя.

— Чтобы защититься?

— Да.

— Потому что я слишком глупая и слабая, чтобы позаботиться о себе самой?

— Эй! — он схватил меня за руку и заставил повернуться. — Я точно знаю, насколько ты умна. И я видел тебя в действии — в тебе нет ничего слабого. Но ты не можешь упрекать людей, которые любят тебя за то, что они пытаются позаботиться о твоей безопасности.

Мой желудок исполнил странный, кувыркающийся танец.

— Люди, которые меня любят?

Он засунул палец за отворот моей куртки.

— Да.

Я увернулась.

— Люди, которые меня любят, показывают это очень дерьмовым способом.

Не имеет значение, что он скажет, его прошлое стоит между нами, как огромной, призрачный монстр.

— Ты должна понять одно, — его голос звучал устало, — должно быть он не спал всю ночь, охраняя дом. — Все думают, что у тебя есть власть. Они рассказывают тебе то, что ты хочешь услышать, показывают то, что хочешь увидеть, чтобы заполучить её. Все чего-то от тебя хотят, но они не всегда будут требовать это открыто и честно.

— Даже ты?

— А как ты думаешь? — спросил он, когда мы остановились перед резными, дубовыми дверями «Моргана».

— Думаю пришло время поговорить с Билли.

Колин заградил меня дорогу.

— Помнишь, как всё прошло в прошлый раз?

— Это совсем другое.

— Это тоже самое. Ты думаешь, что сможешь перехитрить Билли. Этого не случиться. Он позволит тебе думать, что ты выиграла, но поверь, он играет на гораздо более крупном поле, чем ты. Кроме того, — добавил он, — у тебя посетитель.

Он отрывисто кивнул в сторону окна «Слайса». С нашего места на тротуаре я как раз могла видеть Люка, сидящего за столом в углу и строящего миниатюрную башню из пакетиков сахара. Когда он заметил, что я смотрю на него, он щелчком разрушил башню и в приветствии насмешливо поднял чашку.

— Ты зайдёшь? — спросила я.

— У меня пропал аппетит, — сказал Колин.

Люк встал, когда я зашла в «Слайс». Я помахала официанту. Мой рот вдруг пересох, и я не могла говорить. Казалось куртка мешала, и я попыталась расстегнуть её, когда шла к нему. Руки были неуклюжими, а потом на пуговицы легли длинные, элегантные пальцы Люка и расстегнули их с привычной лёгкостью. Во мне вспыхнула ревность — как именно он так хорошо этому научился, помогая девушкам выбраться из одежды?

— Холодно, — сказал он, подняв вверх брови. — Ты вся порозовела.

— Я шла пешком.

Он кивнул.

Я ожидала, что он поцелует меня, но он только прикоснулся большим пальцем к середине моей нижней губы и озабоченно нахмурился.

— Я привёл с собой компанию, — он указал на стол.

— Компанию?

Я наклонилась вперёд, заглядывая за его тело.

Дженни Ковальски улыбнулась далеко не дружелюбно.

— Скорее всего меню тебе не нужно, верно?

## Глава 31

Люк снял с моих плеч куртку и положил её в противоположный угол, потом подождал, пока я сяду, подошёл ближе и прижал свою ногу к моей. Он обнял меня за плечи и доброжелательно улыбнулся нам обоим. Он рассыпал пакетики сахара по всему столу, и я

начала аккуратно складывать их назад в чёрный пластиковый ящик, разделяя розовые, жёлтые и белые.

— Я проходил сегодня утром мимо твоего дома и увидел, как Дженни на главной лестнице разговаривает с твоей мамой.

Я смяла пакетики подсластителя.

— Ты пришла ко мне домой? — спросила я. — Мой дядя взбесится, если узнает об этом.

— Почему? Ты же утверждала, что он совершенно невиновен.

Я взяла воду Люка и выпила большой глоток.

— Люди твоего дяди возились там и вставляли новую дверь, — продолжила Дженни. — Твоя мать не сказала, что случилось.

Нет, она не скажет ни при каких обстоятельствах. Если у моей семьи и была способность, которую она усовершенствовала, так это не отвечать на потенциально опасные вопросы. Люк, однако, тоже был в этом не плох, поэтому вмешался:

— Я подумал, что любая твоя подруга — это и моя подруга тоже. Поэтому предложил ей выпить со мной чашку кофе, пока мы тебя ждём.

— Потрясающе. Мы уже представлялись официально? Дженни — это Люк. Люк — это Дженни. Ковальски.

— Дочь полицейского? — выражение его лица стало дружелюбным. — Мои соболезнования.

Дженни кивнула и быстро заморгала. Одна из официанток, работающая по выходным, в светлых, подстриженных под пикси волосах которой были алые пряди, поставила на наш стол два кусочка пирога и чашку кофе. Она подчёркнуто переводила взгляд с меня на Люка, а на губах расцвела слабая улыбка.

После того, как она ушла, я снова сосредоточилась на Дженни.

— С кем ты работаешь?

— Я не могу сказать.

— Тогда я не могу тебе помочь. Что, если ты работаешь с кем-то, кто такой же коррумпированный, как мой дядя?

Она склонилась над столом, опрокинув при этом солонку.

— Я работаю на хороших людей. Они хотят сделать этот город лучше, а это включает в себя отправить в тюрьму убийцу, каким является твой дядя.

— Ничего в этих папках даже не указывает на то, что Билли каким-то образом связан со смертью твоего отца.

Лук нахмурился.

— Ты думаешь, что дядя Мо убил твоего отца?

— Это логично, — настаивала она. — Другого объяснения нет.

— Логично, — согласилась он. — Неправильно, но логично.

Она бросила на него взгляд.

— Что ты знаешь об этом?

Последнее, что мне было нужно, так это чтобы Дженни решила, что Люк заслуживает свою собственную папку.

— Чего ты добиваешься? — спросила я. — Я не могу тебе помочь доказать что-то, чего не было.

— Мой отец... — она начала разрывать салфетку на кусочки. — Мой отец хотел поймать твоего дядю. Сначала в этом не было ничего личного. Билли Греди всего лишь

маленький винтик в чикагской машине. Если удалить достаточно винтиков, вся машина развалится на куски. Но мой отец в течение всей своей карьеры наблюдал, как действует твой дядя. Он видел достаточно людей, которые пострадали из-за него и сделал делом своей жизни засадить Билли Греди за решётку.

— А ты хочешь довести это дело до конца, — сказал Люк.

Это был не вопрос, и осанка её плеч стала чуть менее агрессивной, когда она кивнула.

— Чтобы оказать ему честь. Ты ведь можешь отнестись к этому с уважением, не так ли, Мышонок?

Я знала, что он говорит о смерти Верети и ударила его в бок.

— Это не одно и то же.

— Конечно одно.

Он потёр мне заднюю часть шеи, массируя твёрдые места, которые прочно там засели.

— Возможно теперь, наконец, ты сможешь немного прочувствовать и мою точку зрения.

— Не будь таким самодовольным, — сказала я, пытаюсь сдержать себя и не отдаться полностью его прикосновениям. Я не могла отрицать сходства. Он знал правду о смерти Верети, в то время как я злилась и скорбела, и рассказал мне всё только когда у него уже больше не осталось другого выбора. Теперь ответы были у меня, а Дженни той, кто заходил в тупик. И я, как и он, не была готова всё объяснить.

— Одно и то же, как что? — спросила Дженни, в то время, как её взгляд переходил то на меня, то на Люка.

— Не обращай на него внимание.

Я не собиралась блокировать Дженни полностью. Она заслуживала лучшего — Ковальски заслуживал лучшего, как я считала, и мне было тяжело о нём думать. Он всегда сидел как раз за этим столом, настойчивый и порядочный. Я задавалась вопросом, выбрала ли Дженни это место намеренно.

— Мой дядя не имел ничего общего с твоим отцом, и это простая трата времени, пытаться доказать обратное. Но другое... Уничтожить Билли... Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

Дженни уронила то, что ещё осталось от салфетки.

— Правда?

— При двух условиях. Во-первых, ты не будешь вмешивать в это дело Колина Доннелли. Его папка не будет придана гласности. Никто о ней не узнает.

— Он тоже член мафии. Я не могу этого гарантировать.

— Тогда нам больше не о чем говорить, — я толкнула Люка, который услужливо встал со скамейки. — Можешь заплатить в кассе.

— Подожди. Хорошо. Мы похороним папку Колина.

Она бросила взгляд через окно. Колин стоял, склонившись над чашкой кофе и поднимая вверх от ветра воротник. Он намеренно повернулся к «Слайс» спиной, без сомнения, чтобы не видеть меня вместе с Люком.

— Полагаю, это объясняет, что происходит между вами.

Люк, который стоял возле края стола, замер. Я не отводила от Дженни взгляда.

— Ты понятия не имеешь, что происходит. Но ты оставишь его в покое. Второе условие таково: ты будешь меня слушаться, если я скажу, не совать во что-то носа. Если я скажу, что это тупик, тогда ты не будешь продолжать этим заниматься. Это послужит твоей

собственной защите.

— Кажется слишком много правил. Что ты хочешь предпринять, чтобы помочь мне?

Я сделала глубокий вдох, и в голове возникла идея. Если я буду очень осторожной и мне сильно повезёт, то возможно смогу справиться одновременно с Юрием Экомовым и Билли.

— Я работаю над этим. Дам тебе знать.

Она играла с салфеткой, размышляя.

— Почему ты это делаешь?

— А это имеет значение?

— Вообще-то нет, — она встала, одела флисовую шапку и куртку и нахмурившись, посмотрела на Люка. — Тебя я, однако, всё ещё не понимаю.

— Меня никто не понимает, — весело сказал он и помахал, когда она ушла.

Я ударила Люка в бок.

— Подвинься.

Он подвинулся — правда в другую сторону, так что его тело прижалось к моему по всей длине, от коленей до плеч. От этого прикосновения меня охватила приятная дрожь, но я всё ещё чувствовала себя неловко, неуверенная, как вести себя после нашего поцелуя вчера вечером. Дженни, по крайней мере, была буфером между нами.

— Зачем ты привёл её сюда?

Он пожал плечами.

— Я не знал, что она дочь полицейского. Что написано в папке, о которой она говорила?

— Семейные дела.

— И грязное бельё Куджо?

Когда я не ответила, он медленно кивнул.

— Расскажи мне о внезапном ремонте.

— К нам вломились, — мой голос звучал хрипло, и я выпила глоток воды. — Тебя кто-нибудь видел возле моего дома?

— Эй, доверяй мне хоть немного, — сказал он. — Да и было бы совсем не плохо, если бы ты представила меня своей семье. Так стало бы легче проводить вместе время.

— Моя семья не слишком обрадуется, если я прямо сейчас приведу домой новых друзей.

Он повернул мою ладонь вверх и осторожно провёл по шраму.

— Ты в порядке?

— Они не причинили мне никакого вреда.

— Я спросил тебя не об этом, — сказал он и стал ждать.

Какой бы большой не была моя потребность соврать и притвориться храброй, пока я действительно не начну чувствовать себя храброй — она исчезла. Я слабо покачала головой и посмотрела ему в глаза.

— Я так и думал.

Он обезоруживающе нежно поцеловал меня в лоб, щёки и кончик носа. Я расслаблено прижалась к его груди, в то время, как он переплёл свои пальцы с моими. В первый раз после взлома почва под ногами казалась твёрдой.

— Ви рассказывала мне о твоей семье, — сказал он. — Она знала, что они осложняют тебе жизнь и боялась, что станет ещё хуже, когда её больше не будет рядом и тебе придётся справляться одной.

— Больше не будет рядом?



— Ви не вернулась бы назад, Мышонок. Если бы она поехала в Новый Орлеан, чтобы остановить Разрушительный поток и занять своё место... всё кончилось бы. Больше никакой обычной жизни.

Я снова села.

— Но она же вернулась. И Евангелина тоже.

— На какое-то время. Я же говорил тебе, что между двумя мирами почти нет точек соприкосновения, — он отмахнулся, как будто хотел прогнать эти слова. — Из-за этого у нас вчера вечером были неприятности. Да и днём тоже больше совсем не весело.

По крайней мере в это он был прав.

— Почему ты искал меня сегодня утром?

— Прежде всего потому, что хотел тебя увидеть.

— Мм-хм. Почему ещё?

Как раз в этот момент вернулась официантка и протянула мне беспроводной телефон.

— Специальный заказ, — сказала она. — Они спрашивают тебя.

— Алло?

— Мо, это я, Эди из Шеди Акрес.

У меня сердце ушло в пятки.

— Мне жаль, что приходится тебя беспокоить, — продолжила она. — Один из наших жильцов беспокоится о заказе, который он отправил. Мистер Экерт?

Единственное, что мистер Экерт — или мистер Экомов или как бы он там не хотел, чтобы я называла его — отправил, это вооружённых людей, которые посреди ночи вломилась в мой дом. Холодный гнев потёк по моим жилам.

— Не думаю, что могу ему помочь.

— Ты уверена? Кажется, он думает, что произошло недоразумение. Он очень сильно хочет поговорить с тобой лично.

— Никакого недоразумения. У нас ничего для него нет.

Не дождавшись ответа, я положила трубку.

— Проблемы? — спросил Люк.

— Уже решила.

— Хочешь, чтобы я проводил тебя домой?

— Нет.

Я засунула руку в мою сумку и нашла описание маршрута к дому инвалидов, который распечатала ранее.

— Но если есть желание, ты можешь пойти вместе со мной. Мне нужно зайти ещё кое-куда.

## Глава 32

Дом инвалидов Святой Марии Ангельской пах так же, как я и ожидала — сильным дезинфицирующим средством и чем-то устаревающим и распадающимся, болезненно сладким. Запах отказывающихся функционировать тел. Я потёрла нос, но запах остался. За прошедшие пару месяцев каждая смерть, которую мне пришлось созерцать, была насильственной, неожиданной и в любом смысле слова неестественной. Но здесь людей, шаг за шагом, убивали старость, болезни или пренебрежение. Я не была уверена в том, что хуже.

Тем не менее персонал пытался сделать всё как можно более комфортным. На заднем

плане играла тихая музыка, а стены были украшены успокаивающими импрессионистскими картинами. Медсёстры в халатах с весёленьким рисунком разговаривали со старыми пациентами, которых везли куда-то на инвалидном кресле.

Тут и там встречались люди, шаркающие по коридору, тяжело опирающиеся на роллатор или проезжающие мимо на моторизованной, жужжащей инвалидной коляске.

Люк разглядывал всё это.

— Скажи мне ещё раз, что мы здесь делаем.

— Здесь есть что-то. Кто-то. Это важно.

Настолько важно, что я попросила его скрыть нас, чтобы мы незаметно смогли выбраться из «Слайса», а потом проехав на нескольких чикагских автобусах и поездах, добраться до севера. Люк ворчал из-за долгой поездки, длившейся часами, но не предложил пройти через Межпространство.

— Для чего мне нужно было ехать с тобой? Разве ты не можешь просто спросить их?

— Существует защита личной информации. Они не дают просто так каждому информацию о пациентах. Я должна прокрасться тайком.

— О, это будет интересно.

Я захватила ему локтем в живот, и он ахнул.

Довольная, я нацепила на лицо фальшивую улыбку и прошла к стойке регистрации.

— Я здесь, чтобы навестить бабушку? — сказала я, повышая на каждом предложении тон, чтобы оно звучало как вопрос. — У неё назначена завтра встреча? У специалиста на северо-востоке города? И мы должны принести вроде как все её медицинские документы?

Женщина за стойкой едва оторвала взгляд от пасьянса на компьютере.

— За это отвечает Дженни.

— А её офис я найду...

— Поверни в левый коридор, потом первый на право, вторая дверь. Рядом с офисом директора, — сказала она и передвинула на экране одну стопку карт на другую.

— Но администрация закрыта на выходных. Приходи снова в понедельник.

Превосходно.

— Спасибо, — сказала я и вернулась к Люку. Она рассеянно кивнула и начала новую игру.

— Лгунья, — сказал Люк под впечатлением. — Почему-то мне нравится в тебе эта сторона. — Бесстыдная.

Я закатила глаза.

— Просто сделай меня невидимой.

Воздух замерцал и снова замер, когда он нас скрыл. Он крепко держал меня под руку, пока мы шли вдоль коридора.

— Этот дом инвалидов ужасен.

— У Дуг нет домов для инвалидов?

— Мы заботимся о наших людях, — сказал он, когда мимо проходила медсестра, толкающая в инвалидной коляске маленькую старушку с белесыми глазами. — В этом месте нет ничего домашнего.

— Не такой уж он и ужасный, — ответила я. — Я во время школьных экскурсий видела места и похуже.

Люк вздрогнул.

Мы остановились перед административным офисом и заглянули в маленькое окошко. Замок на двери был один из этих модных, электронных, для которых требуется ключ-карта.

— Ты можешь сделать здесь что-нибудь? — спросила я.

Он приподнял вверх бровь.

— Могу, однако это будет не очень элегантно.

В трёх метрах дверь, ведущая в офис директора, хотя и была закрыта, но написанная от руки деревянная табличка сообщала, что офис открыт.

— Если только это будет тихо.

Он пожал плечами, накрыл замок свободной рукой и безмолвно задвигал губами. Раздался щелчок, запахло горелым пластиком, и замок отвалился. Он протянул его мне, когда дверь распахнулась.

— Мы можем поговорить позже о том, каким способом ты хочешь выразить свою признательность, — сказал он и затолкал меня в дверь.

— Я пошлю тебе открытку с благодарностью.

После того, как я отпустила его руку, я засунула расплавленный считыватель магнитных карт в сумку и прошла к канцелярскому шкафу, занимающему одну сторону офиса.

Что хотела Джени — или скорее источник Джени — показать мне здесь? Кого из всех людей в прошлом Колина моли отправить в дом инвалидов.

— Гаскилл Раймонд, — пробормотала я и пролистала досье, пока не добралась до буквы Г.

— Кто такой Гаскилл? — спросил Люк со своего места возле двери.

— Очень плохой человек.

Я пробежала глазами аккуратно подписанные папки.

— Кажется ты знакома со многими людьми такого калибра.

— Я вообще его не знаю.

Ничего. Я проверила ещё раз, но его там не было. Что-то я упускаю.

— Чёрт.

— Речь идёт о Куджо, не так ли? Ты съёшь свой нос во все те дела, от которых он хочет уберечь тебя?

«Мои секреты», сказал Колин. «Мои!» А Билли так убедительно: «Для него важна не только его жизнь.»

— Доннелли, — тихо сказала я. — А не Гаскилл.

Странные мурашки пробежали по позвоночнику, и они ничего общего не имели с магией.

Когда я взялась за ручку шкафа, подписанного буквами «А-Д», Люк прошёл через комнату и положил свою руку на мою.

— Ты когда-нибудь слышала историю о ящике Пандоры?

— Конечно. Она не могла устоять и заглянула, чтобы посмотреть, что внутри, и выпустила в мир всё зло. Как чутко с твоей стороны, Люк.

— Я никогда не видел, чтобы Куджо в чём — то тебе отказывал, если только не пытался защитить. Может хочешь ещё минутку подумать, прежде чем открывать крышку этого ящика. Этот парень всегда заботится о тебе.

— Может пришло время мне позаботилась о нём, — сказала я, выдвигая ящик. — Динсмор... Дональдсон... Доннелли.

Я вытащила папку. На обложку папки были приклеены наклейки, одна для каждого года — одиннадцать лет. Я ещё раз посмотрела на имя.

— Привет, Тесс.

Люк провёл себе рукой по волосам.

— Нашла, что искала?

Я открыла паку.

— Младшая сестра Колина здесь пациент.

— Младшая сестра? Сколько ей лет?

— Семнадцать.

— Что семнадцатилетняя делает в доме престарелых? — он был потрясён.

— Она прячется.

Я дрожащими руками пролистала папку. Тесс Доннелли, семнадцать, одиннадцать лет в кататоническом ступоре. По словам домашнего психиатра, её состояние частично объясняется физически, как следствие тяжёлой головной травмы, которую она получила, будучи ребёнком, но частично так же психически, как оборонительный механизм против насилия, которое ей пришлось вынести, и ночи последнего нападения Раймонда Гаскилла.

Я обратилась к регистрационным документам. Будучи одиннадцатилетним ребёнком Колин не смог бы отправить её сюда, независимо от того, как отчаянно он хотел защитить её. Ему нужна была помощь. И вот, в строку под законным опекуном было внесено имя, которое я уже все это время ожидала там увидеть.

Вильям Греди.

Моя дядя спас двух оставшихся Доннелли и с тех пор постоянно заботился о Тесс.

Это не страх заставляет Колина оставаться лояльным. Это любовь.

Я не знала, что чувствовать. Правда никого не освободит. Я не могла помочь Тесс, зато Билли мог. Даже не возникло вопроса, кого выберет Колин. Да и какой бы человек потребовал от него делать выбор?

— Пора уходить, — сказала я, изо всех сил стараясь говорить бесстрастно.

— Уже? — он забрал у меня папку из рук и просмотрел её. — Она в палате 433. Не хочешь её навестить?

Я достаточно видела для одного дня.

### Глава 33

— Ты что-то планируешь, — сказал Колин, когда я накрывала вечером на стол. Мне весь день удавалось избегать его. Когда Люк и я вернулись из дома инвалидов, я быстро послала сообщение. С тех пор он был здесь внизу и ремонтировал последние поломки, которые оставил взлом, в то время как я пряталась в моей комнате наверху.

— Почему ты так думаешь?

Я отложила салфетки в сторону и поправляла их, чтобы не поворачивать голову в его сторону.

Он перечислил причины по пальцам:

— Во-первых сегодня после обеда ты незаметно выбралась из «Слайса» и ушла с Люком бог знает куда. Только это уже плохой знак. Во-вторых, ты вернулась домой и сделала вид, будто ссоры с твоей матерью никогда не было. У тебя есть какие-то задние мысли и поэтому ты пытаешься завоевать её благосклонность. В-третьих... — он замолчал, и я с любопытством подняла взгляд.

— Что?

— Я прямо вижу, как у тебя в голове крутятся колёсики. Это как-то связано с Дугами?

Я сновала вокруг стола, размещая столовые приборы, и попыталась объяснить, не давая заглянуть себе в карты.

— Я многое всколыхнула, не так ли? Русских, попытки Билли доказать свою лояльность по отношению к Марко Форелли? Даже случай с Ковальски, потому что все думают, что в его смерти виновен Билли и мафия.

— Ты просто должна оставаться под прикрытием ещё чуточку дольше, — сказал он. — Пустить всё на самотёк. Мы отвезём тебя в Нью-Йорк, и там ты сможешь от всего избавиться.

— Я никогда не смогу от этого избавиться. И ты это знаешь. Я хотела узнать правду, Колин. Теперь я должна решить, что с ней делать.

Я не упомянула, что правду, которую я обнаружила сегодня, была его.

Прежде чем он смог ответить, в кухню суетливо вернулась мама. Сегодня она выложились на полную, когда готовила ужин. Это было её обычным ответом на стресс: готовка, уборка, сделать всё настолько совершенно, как только возможно.

— Хорошо провела время с Леной? — спросила она, заглядывая в духовку.

— С Леной? — спросила я.

Колин подтолкнул меня.

— Ах да, абсолютно, да. Было здорово.

Осознание, что он придумал для меня оправдание, в то время, как ковырялась в его прошлом, оставило от стыда нехороший привкус во рту.

— Она наверняка теперь думает, что у неё есть очень интересная история, которую можно рассказать другим в школе.

Моя мать встряхнула салатный соус сильнее, чем необходимо.

— Лена никому ничего не расскажет. Она моя подруга.

Моя мать расслабилась. Её руки уже почти не дрожали, когда она вылила соус на салат и посыпала его гренками.

— Я рада. Тебе следует найти ещё одну или две подруги, как эту Дженни. У тебя ведь никого не было с тех пор, как...

Удивительно, по поводу скольких вопросов моя семья привыкла молчать. У нас просто не существовало непринуждённых тем разговоров.

— Что я хотела спросить у тебя... Ты смогла отремонтировать мой компьютер?

— Да, сегодня после обеда. Теперь он должен быть снова в порядке. Однако у меня не было диска с резервной копией, поэтому я не смогла восстановить файлы.

Она отмахнулась.

— Об этом я сама позабочусь в понедельник. Они в ресторане, — я знала, что они были там, заперты. Все её финансы, но также бухгалтерия моего дяди. — Ты была в последнее время так сильно занята.

Я подумала о старом жёстком диске, который приклеила изолентой к задней стороне моего комода, так чтобы мама не смогла найти, о визите в дом инвалидов, о моём сотрудничестве с Кваторами.

— Да. Но я кое о чём размышляла... — я быстро посмотрела в сторону Колина, который поднял руки вверх, показывая жестом, чтобы я не вмешивала его. — Я хочу навестить папу.

Салатные щипцы выскользнули из её рук и ударились о край чашки.

— Навестить папу?

— Я должна была поехать вместе с тобой. Теперь я чувствую из-за этого вину.

Её глаза стали влажными.

— Но если ты теперь что-нибудь пропустишь в школе? Что скажут твои учителя?

— Они поймут. Как ты уже говорила, это семейное дело. Я могу сделать домашнее задание завтра после церкви. Если поеду в Терре-Хот в понедельник утром, то смогу вернуться поздно вечером. Тогда пропущу в школе только один день.

Позади меня Колин барабанил пальцами. Мне не нужно было оборачиваться, я и так знала, что он насупился.

— Дорогая, меня только что не было в «Слайсе» два дня. Я не могу просто развернуться и вновь уехать. Не сейчас, когда поступает столько много специальных заказов для Дня благодарения. Может сможем поехать на выходные после Дня благодарения. Тогда у нас будет больше времени, и мы проведём его все втроём.

Я скрестила руки на груди.

— Ты же говорила, что хочешь, чтобы я провела время с папой. Теперь я пытаюсь, а ты меня не пускаешь.

Она нахмурилась, когда вытаскивала куриное жаркое с пармезаном из духовки.

— Я рада, что ты хочешь навесить отца, но ты не продумала всё тщательно. Как ты собираешься туда попасть?

Я замерла, как будто мне действительно нужно было сначала подумать.

— Полагаю... Колин мог бы отвезти меня туда. Если это не слишком хлопотно.

Он с такой силой поставил стакан, что вода выплескалась через край. Я улыбнулась так невинно, как могла и протянула ему полотенце. Он не ответил на мою улыбку.

— Колин? — моя мать вытерла руки о передник. — Ты просишь об очень большом одолжение. Но...

Я направила взгляд на скатерть и попыталась придать себе огорчённый вид.

— Это будет так много значить для отца Мо, — сказала она. — Она очень изменилась, с тех пор, как он видел её в последний раз.

Э, да, мне было тринадцать, когда я в последний раз ездила в Терре-Хот.

— Несомненно, — сказал мрачно Колин.

Я не осмеливалась взглянуть на него, не говоря уже о том, чтобы дышать. Когда он вздохнул, я тоже вздохнула.

— Да. Я могу отвезти её туда.

Моя мать сложила руки.

— Спасибо Колин, большое спасибо... Вот папа удивится, когда увидит тебя! — добавила она и обняла меня.

Я мельком увидела своё отражение в окне над раковиной, бледное и не улыбающееся. В последний раз я видела отца четыре года назад. Но ощущение было таким, будто прошли четыре жизни.

Если бы моя мать проявила за ужином ещё больше восторга, то начала бы напевать. Я изо всех сил старалась казаться такой же радостной и полной ожидания, как будто действительно решила навестить отца потому что скучала и желала восстановить семейную гармонию. Мысленно я размышляла, как лучше всего подойти к нему. Четыре года без визитов были, надо признать, долгим сроком.

Вероятно, моя мать ошибалась. Возможно он так сильно обиделся из-за того, что я не

приезжала, что не захочет помочь. А может будет сожалеть и сделает всё, что в его силах, чтобы поддержать меня. Но также может быть, что он всё ещё предан Билли и Марко Форелли — и это был тот вариант, из-за которого еда во рту казалась опилками.

Колин тем временем молча запихивал в себя еду и говорил только, когда моя мать обращалась к нему напрямую. Остальную часть времени он смотрел на меня, а в его голове накапливалось всё больше вопросов. Я размышляла, подождёт ли он до понедельника, чтобы задать их, но после того, как я убрала со стола, он прогнал мою мать.

— Ты готовила, — настойчиво сказал он. — Наименьшее, что можем сделать Мо и я — это помыть посуду.

Она похлопала его по щеке.

— Ты приносишь честь матери, — сказала она.

Если бы я не искала, то не увидела бы вспышку боли на его лице.

— Тогда, чтобы наверстать упущенное, пойду немного позанимаюсь бумажными делами. Скажите, когда захотите десерта.

Я заполняла посудомоечную машину, в то время как Колин, скрестив руки на груди, прислонился к кухонному столу. Уголки его губ были опущены вниз.

— Ну?

— Что ну?

Я оттирала присохший сыр, пытаюсь выглядеть невинно.

Он не повысил голоса.

— Не пытайся заставить меня поверить в то, что ты планируешь договориться с отцом.

Десятую часть секунды я рассматривала возможность соврать, но это было бы глупо. Никто не знает меня так хорошо, как Колин. Кроме того, он заслуживает лучшего.

— Билли не расскажет мне правды. Моя мать тем более. Я даже не уверена в том, знает ли она вообще правду. Мой отец единственный, кто может всё рассказать.

— Откуда ты взяла, что он тебе расскажет?

— Я его дочь.

— Да, и он лжесвидетельствовал ради тебя. Он пошёл в тюрьму, чтобы защитить тебя. Если ты ищешь голую, суровую правду он вряд ли тот, кого тебе стоит спрашивать.

Я полностью повернулась к нему, уперев руки в бока.

— В последние пару месяцев я стала свидетелем убийства, мафия угрожала мне, русский гангстер послал мне цветы, и в мой дом вломились люди с пушками. Какую бы защиту я не получила, когда отец попал в тюрьму, теперь она истощилась.

— Предположим, он скажет тебе правду — я не думаю, что скажет — но давай всё же предположим. Что ты тогда собираешь с ней делать?

— Всё так, как ты и сказал. Все чего-то от меня хотят: Билли, Форелли, Экомов.

И они готовы лгать, чтобы получить это. Но мой отец... У него больше нет причин лгать. Он единственный, кто может сказать мне правду, и как только скажет, я буду знать, что должна сделать.

— Стоп. Ты не можешь соперничать с Форелли. Уже достаточно ужасно, когда ты пытаешься сделать это с Билли, но, по крайней мере, он член семьи. Он может осложнить твою жизнь, но не причинит тебе вреда. Если ты бросишь вызов Марко Форелли, то ему не составит никакого труда навредить тебе. Или людям, которых ты любишь. Ты ведь видела, как легко он подобрался к твоей семье и друзьям. Думаешь, что здесь что-то изменилось?

— Нет. Но мне надоело, что другие люди указывают, как мне жить.

Всё ускользало от меня так быстро, словно вышедший из-под контроля товарный поезд — моя семья, русские, магический союз. И я была абсолютно уверена, что не смогу остановить надвигающуюся катастрофу, если не начну действовать в ближайшее время.

— Ты сказал, что хочешь, чтобы я избавилась от всего. Именно это я и пытаюсь сделать.

Он положил мне руку на плечо.

— Вообще-то у меня даже в мыслях не было, чтобы ты связывалась с мафией, и ты это знаешь.

— Десерта не хотите? — крикнула мама.

Я отодвинулась от Колина и принялась убирать на место оставшиеся кастрюли и сковородки.

— Я воздержусь, — сказал он, с сожалением улыбнувшись матери. — Я должен готовиться к понедельнику. Кстати, Билли назначил кое-кого охранять ночью дом, но вы его даже не заметите, пока нет никаких проблем.

— Спасибо, — тихо сказала моя мать.

Мы ждали на кухне, в то время как он включил сигнализацию, вышел и прошёл к грузовику, прежде коротко обменявшись словами с кем-то в неприметном Бьюике.

— Сядь, — сказала моя мать. — Съешь немного десерта.

Я с подозрением села за стол, пока она готовила чай и ставила на стол брауни. То, как она забыла о нашей ссоре и была готова отпустить меня в Терре-Хот... Нужно было сразу догадаться, что это будет не так просто.

— На прошлой неделе ты была ещё маленькой девочкой. Помнишь, как ты всегда обдирала колена? Я думала, ты будешь вечность ходить с дырявыми колготками, — она обводила пальцем рисунок на столе. — А теперь ты почти взрослая. Едешь навестить отца, справились с трудной ситуацией в школе.

Я знаю, что гордость — это грех, но просто не могу по-другому, я очень тобой горжусь.

Я старалась не дёргаться. Сейчас она начнёт говорить от том, как будет здорово, когда отец вернётся домой, а мне придётся подыграть.

Она прокашлялась.

— Знаешь, твой дядя беспокоится.

— О чём?

— Что ты, возможно, немного... влюблена... в Колина.

Мои щёки стали горячими, и я отодвинула баруни в сторону.

— Пожалуйста не говори, что ты и дядя Билли обсуждали мою личную жизнь.

— Не твою личную жизнь, — примирительно ответила она. — Только Колина.

Я закрыла лицо руками.

— Мам. Прекрати.

— Он красивый молодой человек. И он провёл с нами уже так много времени, что ты могла бы неправильно понять его внимание. Я знаю, что он кажется увлекательным, а у тебя было ещё не так много парней. Но у него совсем другая жизнь, сильно отличающаяся от твоей.

— Мам...

Я была так смущена, что мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Я благодарна Колину. Он последние несколько месяцев заботился о твоей безопасности и был тем, с кем ты могла поговорить. Я просто не хочу, чтобы ты напрасно надеялась. Кроме того, ты должна сосредоточить своё внимание на школе. Позже у тебя ещё



будет достаточно времени для парней.

— Позже, — сказала я и подумала о Люки и о том, что произошло на балу.

Она похлопала меня по руке.

— Я сказала Билли, что ты умная, поэтому с тобой такого не случится, но ты же знаешь его, он чувствует себя нашим защитником. Так что иди и пакуй уже вещи для понедельника. Я уберу.

## Глава 34

Чтобы попрощаться, моя мать осталась в понедельник утром дома дольше, чем обычно. Как правило, чтобы открыть «Слайс», она уходила уже в половину пятого, но видимо мой первый визит в тюрьму без неё был тем особенным случаем, который заслуживал более позднего ухода.

— Я не хотела, чтобы ты проголодалась в дороге, — сказала она, протягивая мне тапервер-контейнер полный сконов. — Может мне приготовить ещё термос с кофе?

— Ты пекла? Серьёзно?

Её улыбка исчезла. Быстрыми, нервными движениями она поправила мне волосы и стряхнула не существующую пыль с куртки. Грузовик Колина подъехал и остановился перед новым панорамным окном.

— Он здесь.

— Я вижу.

Колин шагал вдоль дороги, засунув руки в карманы куртки на овчиной подкладке. Он выглядел угрюмо — ещё угрюмее, чем обычно — но ему это шло.

— Угости его сконами, — сказала моя мать. — И будь милой. С его стороны очень любезно, что он делает тебе это одолжение.

— Я всегда милая, — подчеркнула я.

— Не будь такой дерзкой, — сказала она и прямо-таки вытолкнула меня за дверь. — Передай отцу привет от меня! Скажи, что мы приедем к нему на выходные после Дня благодарения! Я люблю тебя!

— Я тебя тоже, — сказала я и поспешила вдоль тротуара, чтобы перехватить Колина на полпути.

— Она испекла сконы, — объяснила я, когда он забирал контейнер. — Она полна энтузиазма.

— Здорово. А вот Билли нет.

— Ты рассказал ему?

Мне следовало этого ожидать, но я занервничала, когда он сказал мне.

— И как он отреагировал?

— Он не верит, что ты изменила своё мнение касательно своего отца, и это, чёрт возьми, ясно всем. Я сказал, что ты думаешь, будто нападение в пятницу было как-то связано с ним, и что теперь хочешь задать ему жару.

— А он?

— Это он посчитал более правдоподобным. И он не имеет ничего против того, чтобы ты уехала из города, даже если это всего на один день.

— Почему?

— Полагаю, потому что ему не особо понравилось, что люди Экомова взломали твою дверь. Это будет иметь последствия, а он не хочет, чтобы ты находилась здесь, когда это

произойдёт.

Я не стала спрашивать, что он имеет в виду под «последствиями».

Было странно ехать на юг, оставляя город позади. Ряды тесно примыкающих друг к другу коттеджей уступили место фабрикам, складам и железнодорожным сортировочным станциям, а потом город отступил, оставляя за собой загородные виллы с большими садами и батутами, первоклассными торговыми центрами и гипермаркетами.

— Скон? — в конце концов спросила я.

Он взял один. Крошки посыпались на переднюю часть его рубашки.

— Ты не сказала, почему приходил Люк.

— Полагаю, чтобы навестить меня.

Он пришёл по какой-то причине, в этом я была уверена. Но после того, как услышал о взломе, он, видимо, начал сомневаться, стоит ли упоминать союз или что-то ещё, связанное с Дугами. Как будто не хотел взваливать на меня ещё больше проблем.

— И вы оба...

Я сжала лежащие на коленях руки в кулаки и наблюдала, как пригороды уступают место промышленным районам и кукурузным полям.

— Конечно, — прошептал он. — Они выяснили, как можно починить магию?

— У нас есть несколько идей, — сказала я, предпочитая не углубляться в детали.

— Опасные идеи?

Я прикусила губу.

— Я пойду с тобой.

— Им это не понравится, — тихо сказала я.

— Я делал это раньше. Смогу и теперь.

— На этот раз всё по-другому. Это Кварторы, а они не любят Плоских.

— Ты тоже Плоская.

— Они и меня не любят. Вот только я нужна им.

Поэтому они ненавидели меня ещё больше. Я спрашивала себя, почему до сих пор не видела, что дело не только в том, что я Плоская или что убила Эванджелину и вызвала все эти осложнения. Проблема так же заключалась в том, что власть спасти их, была привязана к человеку, на которых они всегда смотрели как на примитивную форму жизни. Это как в игре в покер, в которой все тузы, в пустую, достались кому-то, кто не знает правил игры.

Время сидеть сложа руки и наблюдать за действиями других закончилось. Пришло время вмешаться в игру.

— Что Билли хочет от меня? — спросила я, пытаясь таким образом отвлечь внимание Колина от Люка и Кварторов.

— Чтобы ты не стояла у него на пути, — автоматически сказал Колин. — Кроме того, он хочет, чтобы ты помогла ему сохранить своё место у Форелли. Он думает, что ты могла бы передавать русским ложную информацию.

Я отказалась обманывать полицию. Видимо Билли полагал, что я буду менее разборчивой, если дело касается злых парней.

— И что ты ему сказал?

— Что ты слишком непредсказуемая. И плохая лгунья. Они раскусят тебя в одну секунду.

По какой-то причине я немного обиделась.

— Я смогла обмануть мать.

— Твоя мать поверила тебе, потому что хотела верить из-за своих чувств. Юрий Экомов никогда не купится на твою ложь. Это слишком опасно. Я хочу, чтобы ты вообще не ввязывалась в эти дела.

Я подумала о спрятанной в доме инвалидов Тесс и о моей матери, которая так тяжело работала, чтобы всё выглядело нормально. Эти кошки-мышки нравились мне раньше, но больше нет.

— Слушай, я знаю, что это твоя работа, но ты не можешь защитить меня от всего. Это невозможно.

— Но я могу попытаться, — ответил он. — И я делаю это не потому, что это моя работа. Я не знала, что ответить. Мы ехали дальше, мимо скошенных кукурузных полей и акров, полных желтеющей сои.

Страна была такой пустой и необъятной, что у меня закружилась голова, как будто я потеряла равновесие.

Головокружение стало сильнее, и я упёрлась руками в приборную панель. Мне ещё никогда в жизни не становилось плохо в машине, но теперь это было вполне возможно. Как раз, когда я хотела что-то сказать, вспыхнула контрольная лампа диагностики двигателя.

— Чёрт, — Колин смотрел на дорогу. — Двенадцать километров до следующей заправочной станции. Думаю, мы сможем до неё доехать.

— Ты знаешь, что случилось?

Я небрежно прислонилась к окну, ощущая успокаивающее прохладное стекло на щеке.

— Нет. Я совсем недавно поменял масло, а вчера вечером, когда пришёл домой, ещё раз всё проверил.

Он склонил голову на бок и прислушался к двигателю. Я, не считая жужжания колёс по асфальту, ничего не слышала.

— Звучит хорошо, — сказал он спустя мгновение. — Мы проверим его на заправочной станции.

Я кивнула, прикусила губу и попыталась представить мою жизнь далеко от Чикаго. Это был трюк, которому я научилась — так было легче выносить Джилл Макаллистер и её язвительные замечания, когда я представляла себе жизнь в Нью-Йорке. Но прямо сейчас видение отказывалась принимать форму.

— Ты уже знал кто я такая, прежде чем умерла Верити?

— Конечно. Я часто бывал в «Морген». Иногда заглядывал и в «Слайс».

— Почему тогда я никогда тебя не видела?

— Я хорош в том, чтобы меня не замечали.

Конечно у него хорошо это получалось. Он провёл своё детство, ускользая от внимания Раймонда Гаскилла. Это была не застенчивость, а стратегия выживания, которую он пытался внушить и мне.

— Если я уеду, — спросила я. — Если я уеду в Нью-Йорк... ты поедешь со мной?

— Там тебе, скорее всего, не понадобится телохранитель. А если понадобится, то Билли найдёт тебе нового.

— Почему?

— Я не покину Чикаго, Мо. Никогда.

Я знала, почему. Из-за Тесс. Мне уже был известен его ответ, ещё прежде, чем я задала вопрос. Чего я действительно хотела, так это, чтобы он доверился мне, добровольно рассказал правду, вместо того, чтобы выискивать её в отчётах полиции и вырезках газет. От

разочарования моя голова заболела ещё сильнее.

— А что, если я останусь?

Вопрос вырвался, прежде чем я смогла осознать, что делаю. Он ясно дал понять, что у нас нет будущего. И не имело значения, займу ли я надлежащее место у Дуг или уеду одна, я не собиралась оставаться в Чикаго. Но что-то — может быть потребность ухватиться за что-то прочное во всей этой неразберихе — заставило меня спросить.

Независимо по какой причине я сказала эти слова, теперь, когда произнесла, я больше не могла вернуть их назад. Колин потянулся ко мне и взял за руку, а потом выругался и резко дёрнул руль вправо. Мы чуть не пропустили наш выезд, и грузовик затрясся по придорожной полосе, когда мы съехали с шоссе.

Это был один из тех маленький, провинциальных городков с бензозаправочной станцией и Макдональдсом, но без светофоров. Дальше по улице я увидела группу высоких хранилищ, перед которыми стояла куча сельскохозяйственной техники. Мы заехали на бензозаправочную станцию и просто сидели и смотрели друг на друга. Руки Колина так крепко вцепились в руль, что костяшки пальцев побелели. Минуту спустя я сказала:

— Забудь, что я спросила.

Он с трудом улыбнулся.

— Наверяд ли.

Я покраснела и потянулась к ручке двери.

— Пойду куплю себе что-нибудь выпить. Тебе тоже принести?

— Воду, спасибо.

Он вылез из машины, открыл капот и огляделся на пустой бензозаправочной станции. Колокольчик над дверью маленького магазинчика весело зазвенел.

— Ублюдок, — пробормотал Колин, и я заглянула за поднятый вверх капот грузовика.

Люк шёл прогулочным шагом через стоянку, элегантный и ухоженный, в чёрной, кожаной куртке.

— Проблемы с машиной? — спросил он, в глазах светилось лукавство. — Может я смогу помочь.

## Глава 35

— Кварторы требуют тебя к себе, — сказал Люк, а Колин угрюмо уставился на него. — Возражения и не приглашенные гости не принимаются.

Колин захлопнул капот, чуть не задев пальцы Люка.

— Либо я принимаю участие в этом путешествии, либо мы снова садимся и едем дальше, прямо в Терре-Хот.

Люк покачал головой.

— Послушай-ка, я уважаю то, что ты пытаешься сделать. И если уж так хочешь поиграть в сторожевого пса, в любое другое время я бы высоко это оценил. Но, к сожалению, это решать не мне.

Колин проигнорировал его.

— Садись в машину, Мо.

— Как хорошо у тебя это получается? — спросил Люк. — Я имею ввиду, командовать Мо. Успехи уже есть?

— Мы должны ехать дальше, иначе пропустим часы визита, — сказал Колин.

Люк насмешливо рассмеялся.

— Этот грузовик не сдвинется с места, пока я не разрешу. А я точно не разрешу.

— Достаточно! — Я упёрла руки в грудь каждого из парней и раздвинула их. — Люк, приведи мотор в порядок. Пожалуйста.

— Мышонок...

— Почини его. Немедленно. Колин для тебя неприкосновенен. Понятно? Не играй с грузовиком или с ним... Оставь его в покое.

— В последнее время ты слишком часто требуешь это, — сказал он.

Колин косо взглянул на меня, но я кинула на Люка сердитый взгляд, которым бы даже гордилась моя мать, и он согнул палец. Грузовик загудев, пробудился к жизни.

— Довольна?

— Ничуть, — сказала я. — Ты можешь, пожалуйста, просто стоять и попытаться никого не злить?

— Это не совсем моя сильная сторона, — возразил он, расслабленно прислонившись к бензоколонке.

Я повернулась к Колину.

— Он мог бы ещё поработать над своим изложением речи, но он прав. Если Кварторы требуют меня к себе, то я должна идти.

— Что с твоим отцом?

— Дай мне минутку подумать.

Я пошла вокруг грузовика, чтобы не замёрзнуть, размышляя, какие варианты у меня есть. Пока я ходила туда-сюда за мной наблюдал Люк, при этом на его губах играла лёгкая улыбка. Колин в свою очередь наблюдал за Люком и совсем не улыбался.

— Я позвоню маме. Мы скажем, что неподалёку от Индианаполис у машины пробило колесо и мы не успеем доехать до тюрьмы вовремя. Время визитов уже закончиться. Мы переночуем где-нибудь и завтра утром навестим отца.

— Могу я послушать, когда ты будешь говорить, что мы проведём ночь вместе? — спросил Колин.

Люк прекратил улыбаться.

— Мы возьмем два номера, — сказала я. — По крайней мере, это сделаешь ты. Я разберусь с Кварторами, и, когда всё закончиться, Люк вернёт меня в отель.

— Это самый глупый план, который ты когда-либо придумывала, — сказал Колин.

— У тебя есть получше? — раздражённо спросила я.

— Да, есть. Ты скажешь Люку, чтобы он отвалил, и мы посетим твоего отца, как и планировали.

— Ты меня не слушаешь. На этот раз у меня нет выбора.

— Почему?

Я сглотнула и произнесла то, о чём знала, что это разозлит его больше всего.

— Потому что они меня убьют. Это часть соглашения, на которое я пошла. Если я не почию магию, они меня убьют.

Он стал таким тихим, что я задалась вопросом, не остановилось ли его сердце.

Я сцепила пальцы, а слова упали как камни в пустоту молчания.

— Они мирятся со мной, потому что вынуждены. Тебя они не потерпят.

Он бросился к Люку и оттолкнул его на несколько шагов назад.

— И ты не помешал ей сделать это? Что с тобой не так?

Люк толкнул его в ответ, но что меня действительно напугало, так это красные искры,

парящие вокруг его рук.

— Помешать ей? Ты что, думаешь она попросила бы разрешения? — презрительно спросил он. — Может ты и не заметил, но сейчас это не в её стиле.

— Стой! — я схватила Колина за рукав куртки и попыталась оттащить.

— Ну же, Колин. Это было не его решение, а моё. Только моё.

Он повернулся и уставился на меня. Затем провёл рукой по волосам так, что те разлохматились и торчали во все стороны, а потом пошёл к грузовику.

— Дай нам минутку, — сказала я Люку.

— Кварторы не слишком обрадуются, если им придётся ждать, — предупредил он.

— Какая жалость.

Я последовала за Колином.

— Я должна это сделать, понимаешь? Пожалуйста, не усложняй всё ещё больше.

— Ты должна вернуться, — сказал он еле слышным голосом.

— Вернусь.

Он обхватил мои руки своими.

— Ты ведь спрашивала, что случится, если ты останешься, помнишь?

Я кивнула, не решаясь заговорить.

— Вернись, тогда я тебе скажу. — Он продолжал крепко держать меня за руки и повернулся к Люку. — Позаботься о ней. Если с ней что-то случится, то мне всё равно, сколько у тебя магии. Я собственноручно тебя убью.

Выражение лица Люка было таким же мрачным, как и небо над нами.

— Если с ней что-то случится, тебе не придётся ничего делать.

Руки Люка заслонили меня, когда мы заходили в Межпространство, но магия пронеслась по венам, выжгла изнутри, проложив через меня путь наружу своими острыми когтями. Я ощутила медный привкус во рту и влажность на лице.

— Становиться всё хуже, — пробормотала я и закрыла глаза, когда мы вышли на другой стороне.

Голос Люка был настоящим и хриплым.

— Позволь мне исправить это.

— Нет. Ты обещал, — сказала я, затем почувствовала, как падаю и слова больше не действовали...

Когда я проснулась, что-то прохладное, мокрое касалось моего лица. Оно пахло немного смолисто, как розмарин.

Женский голос сказал:

— Она просыпается.

Я открыла глаза, закрыла, а потом вновь распахнула их. Пришлось приложить огромное усилие, но, когда я наконец смогла сосредоточиться, вид Люка абсолютно того стоил: его рот окружали от беспокойства морщинки, глаза были стеклянными от страха, испуганное внимание, словно лазерный луч, было направлено на меня. Моя рука провела по мягкой траве, а небо над нами было таким голубым и красивым, как в конце июня во время игр на стадионе «Комиски парк». Я мельком увидела огромное, зелёное поле и прямой ряд деревьев, тянущихся справа и слева от меня, но потом мир расплылся.

Люк сидел на корточках рядом и как будто боялся прикоснуться. Его пальцы не дотрагиваясь, парили надо мной.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Я не ожидал, что это будет так ужасно.

Я собралась с силами, чтобы сесть, а он обнял меня за плечи.

— Ты меня вылечил? — спросила я, высматривая на его лице какие-нибудь признаки неискренности.

Он покачал головой. Не чувствовалось никакого тления магии и чрезмерной теплоты, обычно покалывающей мою кожу, после заклинания.

— Спасибо, — искренне сказала я.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Маргарет.

— Бывало и получше.

— Люк, принеси ей что-нибудь попить.

— У нас не так много времени, — сказал он.

— Но достаточно, — ответила она и похлопала меня по руке. — Иди уже. И можешь передать своему отцу, что никакое хождение туда-сюда не заставит нас прийти быстрее.

Когда он ушёл, я спросила:

— Вы меня вылечили?

Если кто-то и мог найти подобную лазейку, то Люк.

— Нет. Я предлагала, но Люк был глубоко убеждён в том, что ты не дала бы на это своё согласие.

— Он был прав, — сказала я, приятно удивившись, что он сдержал слово.

— Он беспокоится о тебе, — пробормотала Маргарет, нежно обтирая моё лицо платком.

Я только хотела извиниться, но она продолжила:

— Это правда, очень мило. Он редко позволяет себе подобную роскошь.

Беспокоиться о ком-то — это роскошь? Я задалась вопросом, что бы Маргарет подумала о моей матери, которая наверняка, выиграла бы медаль за «беспокойство», если бы оно было одной из олимпийских дисциплин. Но вместо этого я лишь сказала:

— Да, но ведь заключённый союз важен.

— Речь идёт о чём-то гораздо большем, чем о союзе, Мо.

Прежде, чем я успела спросить что-то ещё, вернулся Люк с напитком в руках, который по вкусу был похож на газированный лимонад. Когда я опустошила стакан, он объяснил:

— Я действительно не хочу давить на тебя, Мо, но нам пора. Ты сможешь идти?

— Люк, — укоризненно произнесла Маргарет, — ты забыл её плащ.

— Я должна одеть плащ?

Как я с опозданием заметила, на Люке был одет гранатового цвета плащ из сырого шёлка, который скреплялся на шее витиеватой застёжкой.

— Это у нас такой обычай, чтобы показать нашу принадлежность к определённому Дому.

Плащ Маргарет был такой же как у Люка: тяжёлая ткань опускалась до самого пола.

— У меня нет Дома.

— Ты принадлежишь ко всем, — сказала она. — Так как ты Сосуд, ты принадлежишь к Домам Воздуха, Земли и Воды, а поскольку ты связана с Люком, то у тебя есть доступ и к нашему. Это уникальная ситуация, и твой плащ отражает её.

— Белый. Цвет магии, — сказал Люк. — А белый свет состоит из комбинации всех других цветов, не так ли? Получается милый символ.

Его слова были мне неприятны.

— Я никакой не символ.

— Конечно, нет, — сказала Маргарет. — Но мы не хотим создать впечатление, будто ты предпочитаешь один Дом другим.

Люк нахмурился, верный признак того, что он не сдастся.

— Если тебе что-то не нравится, то мы сможем обсудить это после церемонии. Но здесь и сейчас считается то, что видят люди, точно так же, как то, что на самом деле соответствует истине. И я не забыл о плаще, — обратился он к Маргарет. — Просто думал о другом.

Он протянул руку назад. Я почувствовала рывок магии, когда он открыл маленькое окошко в Межпространство. Я видела, как точно также делают дети в его Доме. Мгновение спустя он вытащил из него свёрток из ткани и изо всех сил встряхнул.

Плащ был цвета свежих сливок и блестел. По краям платиновыми нитками был вышит рисунок из сцепленных друг с другом кругов, который смутно напоминал мне скованные вместе с Кварторами кольца, символизирующие наш союз.

Скорее всего это была не случайность.

— Он красивый.

— Да, красивый, — произнёс он, глядя прямо на меня. Энергичным движением он накинул мне плащ на плечи. Подол доставал до пола. Я чувствовала себя старомодной, как актриса в костюмированном фильме, и я слишком хорошо понимала, что значит этот плащ, чтобы чувствовать себя в нём комфортно.

Тяжёлая ткань соскользнула с плеч, и я попыталась неуклюже вернуть её на место и не помнить.

— Вот, это решит проблему, — сказал Люк, осторожно вернул одеяние на место и накрыл обе стороны золотой застёжки ладонью.

Свет запульсировал и обе половинки слились вместе, четыре переплетённые друг с другом круга, покоящиеся на моей ключице.

— Магия? — спросила я, не в силах сдержать раздражения. — Вы сшили для меня особенную накидку, и мне нужна магия, чтобы носить её? Я даже не могу самостоятельно одеться?

— Это ни о чём не говорит. Просто традиция и всё. Ведь не каждый день встретишь, чтобы кто-то, подобный тебе, носил такую накидку.

Подобный мне. Я никогда не просила о том, чтобы стать частью мира Люка, но и не могла сбежать от него. Связь с Люком, соглашение с Кварторами, обещание по отношению к Костанции, а теперь ещё магия, угрожающая мне изнутри... Чем больше я сопротивлялась, тем больше запутывалась, как дикое животное в петле.

Маргарет взяла меня под руку.

— Ты больше, чем они осознают, и ты не была бы здесь, если бы это было не твоё место. Веди себя соответственно, тогда всё будет хорошо.

— Ты всё ещё не объяснил мне, что мы собираемся делать, — напомнила я Люку.

Он отвёл взгляд.

— Сегодня заканчивается траур по Эванжелине. Кварторы хотят, чтобы ты приняла участие в церемонии и всем показала, как ты опечалена.

Я недоверчиво уставилась на него.

— Ты притащил меня сюда, чтобы я лицемерила?

Я предположила, что Кварторы пригласили меня, чтобы отремонтировать магию, а не для того, чтобы я занималась показухой для Дуг.

— Я же не могу встать там и горевать по Эванджелине.



— Сделай вид, — подчеркнул Люк, ведя нас вдоль прокрытой травой тропинки. Рядом с нами вспыхивало алое пламя и отмечало наш путь. Оно было идентично с тем, какое окружало Доминика и Маргарет рядом с хижинкой. Я повернула голову, чтобы увидеть, как оно потухает, но в этот раз оно продолжало гореть: мерцающий, светящийся знак, распространяющийся позади нас. Перед нами лежала большая мраморная сцена, на противоположном конце которой собрались Кварторы; они возбуждённо друг с другом беседовали. Доминик поднял голову и позвал нас жестом.

Мышцы в руке Люка напряглись.

— Смысл и цель этой задачи доказать, что ты на нашей стороне.

Но ведь это уже гарантировал магический союз.

— Что это вообще за место?

Ответила Маргарет:

— Аллея. Она одно из наших трёх святых мест. Другие — это конечно Связывающий храм и Зал для собраний, в котором встречаются Кварторы. Аллею используют для церемоний, когда требуется собрание всех Домов. Каждая сторона граничит с другой элементарной Линией, но в пространстве между ними нет совершенно никаких Линий, и оно образует нейтральную территорию.

— «Дофин» был нейтральной территорией. Мне это ничем не помогло.

— Сейчас всё по-другому, — сказал Люк. — Мы связаны друг с другом. Никто не имеет право использовать здесь магию против тебя.

Это меня не успокоило. Привязана я к Люку или нет, Дуги смотрели на меня как на постороннюю. Любезности, такие как нейтральность или отказ от попыток расщепления — то есть проникновения в разум другой Дуги — не относились ко мне. А публично оплакивать женщину, которую я убила, казалось мне верным средством бросить вызов судьбе, если что-то подобное действительно существует.

Люк провёл нас, обходя один из углов прямоугольника, возвышающегося над землёй до колен. Он выглядел как гроб и от него исходила сила. Я вздрогнула и отошла подальше. С другой стороны находились мраморные ступеньки.

Доминик спустился по ним и коротко поприветствовал нас, чтобы потом отвести на сцену Маргарет. Люк остался стоять, взяв мои руки в свои.

— Это неправильно, — сказала я, разглядывая Кварторов в их плащах цвета драгоценных камней. Мой собственный плащ казалось давил на меня, а застёжка натирала кожу.

— Ты бы ушла, я прав? Если бы у тебя не были связаны руки, — он покачал головой. — Нам суждено быть вместе.

— Почему? Потому что так предвещает какое-то там пророчество?

Он прижал пальцы к запястью — не там, где каждый раз, когда я о ней думала, покалывала наша связь, а к мягкой коже с внутренней стороны руки, где мой пульс внезапно подскочил.

— Вот это не пророчество.

— Я знаю, — я быстро поцеловала его в губы. — Вот это тоже нет. Но мне приходится со многим справляться, Люк. И это иногда сбивает с толку.

— Мы хорошо подходим друг другу. Куджо, возможно, и защищает тебя, но только потому, что хочет спрятать. Ты больше этого, можешь стать больше, если только позволишь этому случиться, — он поднёс моё запястье к губам. — Возможно я или мои методы тебе не

всегда нравятся... но я, по крайней мере, не пытаюсь тебя ограничивать.

Вокруг сцены, в форме полукруга, были расположены четыре дорожки, обсаженные деревьями.

Другие три были идентичны с той, вдоль которой мы только что прошли, вплоть до вызывающего беспокойство, похожего на гроб ящика и мраморных ступенек.

Вдоль нашей дорожки всё ещё горело пламя, но теперь оно наполнило каменный прямоугольник, словно одеяло изо огня. На другой дорожке просочилась вода, образуя огромный пруд. На следующей дно прямоугольника казалось разделяется и вспенивается, превращаясь в плодородную мать-землю, и запах свежескопанной грядки донёсся до моего носа. На последней дорожке не было никаких видимых изменений, но травинки вокруг прямоугольника заколыхались и согнулись, а листья на деревьях зашелестели на ветру. Глухо и болезненно прозвонил колокол. Звуковые волны проникли в землю, и через подошвы ног пробрались глубоко в моё тело.

— Это Зовущая. Все Дуги слышат её, где бы сейчас не находились. Теперь они знают, что должны оставить все свои дела и прийти сюда.

— И это вы делаете каждый раз, когда кто-то умирает?

— Нет. Эванжелина была матриархом, поэтому нужно соблюдать больше обычаев, чем обычно.

Колокол прозвонил ещё раз.

— Представление начинается! Оставайся рядом, — сказала он.

— А куда я могу уйти?

Постепенно дорожки наполнились людьми, тихо разговаривающими друг с другом. Было слышно, как по земле волочатся их плащи, а воздух наполнился шёпотом и магией. От всего этого мой желудок сжался. Дуги, пользующиеся водными Линиями — люди Эванжелины — собирались прямо перед нами. Я спряталась за спиной Люка. Нейтральная территория, напомнила я себе.

Да, конечно.

Люк утверждал, что только Кварторы и некоторые другие знают правду о смерти Эванжелины, и я верила ему — в той или иной степени.

Но я знала, какую реакцию можно спровоцировать, даже только находясь рядом с тем, кто неожиданно умер. Если эти люди имели что-то общее с Констанцией или Дженни Ковальски, тогда это было ужасной идеей, заставляя меня принимать участие в церемонии. Я как раз хотела сказать об этом Люку, когда Доминик похлопал меня по плечу.

— Готова?

Люк ответил за меня, а его рука через прорезы в наших плащах нашла мою.

— Давайте покончим с этим.

Между ними вспыхнуло неприятное напряжение, но Доминик, казалось, отмёл его в сторону и заговорил с любезным тоном в голосе, который совсем не подходил к похоронам.

— Кварторы займут обычные места, — сказал он и кивнул к передней части сцены. — Вы встанете с боку, однако важно, чтобы Мауру было хорошо видно. Я хочу, чтобы все видели, что она одна из нас. Это поможет передать сообщение. Маргарет... — он бросил взгляд на свою жену, и на его лице промелькнуло беспокойство. — Ты останешься со мной.

— Я должна стоять с нашим Домом, — возразила она. — Это соответствует протоколу.

— Я определяю протокол, — сказал он.

— Они всегда так беспокоятся. Мои мужчины, — вздохнула она, обращаясь ко мне. —

Они защищают то, что принадлежит им.

Интересно, что Люк покраснел, когда я посмотрела на него, потому что цвет его щёк стал темнее.

— А что с Серафимами? — внезапно спросила я. — Ниобе сказала, что они планируют сделать какой-то решительный шаг.

— Мы ведь уже обсуждали это. После их поражения Серафимы исчезли, — раздражённо сказала Орла.

— Мы этого точно не знаем, — ответил Доминик. — Но в любом случае здесь они сделать ничего не смогут. Это нейтральная территория.

Но Маргарет сказала, что Доминик пытается защитить её. А Люк нервничал — это было заметно по тому, как он вцепился в мою руку и пробегал взглядом по толпе. Если Серафимы не представляют опасности, тогда кто?

Внезапно наступила тишина — звон Зовущей стих. Его отсутствие было почти таким же пугающим, как и начало.

— Пора начинать, — сказал Доминик и с Маргарет под ручку подошёл к краю сцены. Орла и Паскаль встали справа и слева от них. Люк подтолкнул меня вперёд, но прежде, чем мы достигли нашего местоположения, он заколебался.

Только в этот момент я начала по-настоящему волноваться.

## Глава 36

Люк не раз говорил мне, что его воспитывали как будущего лидера своего Дома. Он был существенной частью пророчества о Разрушительном потоке, и для него должно было быть самой естественной вещью в мире, занять своё место на церемонии Дуг.

Если он сомневается, тогда действительно что-то идёт совершенно не так, как надо.

Я хотела ретироваться, но было уже поздно — мы стояли посередине сцены. На меня вопросительно и с подозрением смотрели тысячи людей. Знакомая паника подступила к горлу.

Доминик начал говорить, воспев хвалу о жертве Эванджелины во время Разрушительного потока.

Когда я его слушала, мой затылок стал горячим, и во мне проснулось отвращение. Она предала этих людей, стала предательницей, а не мученицей, защищавшей их дело.

Голос Доминика разносился по переполненной Аллеи, подчёркивая мудрость Эванджелины и её мужество, её самоотверженный поступок, совершённый для Дуг и их наследия. Он говорил с абсолютной, непоколебимой убеждённой уверенностью. Либо это был достойный Оскура спектакль, либо признак того, что я совершенно неправильно оценила его лояльность.

Люк, казалось, совсем не проявляет интереса. Его взгляд постоянно блуждал по толпе. Я попыталась увидеть то, что видит он, но была не в состоянии игнорировать слова Доменика, и пока он говорил, я сердилась всё сильнее.

В конце концов Доминик проявил милосердие и закончил. Он спустился вниз по лестнице, так что плащ развивался позади него и вытянул руки над кристально-чистым прудом, образовав ладонями чашу. Мгновение спустя мою кожу начало покалывать, как будто замлела рука или нога. Я закрутила плечами, пытаюсь избавиться от ощущения. Он открыл ладони, как будто высыпал что-то в воду, но в неё ничего не упало. Я услышала шипение, а потом с поверхности поднялись струйки дыма и развеялись на ветру.

Люк наклонился вперёд.

— Он почтил её память. Остальные последуют сейчас его примеру.

— Все?

Я посмотрела на толпу Дуг. Это была самая большая похоронная церемония в мире. Нам придётся застрять здесь надолго.

Он заговорил, не шевеля губами.

— Радуйся, что на тебе удобная обувь.

Но когда Доминик освободил место, и вперёд вышел Паскаль, чтобы в свою очередь отдать должное Эванджелине, магия снова поползла по моей коже. Я потёрла руки, и Люк прижался ко мне сильнее.

Орла заняла место перед бассейном, поверхность которого немного вспенилась. Я вздрогнула перед лицом нового всплеска магии и заметила, что Паскаль внимательно за мной наблюдает.

В одно мгновения я поняла, какая ошибка заключалась в этом плане.

— Слишком много магии, — прошептала я.

— Только капелька, — уверил меня Люк, но его голос звучал напряжённо. — Почти ничего.

— Да посмотри же. Посчитай их Люк. Сколько капелек?

Это было как в старой истории, в которой зёрнышко риса помещали на первую клетку шахматной доски, а потом два на вторую, четыре на третью... В последней клетке куча риса больше, чем гора Эверест. Эти капельки магии были как зёрнышки риса, и я упаду за мертвое ещё прежде, чем мы доберёмся до второй половины шахматной доски.

Доминик резко махнул головой, показывая, что мы следующие на очереди, но Люк остался стоять, где стоял и смотрел на своего отца с явным отвращением.

— Ваша очередь, сын мой, — сказал Доминик. Внешне слова прозвучали дружелюбно, но под ними чувствовалась властность. Толпа нетерпеливо всколыхнулась, и Доминик понизил голос до шипения. — Отдайте ей должное.

Стиснув зубы, Люк потянул меня к зеркальному бассейну.

— Держись, — сказал он, когда мы подошли ближе. — Всё будет в порядке, я клянусь.

Я не была уверена в том, может ли он действительно пообещать это. У меня были спазмы в желудке, и я обхватила себя одной рукой за талию.

Бассейн был около трёх метров в длину, но меньше одного метра в ширину — узкий прямоугольник из чёрного, похожего на стекло камня, возможно обсидиан или оникс. Вода была такой неподвижной, что на поверхности, как в зеркале, было видно наше отражение: Люк кипел от злости, я была бледной и растерянной.

Я почти не узнала себя, а когда узнала, была в ужасе. В последние месяцы я слишком тяжело над этим работала и многое пережила, чтобы быть той испуганной девочкой в воде. Потребовалось некоторое усилие, чтобы оторвать от отражения взгляд и вместо этого посмотреть на толпу. Люди начинали роптать, а их лица потемнели от недоверия.

Констанция стояла в нескольких метрах от первого ряда, серебряный капюшон едва прикрывал голову. Она пыталась делать вид, что скучает, и выпятила верхнюю губу, но её глаза округлились, и она внимательно за всем следила. Стоящая рядом с ней Ниобе выглядела раздражённой и, как будто не удивлялась, что из-за меня произошла задержка.

Несгибаемым, резким движением Люк вытянул вперёд руки, ожидая, что я повторю за ним. Когда я не сдвинулась с места, он толкнул меня, думая, что я последую его примеру.

Я не могла.

Меня удерживали не страх и не гнев из-за слов Доминика. Я не могла встать перед этими людьми и сделать вид, будто горюю по Эванджелине. Я не могла отдать должное женщине, которая убила мою лучшую подругу, ни по-настоящему, ни символически. И никакие благоразумные причины, аргументы и мрачные взгляды Доминика не могли заставить меня передумать.

Ропот толпы стал громче.

— Мышонок, что тебя останавливает? — Люк говорил, не двигая губами. — Ты сможешь.

— Я не могу.

Он замер, разглядывая моё лицо; его собственное отражало тревогу.

— Что ж, я должен сделать это. Прости, — он набрал в лёгкие воздуха и вызвал магию.

Мир, казалось, обрёл высокое разрешение, моё зрение стало чересчур резким и ясным, а слова Люка звучали, как будто он говорит в моей голове, когда магия с треском приземлилась на воду под нами. Я почувствовала, как сила пронеслась через нашу связь, а также, как её поглотила цепь, вместо того, чтобы ударить в меня. Это наша связь защитила меня, как всегда, когда Люк творил заклинание.

Я почувствовала себя несокрушимой, голова закружилась от облегчения. Если мы уйдём, прежде чем возле зеркального бассейна наступит очередь других Дуг, то я буду в безопасности. А потом в толпе кто-то выкрикнул:

— Плоская не почтила её памяти.

— Чёрт возьми, — пробормотал Люк, и я была полностью с ним согласна.

Ропот и негодование толпы усилились, раздалось ещё больше криков, некоторые так далеко позади толпы, что слова невозможно было понять. Однако их тон был предельно ясным — тлеющий гнев, теперь вскипевший. Протест разрастался: я была непрошеной гостьей, которая неправомерно ступила на освящённую землю, и теперь выставила похороны Эванджелины на всеобщее посмешище.

Без предупреждения над головами толпы раздался взрыв, который отдавался эхом, словно выстрел. На противоположной стороне сцены появилась закутанная в плащ фигура, небесно-голубой капюшон был натянут на голову, скрывая лицо.

Толпа внезапно замолчала. Плавный и чарующий голос мужчины вознёсся над тишиной.

— Плоская принесла нам несчастья, — выкрикнул он. — Она та, кто испортил нашу магию и наших лидеров. Пусть она заплатит за это.

Я чувствовала, что его окружала магия, невидимый, удивительно сильный поток. Другие должно быть тоже его почувствовали, в противном случае не допустили бы такого нарушения.

На одну долю секунды Доминик скривился, как ребёнок, у которого забрали его любимую игрушку. Потом взял себя в руки и мастерски задействовал свой шарм. Он пересёк сцену, за ним следовали Орла и Паскаль. Прямо как обиженный аристократ, он выкрикнул зычным голосом:

— Мы собрались здесь, чтобы отдать должное нашей покойной основоположнице.

Ты позоришь её и свой Дом, если ведёшь такие разговоры! Когда Верити Грей была при смерти, она перенесла важнейшую часть своего существа на эту девушку. Благодаря крови и жертве, Плоская стала Сосудом. Она заслуживает благодарности, а без помощи

Эванджелины мы, возможно, никогда бы этого не выяснили. Кто ты такой, что осмеливаешься прийти сюда, выдвинуть дикие обвинения и осквернить эту церемонию?

Говорящий откинул капюшон и оказался совершенно обычным мужчиной средних лет. У него была ничего не говорящая внешность, красивый, как типичный диктор новостей местной радиостанции. Гладкие, зачёсанные назад, каштановые волосы, угловатые черты. Только расчётливый огонёк в его взгляде заставлял присмотреться к нему поближе.

— Антон Ренард. И это не я выставил церемонию на всеобщее посмешище, — его голос был лихорадочным из-за самодовольства, когда он обратился к толпе. — Посмотрите, насколько они беспомощны? Какие слабые? Они создали союз с Плоской. Они настолько некомпетентны, что не видят больше никаких других способов, кроме как отдать наше будущее в руки этой девчонки. Посмотрите на магию, вред, который она понесла под их опекой! Их время истекло.

— А что мы должны по-твоему сделать?

Голос Доминика звучал в одно и то же время энергично и спокойно, но я чувствовала, как сильно он напряжён. Краем глаза я видела, как Паскаль и Орла пытаются подражать его манере держаться и поняла почему — они не могут позволить себе казаться слабыми или напуганными, только не на глазах множества Дуг.

Почему они просто не избавятся от этого человека? Они ведь определённо могли загнать его в Межпространство!

— Откажитесь от союза. Позвольте магии вернуться в её естественное состояние.

Оно поспособствует тому, чтобы мы Дуги, вернули наше прежнее величие и освободит от диктатуры Кваторов.

— Эти слава очень сильно похожи на измену, не так ли? — спросил Доминик, этот вопрос завис в пространстве без ответа. Толпа, перед лицом обвинения, стояла, как громом поражённая.

— Быть преданным магии — это не измена.

— Ты из Дома Эванджелины, не так ли? — спросила Орла. — Ты мог бы подняться до Кватора. Дело всё в этом? Мне кажется немного невежливым, протягивать руку к месту Эванджелины ещё прежде, чем закончились её похороны.

Люк склонил голову ко мне.

— Этот человек хочет больше, чем просто место Эванджелины. Он принадлежит к Серафимам. Будет лучше, если мы уведём тебя отсюда.

Антон издевательски рассмеялся над словами Орлы и позволил зрителям увидеть своё презрение. Они зачарованно наблюдали за зрелищем.

— Вы действительно думаете, что я стремлюсь к этому, стать одним из вас? Что Дома что-то для меня значат? Они ещё один из этих реликтов.

Он отвёл вытянутую руку в сторону и что-то выкрикнул на языке магии.

В тридцати сантиметрах от меня взорвался зеркальный бассейн. Вода вылилась на землю. Толпа ахнула, когда каждая Дуга на Аллее отпрянула назад.

Рядом со мной Люк распахнул глаза и оттолкнул меня от зазубренных кусков камня.

— Что случилось?

— Этот камень пропитан магией. Он несокрушимый.

— Больше нет, — сказала я.

Антон скользил взглядом по морю плащей, наслаждаясь страхом и невольным уважением, читавшимся в глазах толпы.

— Я предлагаю новый мир, — сказал он, — Построенный на развалинах старого, возглавляемый Серафимами. Мы устраним Кварторов и Сосуд вместе с ними. Присутствие этой девушки здесь оскорбительно, но не самое худшее её преступление.

Он энергично хлопнул в ладоши, а потом резко вытянул их, направив ладони в нашу сторону. Сила удара отбросила нас друг от друга. Люк повалился головой вниз в разбитые камни. Я качнулась вперёд и упала на колени у подножия лестницы.

Тяжёлый плащ мешал мне двигаться. Антон, дёрнув, поставил меня на ноги, собрал ткань в кулак и скрутил её так, что пряжка сдавила мне трахею. Я судорожно дёргала за неё, пока шёлк наконец не порвался и не освободил меня.

— У тебя нет права носить нашу одежду, — прошипел он.

В нескольких шагах от нас встал Люк. Кровь текла у него по лбу. Прежде чем я смогла подбежать к нему, Антон схватил меня за руку, толкнул в толпу и выкрикнул:

— Сама девчонка доказательство предательства Кварторов!

Я уже знала, что он скажет, когда увидела странный, злобный блеск в его глазах.

Я испуганно пыталась вырваться, в то время как он объявил:

— Она убийца. Наш матриарх умерла не из-за Разрушительного потока, её погубила она. Плоская использовала нашу магию, чтобы убить Эванджелину Марайс.

**Гл**

### **ава 37**

Реакция последовала незамедлительно — разразился неистовый шум, и толпа перед нами пришла в движение. Так же быстро Люк запрыгнул по лестнице наверх, обнажив меч, он целился прямо в горло Антона.

— Отпусти её, не то я пушу прямо здесь твою кровь.

— Видите? — крикнул Антон. — Наследник предпочёл её своему народу. Даже он позволил себя обмануть, — по крайней мере он отпустил меня. — Теперь вы все видите, что я хотел сказать, — объяснил он, когда Люк взял меня за руку.

Мы обошли Антона стороной, но Люк всё ещё был начеку.

— Спускайся вниз, — сказал он, указывая на заднюю лестницу помоста.

Я последовала за ним, мои колени дрожали.

Кварторы вышли нам навстречу.

— Уведи её в безопасное место, — сказал Доминик Люку. — Здесь я сам всё улажу.

Он прошёл к передней части сцены. По сравнению с его огромной фигурой Антон выглядел крошечным, да и держался Доминик гораздо более властнее. Когда он поднял руку, опустилась тишина, как будто он заставил толпу замолчать магическим способом. Люк согнал меня с лестницы, но я всё же услышала слова Доминика, объявлявшие, что церемония прерывается. Он насмеялся над Серафимами, которые осквернили похороны Эванджелины, и всё снова перевернул. Однако мне было всё равно, я только хотела уйти.

Мы спешили вдоль усыпанной ракушками дорожки, стараясь уйти как можно дальше от скорбящей публики. Когда мы остановились, я устало опустилась на землю.

— Что ж, — сказала я. — Это было не совсем то, что я ожидала.

Люк сел рядом со мной.

— Ты не единственная.

Я прижалась к нему, и стук его сердца успокоил меня.

— Ты говорил, что Аллея нейтральная территория и что там никто не может

использовать магию против другого человека. Почему Антон смог напасть на нас?

Он вытер грязное пятно на моей щеке, а потом помог подняться.

— Нейтралитет — это принцип, правило, которое было создано в древности и предназначалось для поддержания мира между Домами. Похоже, Антон не особо дружит со старыми правилами.

— Он хотел кое-что продемонстрировать, — сказала Орла.

Она и Паскаль направлялись к нам, они медленно шли вдоль тропинки, чтобы Маргарет от них не отставала.

— Серафимы считают, что они выше правил нашего мира.

— Рад слышать, что ты признаёшь, что они существуют на самом деле, — сказал Люк.

— Я ошибалась, — она выглядела так, будто эта мысль ей неприятна. — Они существуют, и ещё хуже, они опасны. Люди прислушиваются к ним. Они встревожены, и каким бы смешным не было объяснение Антона, оно даёт им козла отпущения. Исправить магию стало теперь ещё более актуальным вопросом, чем когда-либо прежде. Немедленно. Прежде чем Антон и его люди предпримут следующий шаг.

— Это не подходящий момент, — сказал Люк.

— Обстоятельства не идеальны, — согласился Паскаль и поправил очки, — но у нас, возможно, не будет шанса получше. Магия меняется и во время церемонии реагировала на Мауру. Я не могу предсказать, что произойдёт дальше.

— Зато я могу, — объяснил Доминик, шагая в нашу сторону. — Антон исчез, но он так натравил толпу, что она требует твоей крови. Единственное, что их остановит и не даст организовать на тебя охоту — это восстановление магии. Если ты докажешь, что он неправ, то они перестанут верить и его словам насчёт Эванджелины.

Паскаль и Орла кивнули в знак согласия. Люк смотрел в землю, и страдание отчётливо читалось на его лице.

Доминик продолжил:

— Маргарет предсказала, что наступит новая эра, и именно это случилось сегодня. Теперь пришла пора внести и тебе свою лепту.

— Вы точно этого не знаете, — в отчаяние сказала я.

— Конечно же мы знаем. И знали уже всё это время.

Со стороны Аллеи раздался крик. Вдоль тропинки бежала Констанция, а за ней следовала Ниобе.

— Ты её убила? Ты действительно убила Эванджелину? Ты утверждала, что пыталась ей помочь, ты лгунья!

— Констанция... он сказал не...

Она не понизила голоса, когда оказалась возле нас.

— Неправду? Зачем кому-то утверждать нечто подобное, если это не так?

— Всё сложно.

— Да или нет. Ты убила её?

— Она была очень злым человеком, — сказала я. — Ты не знаешь...

— Ты ...! — завопила она, набросилась на меня и толкнула, так что я повалилась на землю.

Прежде чем Констанция успела меня ударить, Люк стащил её с меня и толкнул к Ниобе.

— Пойди прочь, малявка. Мышонок, ты в порядке?

— Да, — я медленно села, вытаскивая травинки из волос.



Мой светло-голубой свитер был покрыт зелёными пятнами от травы и брызгами грязи. Паскаль молча протянул мне платок, в то время, как Ниобе удерживала Констанцию.

— Успокойся, в противном случае твоим следующим уроком будет колдовать путы, — резко сказала она.

— Ты должна поверить мне, — сказала я. — Эванджелина действительно была плохой. Эта группировка, которая нарушила похороны, называет себя Серафимами...

— Я знаю, кто они.

Лицо Констанции было бледным, но её глаза сверкали тёмно-голубым цветом от гнева и слёз, а волосы хлестали вокруг лица. В основание моего черепа начала пульсировать боль.

Люк нахмурился.

— Твои силы только что проявились, но ты уже знаешь о Серафимах? Как такое возможно?

— Они целенаправленно выбрали её, — сказала Ниобе. — Новенькая. Наивная. Легко поддаётся влиянию.

Констанция резко развернулась, и поднялся свежий ветерок.

— Я не наивная! Они мои друзья!

— У меня была подруга, — тихо сказала я. — Серафимы убили её.

Эванджелина была одной из них.

— Я тебе не верю.

Ненависть прямо-таки кипела в ней, так что мне казалось, будто я вижу её в форме чёрных, потрескивающих линий, когда магия начала расти.

— Но тебе стоит поверить, — сказал Люк смертельно спокойным голосом. — Верити приехала в Новый Орлеан, чтобы провести лето у Эванджелины, научиться правильно использовать свои силы и исполнить пророчество о Разрушительном потоке. Эванджелина попыталась завербовать её, точно так же, как сделали с тобой. Только твоя сестра была умной и не повелась на их удочку. Поэтому её прикончили.

Констанция начала плакать.

— Вы всё врёте.

— Что касается этого вопроса, нет, — сказала я, сдерживая желание лечь на землю и свернуться в калачик.

Конастанция должна это понять. Если я смогу всё ей объяснить, то возможно она успокоится.

— Они выжидали, пока она вернётся домой, там, где не было рядом Люка и других Дуг, защищавших её.

— Вы врёте, — всхлипывая, повторила она, из её носа текли сопли.

— Как только Эванджелина выяснила, что я могу закончить задание Верити, она использовала меня, чтобы вызвать Разрушительный поток. Её план не сработал, и она умерла.

— Но это был несчастный случай, ведь так? Ты сделала это не намеренно. Ты не убила её.

Я прикусила губу. Я всё сделала правильно. Но если не в состоянии признать, что убила, то возможно всё-таки сама в это полностью не верю.

— Она убила Верити, — сказала я. — Она это заслужила.

— Я ненавижу тебя! Ненавижу! Они правы насчёт тебя. Ты всё разрушила! — выкрикнула она, и магия захлестала в воздухе, повалив меня на землю.

— Ниобе! — выпалил Люк. — Забери её с собой!

Ниобе кивнула, схватила Констанцию за руку и взяла с собой в Межпространство. Давление магии спало, но только совсем чуть-чуть. Нельзя было отменить то, что уже произошло.

— Линии не могут сдерживать магию, — сказал Паскаль. — Девчонка что-то активировала. Нужно действовать быстро.

Люк присел на корточки рядом со мной.

— Время пришло.

— Я боюсь, — прошептала я.

Он обхватил моё лицо руками.

— Я тоже.

Доминик крикнул:

— Сейчас Маура!

Он, Паскаль и Орла встали вокруг нас, образовав треугольник.

— Не сопротивляйся. С тобой ничего не случится, если не будешь сопротивляться.

Люк взял меня за руку так же, как во время связывающей церемонии, а другую вытянул, в то время как с его языка слетали слова на языке Дуг, и голоса Кваторов присоединились к нему.

Вокруг нас начал шипеть и трещать воздух, когда Линии проявились и внезапно стали для меня видимыми, трещины в воздухе и земле, зубчатые скважины, из которых вытекала магия. Они быстро поднялись вокруг нас, пересекая воздух. Моё сердце пульсировало в такт магии, и с каждым ударом она входила в меня всё глубже: из больших, круглых артерий в более маленькие, тонкие капилляры, чтобы потом через стенки клеток пройти и заполнить мои лёгкие. Я чувствовала магию в позвоночнике, из которого она распространилась в каждый нерв.

Она жаждала соединиться с сетью Линий вокруг меня. Я напряглась и протянула руку, и мир исчез: магия угрожала выйти из-под контроля. Рука Люка обхватила мою, и наша связь вспыхнула. Моё зрение сразу прояснилось.

— Спасибо.

Он кивнул, в то время, как у него на лбу образовались капли пота.

Вокруг меня три из четырёх элементов слились друг с другом, когда Кваторы вызвали магию. Если все четыре элемента сосредоточатся на одной точке, то у нас появится узловый центр, доступ к грубой магии. В последний раз я использовала колонны Связывающего храма, но храм был разрушен. Я не знала, существует ли ещё такое место, где встречались бы все четыре формы элементарной магии.

Только мне вовсе не нужны все четыре, не так ли? Линии определяют элемент, но неразбавленная сила в них, стремящаяся к освобождению — это грубая магия. Мы всё так усложнили, но всё, что мне нужно сделать, это проникнуть в Линию, мимо элементарного барьера, которые я создала, дотянуться до силы внутри них.

В нескольких шагах от Люка одна Линия разбухла и вздулась, ещё несколько секунд и она лопнет. Если я попаду туда раньше, то смогу последовать за ней к источнику. Если не успею, и Линия взорвётся, я умру.

— Отпусти меня.

— Что?

Его пальцы нащупали мои, но я вырвалась и протянула руку.

Я содрогнулась от силы потока. Линия была на ощупь холодный, гладкой и гибкой, как мускулатура. Я должна сделать это, прежде чем Люк вмешается. Я с трудом вдохнула, встала, широко расставив ноги, и воткнула пальцы в Линию, поверхность уступила, и грубая магия нахлынула на меня.

Это было похоже на прорыв платины. Только что это был ещё ручеёк, но в следующий момент я почти тонула, подхваченная силой грубой магии. Я знала достаточно, чтобы не сопротивляться натиску хаоса и энергии, и когда моё тело привыкло к нему, остальной мир померк.

Теперь моей единственной связью с внешним миром была серебряная нить вокруг запястья. Знакомое, пьянящее ощущение всемогущества было сильным, но я отвернулась от него. Оно меня больше не привлекало.

Я сама искала ответы, и вместо мира, нашла только мучения, раздирающие душу.

Я выяснила столько правды, что её хватит для целой или даже для трёх жизней.

Казалось магия сдерживается, ждёт указаний. Перед моим внутренним взором я увидела Линии — красивые, извивающиеся и сильные, переплетённые между собой, как коса. Мои пальцы формировали грубую магию, скручивали и поворачивали. Направляемые инстинктом, они создавали новые Линии. Когда магия начала снова свободно течь, я с облегчением вдохнула, собираясь вернуться в себя, оставив Линии.

Но потом что-то пошло не так.

Поток магии, текущей через меня, стал медленнее, развернулся в другую сторону и с новой силой обрушился на меня. Так же, как это произошло на поля для гольфа.

В этот раз никто не остановил его.

Грубая магия начала соединяться с моими костями, мышцами и кровью. И почему-то боль обжигала всё сильнее. В последний раз такого не было. Казалось, будто кто-то выворачивает наизнанку каждую отдельную клетку моего тела. Перед глазами всё потемнело, как будто я вижу ночное небо без звёзд. Магия выжигала меня, как пламя, и спасения не было.

Я не смогу спастись, если Люк не поможет. В последний раз ему удалось вытащить меня. Связь между нами стала спасающей соломинкой. Теперь она была моим единственным путём вернуться домой.

Я вслепую нащупала светящуюся нить, соединяющую нас.

— Где ты? — заплакала я, но всплеска магии не последовало, и я не почувствовала, чтобы он схватил меня.

— Люк! — крикнула я. — Пожалуйста!

Магия была ненасытной. Я потеряла саму себя, боролась, хотя там никого не было, пыталась вырваться, но была слишком слаба, чтобы справиться в одиночку.

А потом меня схватил Люк и с криком вырвал.

Что-то порвалось — как внутри меня, так и непосредственно где-то рядом, и это было мучительнее, чем всё, что я ощущала раньше. Я выпала из сети Линий в объятия Люка и опрокинула нас обоих.

Люк смягчил падение, приземлившись на спину, а я, словно у меня нет костей, соскользнула с него. Он склонился надо мной и что-то выкрикнул.

Я не услышала его из-за шума в голове. Его глаза были самыми зелёными, что я когда-либо видела, как листья крокуса, возвышающиеся над снегом, в то время, как всё остальное бледнеет в зернистый, чёрно-белый цвет немого фильма. Глаза Люка тоже побледнели, и в

конце я вообще больше ничего не видела.

## Глава 38

В груди трепетала паника, как пойманная птица. Когда я открыла глаза, я увидела расстеленный передо мной белоснежный лён, а под ним мраморный стол со стаканом воды. Через окно была расплывчато видна праздничная атмосфера ночного Французского квартала.

А потом я внезапно осознала, что на мне покоится тяжёлая рука, пальцы крепко прижаты к рёбрам, всего лишь в нескольких сантиметрах от деликатного участка. Тело Люка обнимало моё. Наши колени и ноги переплелись. Мой волосы шевелились от его дыхания, ласкающего моё плечо, однако Люк продолжал спать дальше. Его грудь, прижатая к моей спине, поднималась медленно и равномерно, в отличие от моего спотыкающегося сердцебиения.

Тонкий фасад моего самообладания начал трескаться, он в любой момент рухнет. За ним находилась бездна желаний и понимание того, что я больше никогда не буду чувствовать под ногами твёрдой почвы, если брошусь в неё. В попытке немного отстраниться, я заёрзала, выбираясь из-под тяжести его руки.

— Если ты продолжишь так дрыгаться, то я могу ещё подумать, что ты заинтересована в кое-чём ещё, кроме сна.

Я замерла.

— Ты не спишь.

Он задвигался, и его тело прижалось к моему. Колибри в моей груди запорхали быстрее и лишь немногие из них были испуганны.

— Я ждал тебя. Постепенно у меня начинает хорошо это получаться, — он осторожно поцеловал меня в затылок. — Ты нормально себя чувствуешь?

«Нормально» было не тем словом, которое выбрала бы я, особенно сейчас.

Я попыталась повернуться, но его нога удерживала меня, а ладонь с растопыренными пальцами лежала на моей груди, прямо над сердцем.

— Что случилось? — спросила я.

— Ты пережила это, — сказал он и прижался ко мне ещё сильнее.

Как я поняла, его подстёгивало не только желание — хотя желание у Люка всегда играет роль — но также и облегчение.

Он уткнулся лицом в изгиб между моей шеей и плечом. Так как я не могла видеть крошечные изменения, по которым научилась читать его лицо — движение уголков губ, направление взгляда, наморщенный лоб — только его прикосновения и медленное, неровное дыхание говорили, насколько всё должно быть было ужасно.

— У нас ничего не получилось.

Это был совсем не вопрос. Что мне действительно было интересно, так это какой был нанесён ущерб. И я ещё не была готова услышать ответ.

— Как долго я была без сознания?

— Некоторое время. Сейчас полночь. Кварторы скоро будут здесь.

Он вздохнул и отпустил меня. Я повернулась и ужаснулась его бледности.

Обычно его кожа имела коричневато-золотистый цвет, но теперь она была серой, а глаза тусклыми.

— Ты исцелил меня, — сказала я.

— Я не буду за это извиняться, — ответил он.

— Нет. Я рада. Спасибо.

Он провёл пальцем по моему лбу и скулам, а большим погладил губы. Печаль, читающаяся на его лице, противоречила нежности жеста. Он что-то недоговаривал — что-то ужасное.

— Зачем Квартором приходите сюда?

Он выскользнул из кровати и потянул меня за собой.

— Полагаю, чтобы разработать стратегию. Я не совсем уверен.

Я, сощурившись, посмотрела на него.

— Ты всегда знаешь, что делают Кварторы. Можно сказать, что ты почётный член.

— Они сплотились против меня, — сказал он и посмотрел в пол, как будто ему было стыдно признаваться в этом. — Я вырвал тебя оттуда. Когда магия начала одерживать верх, я почувствовал, как ты пытаешься выбраться. Почувствовал, как сильно ты боишься, и я не смог... я не смог оставить тебя там.

— Ты спас меня. Разве это не хорошо?

— Я думал, что хорошо, — ответил он. — Но они, скорее всего, смотрят на это иначе.

В дверь постучали. Слишком поздно я спохватилась, принявшись поправлять пальцами волосы, чтобы не выглядеть так, будто ещё пять минут назад спала с Люком в кровати. Когда Кварторы друг за дружкой вошли в гостиную Люка, презрение на лице Орлы свидетельствовало о том, что всё было напрасно.

Мы молча стояли, Доминик и остальные с одной стороны комнаты, я с другой, а Люк посередине между нами.

Орла заговорила первая.

— Думаю, мы все согласимся с тем, что сегодняшние события стали для нас неожиданностью.

Взгляд Доминика прожигал во мне дырки.

— Магия изменила направление, — сказала я, стремясь защитить себя от их молчаливых обвинений, — я посмотрела на Паскаля. — Как в последний раз.

Паскаль закашлял.

— Мы же уже обговаривали, что магия, возможно, стабилизируется, если ты объединишься с ней. Всё шло, как планировалось. Почему ты прервала процесс.

— Это было слишком, — я сглотнула, вспомнив какое было чувство, когда магия пыталась вытеснить меня из моего собственного тела. — Она бы меня убила.

— Потому что ты не захотела отдать себя ей, — сказала Орла. — Если бы ты выдержала...

— Тогда я была бы сейчас мертва. Мы решили, что я должна попытаться сформировать новые Линии, вы уже забыли? Если бы я слилась с магией, тогда... от меня бы... ничего не осталось.

— Ты Сосуд, — сказал Доминик, и тепло, которое он всегда проявлял ко мне, исчезло. — Если магия опустошит тебя и понесёт как рак-отшельник раковину, значит пусть так и будет. Ты поклялась. И ты тоже, — обратился он к Люку.

— Мы так не договаривались!

— Как договаривались? — спросила я.

— Она бы умерла, — сказал Люк, сжав зубы.

— Ты знал, что она должна сделать. Что должно было случиться, и это всё ещё

актуально. Что ты выиграл, подставив нас? — Доминик скривил губы от отвращения. — Несколько часов? — Он сделал резкое движение головой в сторону спальни, за дверью которой хорошо было видно помятое постельное бельё. — Надеюсь, она того стоила.

— Люк?

Я отступила и врезалась в небольшой столик. Фонарь, стоящий на нём, упал на пол, но я единственная вздрогнула от звона.

Люк медленно повернулся ко мне с умоляющим выражением лица.

— Речь никогда не шла о создание новых Линий, я права? Вы с самого начала планировали, чтобы я слилась с магией. Поэтому... — у меня сорвался голос. — Поэтому я не могла тебя найти. Они приказали тебе оставить меня там, и ты это сделал.

— Мышонок...

— Ничего не говори. Ты все-равно только соврёшь, — я повернулась к Паскалю.

Из них всех ему я доверяла больше всего. Не то что бы я верила в то, что он защитит меня! Но он ответит на мои вопросы. Учёный в нём не сможет противостоять.

— Что случилось после того, как я потеряла сознание?

Он с клинической трезвостью представил факты:

— Представь себе Линии, как систему кровообращения, где магия течёт вместо крови. Мы надеялись, что как только ты сольёшься с источником магии, то будешь служить сердцем и в предсказуемой мере направлять силу в Линии. Из-за того, что ваше объединение завершилось не полностью, произошёл разрыв, очень близко к источнику магии, как дыра в аорте. Теперь магия вытекает из системы.

Я держалась за диван, чтобы сохранить равновесие.

— Я вызвала второй Разрушительный поток?

— На самом деле всё наоборот. Разрушительный поток был смертельным, потому что прорыв грубой магии уничтожил бы слабых Дуг. Однако в этом случае магия растекается по миру, всё больше распределяясь. Линии не могут наполняться новой силой, а без Линий, которые они могут использовать, большинство Дуг бессильны.

— Большинство, но не все?

— Дуги с самым сильным талантом, чтобы творить заклинания, могут использовать даже самые крошечные Линии и скорее всего также в силах извлечь пользу из маленького количества свободной магии вокруг них. Но более слабые Дуги потеряют свои способности.

С опечаленным выражением лица вмешалась Орла:

— Им придётся либо жить среди Плоских, либо зависеть от щедрости более могущественных Дуг.

— Результат один и тот же, — вставил Доминик. — Останутся только самые сильные. Именно этого и хотели достичь Серафимы, чтобы создать новую расу Дуг и господствовать над другими.

— Ты преподнесла Антону победу на серебряном блюдечке, — сказала Орла.

Я помогла людям, которые убили Верити; именно это они только что рассказали мне. Всё моё тело как будто онемело. Она умерла при попытке остановить Серафимов, а я подарила им как раз то, чего они хотели. Обещание, которое я дала ей, ничего не стоило.

Доминик схватил меня за руку и встряхнул. Люк повернулся к нам спиной и не реагировал.

— Ты вообще слушаешь? Ты заключила союз. Ты поклялась исправить магию, а всё, что

сделала — это ещё больше усугубила ситуацию. Ты должна вернуться.

Я задавалась вопросом, как вообще могла когда-либо считать его приятным.

— Должен быть другой путь.

— Другого нет. Магия иссякает. Нам остались ещё один или два дня, пока она не исчезнет полностью. Либо ты сдержишь свою часть соглашения и восстановишь её, либо твоя жизнь потеряна. А ты, — продолжил Доминик, уставившись на спину Люка. — Не забывай кто ты.

Когда они выходили, Паскаль посмотрел на меня с извинением во взгляде, и остановился рядом с Люком, чтобы обменяться с ним несколькими словами. А потом Люк и я снова оказались наедине, а мир перевернулся с ног на голову.

Лёгкий ветерок задул в комнату, принеся с собой сладкий аромат османтуса.

— Я не мог этого сделать, — сказал он. — Поэтому Доминик так рассердился. Я не мог оставить тебя там, независимо от того, какую цену придётся заплатить.

Несмотря на тёплую луизианскую ночь я замёрзла до мозга костей.

— Однако ты собирался.

— Но не сделал. Это хорошо показывает то, куда тебя ведут попытки обмануть судьбу. Всё закончилось катастрофой. Я пошёл против пророчества, так, как ты от меня требовала, а теперь всё рушится.

— Ты сделал бы так снова? Спас меня и уничтожил магию?

— Не спрашивай меня об этом, — его глаза наполнились слезами. — Я воистину делаю всё возможное, чтобы найти приемлемый путь. Ты и я — мы связаны, но ведь речь идёт здесь о всём моем мире. Как же я могу сделать выбор?

— Ты не можешь, — сказала я и почувствовала, как моё сердце разлетелось на кусочки.

В этот момент я поняла, что что-то между нами окончательно сломалось. Я выпрямилась.

— Отведи меня домой.

## Глава 39

Колин послал мне по смс адрес и номер комнаты. Люк перенёс нас через Межпространство на автостоянку отеля. Земля была мокрой от ледяного дождя. Я согнулась пополам, борясь с тошнотой.

Люк схватил меня за локоть, когда я уже хотела пересечь стоянку. У него на лице было написано, что он убит горем.

— Дай мне всё объяснить.

Я вырвалась, но у меня так кружилась голова, что я приземлилась на четвереньки на выложенную камнями мостовую, и гравий расцарапал мне кожу.

— Не прикасайся ко мне. Больше никогда.

— Мышонок, пожалуйста.

Он сделал шаг в мою сторону, а я поползла назад, глубоко вдыхая холодный воздух, чтобы успокоиться. Только когда мои пальцы онемели от холода, я встала и прислонилась к бетонному фундаменту фонарного столба.

— Что пожалуйста? Я должна проигнорировать тот факт, что ты предал меня? — я покачала головой. — Вам не обязательно было использовать Констанцию. Не нужно было заключить никакого договора. Магия убивает меня, и это единственная мотивация, которая мне нужна. Новы не сказали мне об этом. Ты преследовал меня, манипулировал, заставил

собой увлечься... И всё это было лишь ложью.

— Нет! — сказал он. — По крайней мере то, что было между нами — это не ложь.

— Правда? Ты серьёзно? Ты клянёшься в этом, Люк? Положа руку на сердце?

Даже я слышала, насколько негодующими были мои слова. Я пыталась убедить себя в том, что спасая меня сегодня, он встал против своей семьи, своего народа и всех традиций, с которыми вырос.

Возможно, он точно так же, как и я, попал в ловушку, запутавшись в Линиях магии, судьбе, долге и любви, не оставляющих ему никакой свободы действий. Мне почти было его жаль.

Потом я вспомнила кое-что, что он однажды сказал мне: не играет никакой роли, что ты об этом думаешь, кого любишь, чего боишься — если ты и можешь кому доверять в этом мире, так это тому, кто с тобой связан. Моё сострадание усохло и улетело прочь, как мёртвая листва.

— Пророчество говорит, что с тобой ничего не случится. Я верил в него. Я думал, что как только ты исправишь магию, с тобой всё будет в порядке.

Его голос разнёсся по стоянке, расстроенный и потерянный.

Я медленно повернулась. Дождь шёл теперь сильнее, скатываясь с кожи его куртки. Капли горели на моих щеках, и я покачала головой.

— Ты думаешь, магия определяет меня так же, как ты позволяешь ей определять себя. Но я больше, чем просто пророчество. Я не только Сосуд, хочешь ты это признать или нет. Поэтому я сделаю то, что должна, а потом вернусь в свой мир. Тебе никогда больше не придётся выбирать между нами, Люк. Это даже не будет обсуждаться.

— Мышонок...

Я не хотела слышать его ответ.

Я, дрожа от холода, постучала в дверь, дождь стекал у меня по шеи. Я услышала шаги Колина по полу, шорох цепи, а потом дверь открылась. Я сделала шаг в тепло и свет, покидая холод. Колин втянул меня во внутрь, захлопнул дверь ногой, оставляя Люка снаружи.

— Привет, — глуповато сказала я.

— Привет, — он довёл меня до лампы и начал разглядывать в желтоватом свете. — Ты вернулась.

Я протиснулась мимо него, оставляя позади куртку, шарф и перчатки, как след из хлебных крошек. На буфете стояла знакомая зелёная бутылка Джеймсона, а толстый стакан мотеля всё ещё примерно на сантиметр был наполнен виски.

— Мо?

Я негнушимися руками добавила ещё примерно два. Прежде чем Колин успел пересечь комнату и отобрать мою добычу, я осушила половину и почувствовала, как огонь пронёсся по горлу и груди.

— Что, чёрт возьми, случилось?

Он вырвал у меня стакан.

— Ничего. Всё. Я облажалась.

У меня потекли слёзы. Было сложно сказать из-за чего, из-за виски или из-за признания, но это и не имело значения.

— Отдай мне мой напиток.

— Вообще-то, но был мой.

— Не важно.



Я развернулась и схватила другой стакан.

— Расслабься, — очень осторожно он забрал у меня бутылку и поставил на стол. — Ты ранена?

Я плюхнулась на стул за письменным столом.

— Больше нет.

— Люк тебя вылечил.

Он вылечил меня и опять сокрушил сверху донизу. Я задавалась вопросом, можно ли человека излечивать только какое-то ограниченное число раз? Что в какой-то момент он достигает пункта, когда состоит скорее из трещин и осколков, чем из целого куска, и что тогда с ним произойдёт?

— Я в порядке.

— Конечно. Ты хочешь об этом поговорить?

— Нисколечко.

Он отпил глоток виски.

— Всё закончилось? Ты с ними разобралась?

— Я никогда с ними не разберусь. Если наступит третья мировая война, единственное, что останется на этой планете, это тараканы и твинки — и Дуги, говорящие мне, что я должна спасти чёртов мир!

Его глаза потемнели, наполнившись тревогой, но он позволил мне продолжать.

— А как тебе это удаётся? — спросила я. — Как ты можешь выносить тот факт, что проведёшь всю свою жизнь, привязанный к чему-то... к кому-то, даже если совсем этого не хочешь? Разве тебя это не бесит? И ты никогда не захочешь иметь собственную жизнь?

— Это моя жизнь. Я принял решение, которое привело меня сюда. Теперь делаю лучшее из того, что у меня есть. Однако это не мешает мне иногда хотеть большего, — он поворачивал стакан в руке, разглядывая янтарную жидкость, как будто она знала ответ. — Значит Дуги не отпускают тебя?

— Я нужна им. А у них в руках все преимущества.

Понимание промелькнуло, словно тень, на его лице. Без слов он протянул мне стакан.

— Итак, — сказала я, после того, как виски ударил в кровь и придал мне мужества. — У нас был уговор.

— Неужели?

Он сел на край кровати, упёршись локтями в колени, и для случайного наблюдателя выглядел расслабленным.

— Я пообещала тебе вернуться. И вот, — я встала и энергично покружилась, как будто представляя саму себя, — я здесь.

Уголки его губ дёрнулись.

— Понимаю.

И он действительно понимал. У него был этот неторопливый, голодный взгляд, который смёл более основательно все мои секреты и защитные валы, чем алкоголь. Я медленно прошла через комнату и села на кровать напротив него.

— Пришло время платить по счетам.

— Ты ведь вовсе не хочешь оставаться здесь, — сказал он. — Ты уже целую вечность собираешься уехать в Нью-Йорк.

— А если я останусь, — настаивала я, — что тогда случится?

— Зависит от того, — он прикоснулся к краю моего пуловера.

— От чего?

— От того, будешь ли ты и дальше вешаться мне на шею.

Я ударила его по плечу, и он поднял взгляд. Его глаза были полны смеха и желания.

— Знаешь, я ведь не святой.

— Я так рада это слышать.

Я наклонилась вперёд и пылко его поцеловала. Его руки судорожно обняли меня за талию, и я погрузилась в восхитительно знакомое чувство, в то время, как вкус виски смешался на моём языке со вкусом Колина.

Когда мы оторвались друг от друга, чтобы глотнуть воздуха, я сказала так рассудительно, как могла:

— Я не вешалась к тебе на шею.

Он откинулся назад, пытаясь подавить смех.

— Ты зашла, выпила два стакана виски, предложила остаться в Чикаго и поцеловала меня. Как же ещё я должен это толковать?

Это был риторический вопрос, но я не могла по другому и про себя ответила на него. Колин был надёжным и сильным, и я так сильно хотела его, что это съедало меня изнутри. Но я сделала именно то, что он описал: я, обиженная и рассерженная, зашла в комнату и захотела чего-то, что заставило бы исчезнуть боль.

— Не то, чтобы я из-за этого жаловался, — сказал он, проводя рукой от шеи до кончиков моих пальцев, а потом осторожно поцеловал.

— А стоило бы.

Он посмотрел на меня.

— Действительно стоит?

— Дело вот в чём, — сказала я. — Сейчас у меня кружится в голове разное, и многое из этого ужасно. Я думаю, что, если мы займёмся любовью, ты смог бы заставить исчезнуть весь этот ужас, — он хотел ответить, но я приставила палец к его губам. — Но я не хочу смешивать это, потому что позже, всё плохое будет ещё здесь. И не имеет значение, чем мы займёмся... думаю, я не смогу отделить эти вещи друг от друга.

— Ты подумала, что нам нужно заняться любовью.

— Но теперь я так больше не думаю, — объяснила я.

Он скрестил руки за головой и уставился на акустический потолок. Я притянула колени к груди и стала ждать.

— Я размышляю о тебе, — сказал он. — О нас. Я всё ещё ищу способ, как сделать всё возможным, но это сложно. Намного сложнее, чем ты осознаёшь.

Он имел в виду Тесс. Мне чем-то нужно было занять руки, и я начала обводить рисунок на покрывале, в то время, как он продолжил:

— Мне бы хотелось переспать с тобой, без всяких серьёзных отношений, но я не могу. Ты важна для меня. Я не хочу, чтобы ты относилась к этому легко или переспала со мной только потому, что злишься или чувствуешь себя неуверенно. Не хочу, чтобы оставалось место для сожаления.

Я покраснела. Он ведь не дурак. Уже когда я зашла в комнату, он знал, что что-то не так.

— Мне жаль.

— Не нужно жалеть. Я бы с удовольствием стал тем, кто позаботится обо всём и всё исправит. Но не таким способом. По крайней мере не сегодня ночью, — он переплёл свои

пальцы с моими. — Скажи, что мне сделать, чтобы всё снова стало хорошо?

Я вытянулась рядом с ним, положила голову на его грудь и вздохнула, когда он обнял меня.

— Это уже почти идеально.

## Глава 40

Пронзительный звонок разбудил меня несколько часов спустя. Я только успела поднять голову, а Колин уже перекатился через меня, чтобы взять свой телефон, он приставил палец к губам.

Часы высвечивали ярко-красным 3:30 утра, а через уродливые занавески с цветочным узором ещё не проникало света. Колин сел, а я обернулась вокруг него, пытаюсь сохранить его тепло. Он осторожно отодвинулся и покачал головой. Я прислушалась к разговору, но по его односложным ответам ничего нельзя было понять.

В конце концов он положил трубку и отбросил телефон в сторону. В темноте я видела только силуэт его спины — повисшие плечи, опущенную голову — и залезла под одеяло, как будто могла спрятаться от того, что он сейчас скажет.

— Нужно возвращаться домой, — объяснил он.

Когда он включил настенную лампу, выражение его лица так напугало меня, что к горлу подступила знакомая тошнота. Это было такое выражение, какое люди принимают, когда собираются расколоть твою жизнь на «до» и «после». Я ненавидела это выражение.

— Что случилось?

— Никто не пострадал.

Я начала искать обувь.

— Да говори уже.

Он нашёл на полу мою куртку и шарф и протянул мне. Я разглядывала игру его поджарых мышц, когда он одевал свою трикотажную рубашку. Его движения были не такие как у Люка плавные, в них не было хищного изящества, но он всё равно был красивым.

Я заставила себя остановиться и насладиться моментом. Что бы не скрывалось за этим звонком — это разрушит его. Я сунула ноги в балетки и тщательно обернула шарф вокруг горла.

— Итак?

— Никто не пострадал, — повторил он и посмотрел на меня тем же чёрным, спокойным взглядом. — Твоя мать хотела, чтобы ты об этом узнала.

Я медленно выдохнула. Значит это не мама. Это самое главное. Не моя мама.

— Случился пожар, — сказал он. — В «Слайсе».

— Насколько всё плохо?

Комната казалось накренилась, а яркие цвета занавесок размылись. Он сел и притянул меня на колени. Я положила голову на его широкую грудь.

— Он полностью сгорел, я права?

Она пожертвовала всем, ради этого ресторана — всем — а теперь его больше нет. У меня застрял ком в горле, я не хотела испытывать горе, поэтому цеплялась за гнев.

— «Морган» пострадал от воды и дыма. Но он скоро снова откроется.

— Но не «Слайс».

Он наклонился вперёд и прижал свой лоб к моему.

— Нужно отправляться в путь.

— Это не несчастный случай, верно? Кто за этим стоит, Экомов?

Он пожал плечами.

— Он очень быстро загорелся.

— Почему «Слайс»?

— Билли охраняет дом, но ресторан подходит почти так же хорошо в качестве предупреждения.

Я встала, и Колин взял меня за руку.

— Полагаю, отцу придётся подождать.

— Я тоже так думаю.

Он помог одеть мне куртку, собрал всё и выгнал на улицу. Ночью дождь перешёл в снег, который теперь покрывал землю где-то на два сантиметра. Сумрачное небо предвещало ещё больше снегопада. Звёзд не было видно. До и после, сказала я самой себе. А ночь, которую мы провели здесь, была моментом вне времени.

Так как Колин настоял на этом, то я, положив голову ему на плечо, попыталась уснуть, в то время как он вёл грузовик на север.

— Это всё изменит, не так ли? — спросила я, когда мы были в пути примерно час. Колёсики в моей голове вращались. — Билли по какой-то причине хочет, чтобы я вернулась домой.

— Скорее всего. Я, инстинктивно, скорее держал бы тебя какое-то время на расстоянии от города.

Зачем подвергать опасности того, кого любишь? Лицо Люка промелькнуло перед моим внутренним взором. Потому что у этого человека есть что-то, что ему нужно, что-то, что нельзя забрать силой. Что-то, что мог сделать только один этот человек, и больше никто. Что есть у меня, чего так хочет Билли и из-за чего Марко Форелли обратил внимание на старшеклассницу?

Я прижалась ещё сильнее к Колину, вдохнула его запах и попыталась пробудить то утешительное чувство, которое ощутила этой ночью.

Когда мы приблизились к городу, снег и час пик заставили нас медленно ползти вперёд. Там, где мы должны были свернуть на мою улицу, я покачала головой и прикоснулась к руке Колина.

— Поезжай к «Слайсу», — сказала я.

— Я должен отвезти тебя домой.

— Я должна это увидеть. Пожалуйста.

Здание было пустой оболочкой — кисловатый запах пепла и дыма был сильнее слоя снега, покрывающего обломки. Даже сейчас пожарники осматривали развалины, чтобы убедиться, что больше ничего не тлеет.

Пожарные и полицейские машины выстроились вдоль улицы, голубой и красный свет кружился над забуренными дырами, которые раньше были окнами, выходящими на улицу. Операторы местных телевизионных новостей боролись за лучшую перспективу, откуда можно было увидеть как можно больше разрушений. Не стоило им тратить на это время. Невозможно было пропустить то, что стало со «Слайсом», даже пластиковая табличка на фасаде расплавилась в неузнаваемый комок.

Я выпрыгнула из грузовика, ещё прежде, чем Колин отключил двигатель, поскользнулась на грязной, покрытой сажей куче снега и промочила ноги.

— Мисс, — сказал один из полицейских. — Вы не можете туда зайти.

— Это ресторан моей семьи!

— Слишком опасно, — сказал он твёрдым голосом и заградил дорогу, когда я попыталась прошмыгнуть мимо него.

Я обыскала толпу, в поисках моего дяди и нашла его. Он наблюдал за всей этой сценой с таким ледяным лицом, как сам ветер, дующий вдоль улицы.

— Дядя Билли?

— Мо? Доннелли ведь должен был отвести тебя домой.

— Я уговорила его приехать сюда.

Он рассеянно кивнул, а я не отрывала взгляда от суетливой активности перед нами.

— Как мама? — спросила я.

— Это разбило ей сердце, — грубо сказал он. — Дело всей её жизни превратилось в руины! Что она по-твоему должна чувствовать?

— Мне жаль, — ответила я, не уверенная, за что извиняюсь.

Он фыркнул, поднимая вверх воротник своего пальто.

— Это мне нужно извиняться, моя дорогая девочка. Я не думал, что всё примет такие масштабы.

— Колин говорит, что это были русские.

— Кто ещё способен на подобное? — он покачал головой. — Нельзя оставлять это безнаказанным.

Я посмотрела на тлеющие развалены, наблюдая, как снег превращается в серую грязь, когда ветер задувал его на то, что было когда-то моим вторым домом. Стойка, за которой я делала домашнее задание, кухня, где я научилась готовить пироги, постоянные клиенты, которых я в детстве так часто встречала, что они стали для меня скорее дальними родственниками. Всё исчезло.

Билли повернулся ко мне, его впалые, морщинистые щёки покраснели от холода. Должно быть он провёл здесь всю ночь.

— Теперь ты мне веришь? Они опасны.

— Я знаю.

— Тогда ты мне pomoжешь? Только посмотри, что они у нас отобрали. Ты pomoжешь нам вернуть это?

Я кивнула, и его улыбка была словно благословение.

— Хорошая девочка. Теперь позволь Доннелли отвезти тебя домой.

Немного дальше по улице Колин, засунув руки в карманы, прислонился к автобусной остановке и за всем наблюдал. Когда я выбирала дорогу между грязными кучами снега и лужами, каждый шаг казался мне труднее, чем предыдущий. Ноги были неуклюжими и ледяными. Я спрятала лицо в его куртке и не могла больше сдерживать слёзы, с которыми до этого момента боролась.

Когда я прекратила плакать, мои волосы намочились от тающего снега, а из носа текли сопли. Куртка Колина тоже стала мокрой, и парусиновая ткань под моей щекой была шершавой.

— Ты дрожишь! — сказал Колин.

Я бы возразила, но мои зубы так сильно стучали, что я не могла говорить. Мы как раз хотели пойти к грузовику, когда кто-то выкрикнул моё имя.

— Мо! Подожди!

Я знала этот голос. Когда я, сощутив глаза обернулась, я увидела Ника Петроса,

репортёра с моего курса журналистики. На нём была одета поношенная, синяя парка, капюшон, которой он натянул на голову, чтобы оградить себя от холода. В руке в перчатке он держал стенографическую записную книжку. Принимая во внимание покрасневший, обветренный вид его щёк, он находился здесь уже так же долго, как мой дядя.

— Я бы хотел задать тебе пару вопросов, — сказал он.

— Без комментариев, — ответила я.

Он отступил на шаг, когда Колин, заботливо обнимая меня, прошёл напролом.

— С тобой мы поговорим позже! — крикнул он.

Я не сомневалась, что он говорит серьёзно.

## Глава 41

Когда мы приехали домой, Колин и мужчина, дежурившей перед закрытой верандой, кивнули друг другу, прежде чем Колин последовал за мной во внутрь.

— Спереди стоит ещё один, — сказал он, отвечая на мой не заданный вопрос. — И так будет по крайней мере в ближайшем будущем.

С Колином я сначала тоже чувствовала себя стеснённой, напомнила я себе. Потом мы стали друзьями, и что вначале казалось так сильно обременяло меня, превратилось в товарищеские отношения.

Почему-то я не могла себе представить, что тоже самое произойдёт с новыми людьми.

— Мам?

Кухня сверкала и блестела. Все лампы горели, и все поверхности — кран, ручка холодильника, подоконники, потёртый линолеум — были начисто вытерты и безупречно отполированы, как будто их тёр кто-то одержимый.

— Обувь, — прошипела я, и Колин наклонился, чтобы снять свои рабочие сапоги, в то время, как я стряхнула с ног балетки, испорченные снегом.

Остальная часть дома была в том же состоянии. В гостиной на книжных полках не пылинки, все корешки книг безупречно выровнены в одну линию. Когда я увидела это, моё сердце сжалось, ведь это свидетельствовало о том, насколько отчаянно моя мать пытается сохранить определённый порядок.

— Мам?

— Наверху! — крикнула она.

Я нашла её, вытирающую пыль с ламп в ванной комнате.

— Ты его видела? — спросила она с красными от плача глазами и стёртыми чуть ли не до крови руками от всей этой уборки.

— Мне так жаль.

Она вытерла глаза.

— Это не твоя вина. Просто я хотела, чтобы у тебя была возможность навестить отца.

— Неважно.

Из-за угрызения совести, потому что я обманула её, у меня заболел желудок. Мне не обязательно было навещать отца. Пожар прояснил все неясные вопросы. Не имеет значения, что делал мой дядя в прошлом или какие у него были дела с семьёй Форелли, это всё же было лучше, чем русские. Я похлопала её по руке.

— Мы съездим туда в другой раз.

Она слабо улыбнулась.

— Это было бы замечательно. Ты выглядишь устало, моя дорогая. Я приготовлю какао.

— Позволь это сделать мне. Я принесу тебе чашечку.

Она ещё раз обняла меня и обхватила моё лицо обоими руками.

— Ты такая хорошая девочка.

Я быстро сняла влажную одежду, а вместо неё одела пижаму, вытерла волосы полотенцем и вздохнула, когда они непослушно закрутились в локоны.

— Как она? — спросил Колин, когда я спустилась вниз и прошла в кухню.

— Любую поверхность в этом доме можно использовать в качестве хирургического стола, — я вытащила из шкафа ковш и коробку с какао. — Так она справляется с трудностями. Подай мне пожалуйста молоко.

Благодаря его знакомой манере двигался по кухне, я чувствовала себя в ещё большей безопасности.

— Это значит, что она справится?

— Думаю да. Но она мне не скажет, будь это не так. Она пытается защитить меня.

Он прикоснулся к моим всё ещё мокрым волосам.

— Мне знакомо это чувство.

Я увидела, как от молока пошёл пар, и добавила какао и сахар.

— Хочешь чашечку?

— С удовольствием, — он наблюдал, как я наливаю какао в чашки.

— Я быстро отнесу одну наверх, — сказала я и встала на цыпочки, чтобы поцеловать его.

Его руки обхватили мою талию и крепко прижали к себе, прежде чем нежно подтолкнуть к лестнице.

Я отнесла маме какао и убедила её в том, чтобы она немного отдохнула. Когда я возвращалась к Колину, зазвонил мой телефон. Я вытащила его из кармана куртки и прочитала сообщение. Оно было от Дженни Ковальски.

«Нужно поговорить.»

Я не смогу помочь дяде справиться с Экомовым, если буду работать вместе с Дженни. А Билли не убивал Ковальски, что бы она там не думала. Если идёт война, то настало время принять какую-то одну сторону. А каким бы я была человеком, если бы приняла решение не в пользу моей семьи?

«Мне жаль», — напечатала я. «Сделка отменяется.»

Ответ пришёл почти сразу.

«Без комментариев. Так не будет продолжаться всегда.»

Мне было интересно, кто же источник Дженни, но теперь решение этой загадки внезапно стало таким ясным, как будто штифты в цилиндрическом замке с щелчком выстроились в ряд. Это Ник Петрос передавал ей информацию.

Он заговорил со мной на уроке и пригласил в любое время навестить его в офисе, если я захочу поговорить. Он в своё время писал о судебном процессе моего отца, напечатал статью о смерти Ковальски. Он недавно сказал мне напрямую: то, что знаешь и что можешь доказать — это две разные вещи. Он хотел, чтобы я добыла для него доказательства.

Я отложила мобильный в сторону, измученная, но полная решимости. Больше нечего было сказать.

## Глава 42

В среду утром Лена поджидала меня на ступеньках школы.

— Я слышала, что случилось! Ты в порядке?

— Меня там даже не было, — я убрала с лица волосы тяжёлой от усталости рукой. —

Когда мы подъехали к ресторану, пожар уже потушили.

— Твоя мать убита горем?

Я вспомнила то зрелище на нашей кухне, представшее перед моим взором час назад: горы яичницы, сосисок и картофеля, которые она приготовила к завтраку для Колина, двух мужчин, охраняющих дом и меня.

— Она чувствует себя потерянной.

Это был ясный, холодный день с температурой чуть выше нуля, и я глубоко вдохнула свежий воздух в лёгкие. Ничего не могло прогнать всё ещё сохранившийся запах сгоревшей пластики и обуглившихся кирпичей.

Этот один раз я пришла так рано, что нам не нужно было быстро бежать во внутрь, и я не торопилась заходить, потому что не хотела выслушивать вопросы одноклассников и выносить их взгляды. Казалось, Лена это понимает, и мы остановились неподалёку от ступенек в ожидании звонка. Скорее всего Колин был не в восторге, что я оставалась на улице, но у него был открытый вид на школьный двор.

— Как твой отец?

— Мы даже не доехали до него. Мой дядя позвонил из-за пожара, и мы сразу вернулись домой. Я пришла к ресторану, когда пожарные как раз заканчивали. Остальное время я провела дома с мамой.

— Вы выехали в понедельник утром, а вернулись во вторник? — спросила Лена, после того, как быстро посчитала. — Ты где-то ночевала. С Колином?

— Грузовик сломался. Когда его отремонтировали, время посещения уже закончилось.

Я не обманула, напомнила я себе. Только не упомянула, что это была магическая поломка и что за ней последовала катастрофа.

— Мы подумали, что можем пойти туда во вторник, но после того, как позвонил дядя... это всё изменило.

Она усмехнулась.

— Ты провела с ним ночь? Могу поспорить, что это тоже многое изменило.

Я почувствовала, как на щеках расцвел предательский румянец.

— Мы не...

— О, прошу тебя. Если вы этого не сделали, то не потому, что ты не хотела, — она заглянула за моё плечо, бросив взгляд в сторону грузовика. — И не потому, что не хотел он. И что будет теперь?

Я сама не знала, поэтому вернулась к единственно знакомому, что ещё оставалось.

— Первый урок, — ответила я, и мы зашли внутрь.

День прошёл, как я и ожидала. Другие выражали своё сочувствие, задавали отнюдь не ненавязчивые вопросы и распространяли по школе всё более неслыханные истории. Во время последнего звонка Лена уведомила меня, что «Слайс» был взорван контрабандистами оружия из ИРА, будто те сговорились с мафией и пытались изготовить пластиковую взрывчатку в чулане.

Даже Джилл Макаллистер принимала участие в игре, когда любезно — и громко — спросила на уроке химии, сможет ли моя мать теперь позволить себе внести плату за обучение в Св. Бригид, не говоря уже о взносах в колледж. Она слышала, сообщила она мне, будто общественные колледжи не такие дорогие. У меня не осталось энергии, чтобы



поставить её на место.

— Никаких инопланетян? — спросила я Лену, когда мы подошли к школьным дверям. — Я считаю, что в истории не хватает ещё инопланетян.

— Точно. Инопланетное вмешательство было бы изюминкой в этой истории!

Когда мы вышли на улицу, кто-то перерезал мне путь. Я подскользнулась на мокрых ступеньках и с трудом удержалась на ногах.

— Опля, — Дженни Ковальски стояла передо мной.

На ней была одета синяя шотландская юбка, которая почти, но не совсем, соответствовала нашей униформе. Она была достаточно похожа, чтобы не выделяться среди других девушек.

— Я слышала, что случилось с рестораном. Вы застрахованы?

Я уставилась на неё, разинув рот.

— Я тебя знаю? — спросила Лена.

— Нет. Нам нужно поговорить, — сказала мне Дженни.

— Я так не думаю, — ответила я. — Теперь всё изменилось.

Она покачала головой.

— Не так сильно, как ты, возможно, думаешь. Вот, — она протянула мне коричневый конверт.

Я попыталась его вернуть, но она не хотела забирать назад.

— Мне это не интересно, — сказала я.

— О, интерес ещё появится. Спроси себя, кто получит наибольшую выгоду от того, что «Слайса» больше нет. Это основные правила расследования, — она подняла руку на прощание и настойчиво посмотрела мне в глаза. — Я надеюсь, они поймают тех людей, кто в этом замешан. Очень на это надеюсь.

Она зашла за угол школы, Лена смотрела ей вслед.

— О чём вы говорили?

— Семейные дела, — ответила я, крепче обхватив конверт. — Мне так кажется.

— А что в конверте?

— Давай выясним.

Мы снова проскользнули в школу и нашли пустой класс. Я открыла конверт и разложила бумаги на одном из задних столов.

— Это отчёт об аресте, — сказала я.

Лена указала на штамп с числом.

— Это произошло в ночь взлома. Разве Колин не говорил, чтобы мы не впутывали полицию?

— Мы не обращались с жалобой в полицию.

Отчёт описывал полицейский контроль на дороге, который перерос в нарушение закона об оружии — троих мужчин остановили в четырёх, пяти кварталах от нашего дома, потому что они превысили скорость. Когда полицейский проверил права водителя, он заметил, что на всех сидящих в машине, выдан ордер на арест, обыскал автомобиль и нашёл два пистолета. Хотя те не были заряжены, но несмотря ни на что, это было явное нарушение запрета, носить оружие в городе.

— Это должно быть те типы, что вломились в ваш дом, — Лена склонилась над столом. — Видишь? Они ехали в другом направлении, покидали квартал. И это прямо после взлома. Что там в других бумагах?

— Их выписка из реестра.

Все трое были известны как шестёрки Марко Форелли.

— О нём я уже слышала, — сказала Лена. — В последнем процессе о семейных секретах. Он был тем, кто тогда легко отделался. Несколько свидетелей отозвали свои показания.

— Ты следишь за подобными делами? — удивлённо спросила я. — Я никогда не обращаю на такое внимание.

— Я слежу за всем, — сказала она. — Если типы, проникшие в ваш дом, работают на Марко Форелли, тогда это не русские.

— Они из мафии.

Я опустила на стул, всё больше соединяя в голове кусочки головоломки.

— Зачем людям твоего дяди угрожать тебе? Они ведь хотят, чтобы ты была на их стороне. Разве это не противоречит их интересам?

— Это уловка, — сказала я, и последние несколько частей встали на свои места.

Я засунула бумаги в школьную сумку.

— Мне пора идти. Пожалуйста, Лена, прошу тебя, никому не рассказывай об этом.

Она обиделась.

— А разве я когда рассказывала?

Колин мерил шагами школьный двор.

— Что всё это значит? — спросил он. — Школа уже закончилась двадцать минут назад.

— Мне нужно в «Слайс».

— Зачем?

Я хотела рассказать ему, но пока у меня не было доказательств, я не могла заставить себя открыть рот. Казалось просто безумием, что Билли и Форелли спланировали взлом и пожар, что сделали всё это, только чтобы манипулировать мной. Но Юрий Экомов никогда не считал меня угрозой, а только потенциальной союзницей.

Я представляла опасность для моего дяди из-за моей непредсказуемости и гнева. Ему нужно было как-то помешать, чтобы я не пошла наперекор его планам. Почему бы не попытаться сделать это с помощью запугивания, особенно если таким образом он мог использовать меня против своих врагов?

— Мне нужны кое-какие бумаги из офиса, если он не сгорел.

Он внимательно изучил меня.

— С тобой всё в порядке?

— Скоро будет.

Он не знал об этом. Просто не мог знать, в противном случае не беспокоился бы так сильно в ночь во время взлома. А насчёт пожара он был удивлён так же сильно, как и я. Тесс, возможно, заботилась о том, чтобы он оставался верным Билли, но Колин никогда не стал бы врать о чём-то столь важном. Теперь отношения между нами были намного лучше. Мы стали сильнее.

Должно быть Билли держал свои замыслы в секрете от Колина, и когда я осознала это, меня охватила дрожь, по причинам, которые я не вполне могла назвать.

В «Слайсе» я пробиралась через обломки. Не было никакой логики в том, что уцелело в огне, а что нет. Большой миксер, который мама использовала, чтобы мешать тесто для верхнего слоя пирогов, расплавился в шлак, но в нескольких шагах от него полочка с кофейными чашками была почти не тронутой.

Дверь, ведущая в офис, почернела, но в остальном была целой. Я попробовала повернуть ручку и зашла во внутрь. Там выглядело всё почти нормальным. На полу были лужи воды, циферблат табельных часов треснул, а в воздухе висел отвратительный запах застоявшегося дыма и мокрой бумаги, но канцелярский шкаф казался целым. Я потянула за верхний ящик. Он, как всегда, заел, прежде чем скрепя, открылся.

— Что ты ищешь? — спросил Колин.

— Подноготную информацию.

Моя мать хранила все важные документы в банковском сейфе, но где-то должна быть копия страхового полиса. Я перерыла ящик и почувствовала триумф, когда мне в руки попала папка с надписью «National Insurance Co.». Большую часть того, что оговаривалось в страховом полисе, я не поняла, но не было сомнений в том, что «Слайс» застрахован на все сто процентов, как само здание, так и фирма. Весь ущерб был полностью покрыт.

Контейнера для мусора за домом уже наполнялись, потому что строительная компания моего дяди убирала обломки. «Морген» останется закрытым по меньшей мере ещё одну неделю, пока не устроят весь ущерб, нанесённый дымом и водой.

Я могла бы поспорить, что Билли тоже застрахован. Страховая компания заплатит строительной компании моего дяди за то, что та отремонтирует его бар и без сомнения, он запросит сумму по самым высоким ценам. Да он сможет на этом озолотиться. Мне стало плохо при мысли, как легко ему удалось одурачить меня.

— Полиция что-нибудь сказала о том, кто виноват? У них уже есть доказательства? — спросила я Колина.

— Сейчас они подозревают Экова. Это соответствует его обычным методам, и это не секрет, все знают о том, что он пытается пустить здесь корни.

— Значит они не предполагают, что это мог быть Билли?

Он нахмурился.

— Зачем ему поджигать «Слайс»? Он не нуждается в деньгах, а сумму от страховки получит твоя мать. Я же тебе уже говорил, что ситуация обострилась.

— Это обман, — я засунула бумаги от страховки в сумку. — Билли хочет избавиться от русских, не так ли?

— Но для этого будет недостаточно пришить им дело о поджоге.

— Нет, но это помогло бы, точно так же, как повесить на них убийство Верити. Он получит сумму от страховки. Отмоет деньги через строительную компанию. И получит меня, злую как чёрт и готовую помочь ему разобраться с русскими.

— Но сжечь ресторан твоей матери..., — он отстранился от двери. — Это серьёзное обвинение. Он никогда не причинил бы тебе вреда.

— А ему и не нужно причинять вред, а только напугать меня, — я изо всех сил задвинула ящик. — Я пойду туда.

Его рука обхватила мою.

— Снаружи кто-то есть. Оставайся там, где стоишь.

Он выскользнул из комнаты, положив руку на кобуру, и закрыл за собой дверь. Ожидание — больше не моя сильная сторона, поэтому примерно пятнадцать секунд спустя я подкралась к двери и прислушалась, но голоса были приглушёнными. Я приоткрыла дверь и вышла, чтобы на цыпочках прокрасться за угол.

— Ты и вправду всегда появляешься в самый дерьмовый момент, ты знаешь об этом? — спросил Колин.

— Это не моё расписание, — ответил Люк.

Преисполненная решимости не позволить ему сбить себя с толку, я появилась из-за угла.

— Что ты здесь делаешь?

— Я должен был увидеть тебя, — он разглядывал то, что осталось от «Слайса». — Это не совсем то, что я ожидал.

— Это был день полный сюрпризов.

Он толкнул носком сапога кучу обломков.

— Выглядит плохо. И пожар начался не естественным путём.

— Я это осознаю.

— Вот здесь был поджог, — сказал он, указывая на место рядом с прилавком. — И там..., — он показал на кассу. — И здесь сзади, — на кухонный гарнитур, где мы выполняли большую часть приготовлений.

Когда я подняла вверх брови, он пожал плечами.

— Это огонь, Мышонок. Когда дело касается огня, нет почти ничего, что я не смог бы интерпретировать.

— Что ещё ты можешь установить? — спросил Колин.

— Они устроили пожар так, чтобы огонь распространялся вдоль внешних стен, а внутренние оставил нетронутыми. Они также удерживали его подальше от газопроводов, так что остальная часть здания не взорвалась. Огонь нанёс большой ущерб за короткое время, но был очень целенаправленным, — он прикоснулся к обугленной крышки стола и потёр сажу между пальцев. — Раз мы уже заговорили об ущербе, пора иди, чтобы компенсировать другой.

— Я занята.

— Ты хочешь на меня злиться? Тогда давай злись. Но магия исчезает. Ко концу дня её почти больше не останется. Если ты сейчас не пойдёшь со мной и не восстановишь её, то Кварторы скажут, что ты нарушила соглашение. И тогда ты умрёшь.

Я скрестила руки на груди и уставилась на него.

— Если они убьют меня, то я не смогу восстановить магию.

— Тогда ты умрёшь, — повторил он. — И кто тогда поможет Констанции? Она девочка, которая нуждается в помощи, независимо от того, преуспеем мы или нет.

Я почувствовала, как моя решимость начала рушиться и бросила взгляд на Колина, он насупился и засунул руки в карманы.

— Ты возьмёшь меня с собой, — сказал он.

Я вздохнула.

— Мы же уже говорили об этом.

— Ты сказала, что не сможешь избавиться от этих людей. Ты так сказала. Но ты не можешь ожидать от меня, что я буду сидеть сложа руки, пока ты рискуешь своей жизнью, — он положил мне руку на затылок. — Они не единственные, от кого ты не сможешь избавиться, ясно?

— Ясно, — прошептала я и почувствовала, как уголки моих губ приподнялись вверх.

Люк нахмурился.

— Он будет только мешать.

Колин пожал плечами.

— Если ты будешь оберегать её, то даже не заметишь, что я там.

— Ты этого хочешь? — спросил Люк. В его голосе не слышалось колкости, только обида и смирение. — Ты уверена?

— Уверена.

Он схватил меня за запястье.

— Тебе знаком манёвр, — у меня почти не осталось времени, чтобы схватить Колина за руку, прежде чем он открыл дверь в Межпространство и рывком протянул нас через него.

Доминик нахмурился, когда мы вышли на мраморной сцене Аллеи.

— Безбилетный пассажир, сын?

— Он со мной, — пролепетала я, борясь с обмороком, одолевающим меня. Я почувствовала нежную руку на моём плече. Это была Маргарет, которая советовала мне хорошо дышать.

— Думай о пророчестве, — прошептала она. — Магия ищет тебя. Объединись с ней, тогда найдёшь свой путь.

Я заморгала, потому что её лицо расплылось. На одно мгновение мне показалось, будто её глаза снова стали молочного цвета, но потом мой взгляд внезапно прояснился, а её глаза снова были ясным и слепыми.

— Он не может остаться, — как раз говорила Орла, возмущённо стукнув по земле тростью. — Он... он...

— Мы так решили, — сказал Люк.

Я тяжело опиралась на руку Колина. Он смотрел на Кваторов.

— Что с ней не так?

Люк ответил:

— Её тело не переносит магию.

— Чёрт, тогда исцели её, — приказал Колин.

— Нет.

Я с трудом пришла в себя. Колин и Маргарет помогли мне.

— Мне уже лучше.

— Ты знала об этом заранее? — спросил Колин. — Почему ничего не рассказала мне?

— И что бы ты тогда сделал? Я же уже говорила... Ты не можешь защитить меня от всего.

Я вытерла рукой струйку крови, текущую из носа и огляделась. Край сцены раскрошился. Пышные зелёные тропинки вокруг неё были взбудоражены, как на строительной площадке, а земля покрыта ветками деревьев.

— Это сделала магия?

— Сумрачные внесли свой вклад, — сказала Орла. — Когда высвободилась вся эта магия, они набросились на Аллею. Но больше они не вернуться. Четыре Линии, которые граничат с Аллеей, стали слабыми и больше не заслуживают их внимания.

— Мы сможем получить доступ к одной из них? — спросила я Паскаля. — Мне не нужны все четыре, но способ проникнуть во внутрь.

— Для этого их будет достаточно, да. Не забудь прибегнуть к таланту Люка, чтобы ты была настроена на все четыре элемента, — ответил он.

Люк подошёл ко мне. Я кивнула, в то время как Колин отвёл Маргарет на другую сторону сцены.

— Это ничего не изменит, — сказала я ему.

— Я ещё никогда не желал так сильно, чтобы ты ошибалась, — ответил он и прижал свою ладонь к моей. — Готова?

Я ради Колина попыталась изобразить на лице мужество.

— Готова.

В то время, как другие наблюдали за нами, Люк призвал одну из Линий, граничащих с Аллеей. Огонь потрескивая, проснулся к жизни, и наша связь натянулась. Я закрыла глаза, пробираясь ощупью к сетующей энергии и приготовилась испытать шок от прикосновения. Я ожидала, что почувствую, как Люк поддержит меня своим присутствием, когда я окунусь в неё. Вместо этого он протиснулся мимо и загородил мне дорогу.

— Что ты делаешь?

Он не ответил, и сосредоточившись, прикусил нижнюю губу, когда протянул руку к пылающей Линии. Я почувствовала, как он использовал нашу связь, и моя энергия потекла в него. И когда он начал вбирать в себя магию, его тело затряслось от судорог.

Теперь я знала, что он испытывал каждый раз, когда я прикасалась к грубой магии.

Я с ужасом наблюдала, как магия начала разбирать его по кусочкам, чтобы потом заново собрать.

— Люк! Так не должно быть!

Это должна быть я.

Это я была той, с кем соединилась магия. Я была той, к кому относилось пророчество. Он пытался отпустить меня, проявив безрассудное благородство, чтобы занять моё место.

Он был мокрым от пота, а его кожа так сильно обтянула кости, что я увидела, как выступили вены на висках. Сухожилия на шее напряглись, и я могла чувствовать его сердцебиение рядом с моим собственным, когда оно так быстро превысило разумную скорость и с каждой секундой становилось беспокойнее и слабее.

— Прекрати!

Он просто не продумал это основательно. Всегда, когда я имела дело с Линиями, его сила укрепляла меня. Он предположил, что мы сможем обратить процесс, но ведь я не могла поделиться с ним магией. Это никогда не сработает.

Я рванула за руку и попыталась прервать его контакт с Линией, но мне не хватило сил. Через нашу связь я чувствовала, как магия с жадностью тянется ко мне, и чуть не отпустила его. Магии не нужен Люк. Она, чтобы добраться до меня, прожжёт его насквозь и ничего от него не оставит.

С другой стороны сцены столпились в кучку Кварторы. Лицо Доминика выдавало его собственный голод. Колин стоял рядом с Маргарет и быстро ей что-то говорил. Несомненно, описывал что он видит, а она объясняла значение увиденного.

— Колин! Убери отсюда Люка!

Он не стал задавать вопросов и не колебался. Он бросился к нам и пригнувшись обрушился на Люка, так что сила удара вырвала их обоих из пылающей Линии.

Они заскользили по мраморной сцене. Доминик что-то закричал и схватил Паскаля за руку, но я не стала ждать, чтобы выяснить, что происходит.

Я окунулась в магию, и все остальные исчезли.

## Глава 43

Мне известно следующее: я знаю, что правда — это что-то безжалостное и горькое. Я знаю, что любовь проявляется в стольких же формах, сколько существует людей и не все из

них хорошие. Я знаю, что тайны это ложь, которую ещё не рассказали. Я знаю, что у каждого действия есть своя цена и что принятие собственной судьбы — это первый шаг к её осуществлению. Я знаю, что люди уже слишком часто выкупали мою жизнь своей собственной. Когда-нибудь за такое одолжение придётся платить.

Как только я вошла в магию, не защищённая ничем кроме собственной силы воли, я узнала кое-что ещё: магия жива.

Она уже всё это время была живой, но до сих пор я этого не понимала.

То, что я принимала за жадность было одиночеством, стремлением к общности, а её буйство было паникой, которая выражалась в форме насилия. У магии не было никого, с кем она могла бы поговорить или попросить о помощи. А теперь у неё была я, что я находила самой ужасной, что ни на есть, иронией. Магии нужен был голос и она выбрала девушку, которая всю жизнь боялась открыть рот.

На уроке биологии учишься тому, как функционируют клетки. Узнаёшь всё о клеточной мембране, цитоплазме и ядре, о всех связанных друг с другом процессах на микроскопическом уровне, которые делают жизнь возможной.

Но это всего лишь названия изображений, которые остаются бессмысленными до тех пор, пока не разберёшь их шаг за шагом, и именно это делала теперь магия со мной. Когда я в последний раз открылась магии, она сделала меня всемогущей, по крайней мере, на какое-то время.

Я знала всё, видела расстеленный передо мной мир, как огромную, красивую карту, которую я могла пройти вдоль и поперек, как вздумается. Тоже самое случилось и теперь: понимание вспыхнуло во мне и осветило вселенную. Но когда я изо всех сил пыталась понять магию, она делала тоже самое со мной, проникала в каждую стенку клеток и каждую ниточку ДНК, сливаясь со мной. Я начала задыхаться, когда давление усилилось, как будто в моем теле было недостаточно места для нас обоих.

Точно так же, как во моём сне, я скользнула под поверхность магии, утопая на суше, а потом появился Люк и дал мне подъёмной силы, так что давление на лёгкие ослабело, и я смогла сделать один единственный вдох.

Сила Люка объединилась с тем, что от всей своей жизни перенесла на меня в переходе Верити, и я вспомнила совет Маргарет: прислушайся. Я перестала сопротивляться и наконец прислушалась к тому, что магия пыталась мне сказать. Я больше не могла оставаться чужаком. Не достаточно было быть каналом, нейтральной стороной. Если хочу выжить, то я должна отважиться и окунуться с головой.

Так я и сделала. Я отдалась магии, позволила ей сказать, чего она хочет. Паскаль сравнил её с кровеносной системой, поэтому я пробиралась сквозь Линии, ища разрыв в сердце магии. Моё тело всё ещё находилось на Аллеи, но сознание распространилось вдоль Линий и тянулось так же далеко, как магия.

Её сила вытекала в виде пульсирующего, переливающегося сияния. Пока я наблюдала, мои собственные силы убывали, и я прибегла к силе Люка, чтобы удержаться на ногах и в равной степени положила на его талант и его решительность. Так глубоко внутри источника, желание было тоже самое, что и действие, и так я заговорила с магией, завлекла её назад в пульсирующее сердце, в моё сердце.

Я запечатала трещину с помощью могущественных слов, которые так легко произносил Люк. Когда они срывались с моих губ, то казались чуждыми и серебристыми, и я знала, что мне не суждено запомнить их.

Несмотря на могущество, проходящее через меня, моё тело было истощено. Магия немного заморгала, когда из-за приложенных мной усилий я совсем ослабела. Я ушла в себя, и почувствовала, как магия льётся по Линиям в такт с моим сердцем. Идеальная связь.

— Мышонок? — позвал Люк, как только я открыла глаза и посмотрела на него. — Ты ещё там?

— По большей части, — сказала я, и Колин бросился к нам.

Я ещё успела улыбнуться ему до того, как потеряла сознание.

## Глава 44

Кто-то посветил мне лампой в глаза. Я отбросила её в сторону и поморщилась.

— Думаю, она оправилась, — сказал кто-то.

— Ей нужен врач, — объяснил Колин таким тоном, который предвещал, что я буду не единственной нуждающейся в медицинской помощи, если быстро не вызовут врача.

— Ты хочешь увидеть мою лицензию? — спросил Паскаль.

Она не ранена, — сказал Люк. — Только устала, вот и всё.

Пальцы Колина переплелись с моими.

— Ты уверен?

Связь с Люком тихо загудела на моей коже, когда он проверял.

— Определённо. Просыпайся, спящая красавица, если только конечно ты не ждёшь поцелуя, — он направил в нашу связь ещё один дополнительный толчок, и я открыла глаза.

— Придурок.

— Видишь? — обратился он к Колину. — Такая же сварливая, как всегда.

Колин проигнорировал его.

— Ты действительно в порядке?

— Просто ужасно устала. Три или четыре дня сна, и всё будет в порядке.

Его улыбка не коснулась глаз, и я знала, что обсудить нужно будет намного больше, но, пока была такой уставшей и в тоже время возбуждённой, не хотела этого. К тому же нужно ещё позаботится о Кварторах.

Они стояли в стороне, внимательно наблюдали и вышли вперёд, только когда Колин потребовал, чтобы Люк перенёс нас домой.

— Я выполнила соглашение, — сказала я, обращаясь к ним. Больше они не пугали меня. Они были мне ровней. — Теперь вам, в любом случае, нужно будет помочь Констанции.

— Конечно мы поможем, — ответил Доминик. — Если не возражаешь, не могла бы ты рассказать, что там случилось.

— Вы соврали, вот что случилось, — сказала я любезно.

Из всех троих Паскаль был единственным, кто смотрел на меня с чем-то вроде признания.

— Вы вовсе не хотели, чтобы я создала новые Линии. Это был только предлог, чтобы заставить меня войти в магию и слиться с ней. Испытание Паскаля на поле для гольфа показало, что я не могу остановить этот процесс без посторонней помощи, поэтому вчера вы приказали Люку оставить меня в узловой точке магии в ловушке. Но для выполнения соглашения в этом вовсе не было необходимости. Вы трое пытались лишь сохранить своё положение.

Голос Люка был режущим, как нож.

— Что?



— Должно быть вас охватила паника, когда вы поняли, что Плоская — единственный человек, который может влиять на Линии. Что, если вы не сможете контролировать меня? Что, если остальные Дуги узнают об этом? Тогда они, возможно, поверят, что Антон прав и время Кваторов истекло. Если бы я была заперта в сердце магии, вам больше не пришлось бы волноваться. Всё осталось бы, как прежде. Вы привели меня на похороны, потому что надеялись, что это вызовет прорыв магии. Когда стольким людям предстояло использовать свою силу, можно было предвидеть, что магия попытается поглотить меня.

Когда Антон нарушил церемонию, вы всё же решили загнать меня в магию. Было бы бессмысленно отказываться от такого прекрасного плана. Должно быть вы были в восторге, когда Констанция потеряла самообладание и таким образом высвободила грубую магию, — боже мой, мне стало плохо при мысли, как легко я поддаюсь манипуляции, да ещё два раза подряд — сначала меня обманул Доминик, а потом Билли.

Такого никогда больше не случится.

Лицо Доминика ожесточилось.

— Мы не запланировали, что ты струсил.

— В самом деле? Думаю, как раз-таки запланировали. Поэтому приказали Люку оставить меня там. Вы сказали ему, что пророчество утверждает, будто мы выживем, так что меня спокойно можно бросить. Вы использовали его веру в судьбу, потому что знали, что он не сможет ничего противопоставить этому аргументу. Должно быть вы были ужасно шокированы, что он оказался таким порядочным человеком.

— Ты приняла соглашение, — сказал Доминик. — Можешь выдвигать сколько угодно предположений, но мы только хотели убедиться в том, что ты выполнишь условия сделки.

— Чтобы выполнить условия соглашения, я должна была только восстановить магию. В соглашение ничего не говорилось о том, чтобы помочь вам.

Он пожал плечами.

— Здесь мы называем нечто подобное лагниапп. Небольшая дополнительная услуга.

— Я называю это лицемерием. Соглашение теперь выполнено, Доминик. Я больше ничего вам не должна. Новая игра. Новые правила.

— Но... Антон. Серафимы, — залепетала Орла. — Ты ведь не хочешь, чтобы они победили!

Маргарет вышла вперёд, держась за Люка.

— Прекратите. Вы все. Ей пришлось много вынести и она права. Оставьте её в покое. Ты совершила храбрый поступок, Мо. И ты спасла моего сына, — она понизила голос. — Я думаю, что ты изменилась.

— Да.

— Я однажды сказала тебе, что судьба не призывает того, кто не достоин. Теперь это относится к тебе больше, чем когда-либо.

— Думаю, я должна поблагодарить.

Я скользнула взглядом по руинам Аллеи, задаваясь вопросом, сколько понадобится магии, чтобы исправить разрушения. Я полагала, что Орла будет управлять восстановительными работами и следить за сохранением традиций и этикета. В дальнем конце одной из дорожек что-то двигалось между деревьев, и я вытянула шею, чтобы разглядеть получше.

Антон. Вместо плаща на нём был одет тёмный костюм и он небрежно засунул руки в карманы брюк. Интересно, сколько он услышал и сколько из всего этого понял. Он ждал,

пока не убедился в том, что я увидела его, а потом, как бы между прочим, поднял вверх руку в прощальном жесте — это был жест, говорящий «увидимся», а не «прощай». Я знала разницу.

— Ты можешь перенести нас домой, пожалуйста? — спросила я Люка.

Он сделал это без единого слова и высадил нас на стоянке перед «Слайс».

— Пойду схожу за грузовиком, — сказал Колин.

Когда мы остались одни, Люк нерешительно спросил:

— Тебе не плохо?

— Нет, — теперь, когда магия нашла во мне своё место, меня больше не разрывало, когда я перемещалась через Межпространство. — Я чувствую себя хорошо, по-другому, но хорошо.

— По-другому — это ещё слабо сказано, — сказал он. — Даже моя мать смогла это увидеть.

Я бросила взгляд на развалены ресторана. Возможно я и восстановила магию, но предстояло ещё многое сделать.

— В другой раз, Люк.

Он выглядел разочарованным, особенно когда вернулся Колин и взял меня за руку. А потом он вызывающе посмотрел мне в глаза.

— Можешь в этом не сомневаться.

## Глава 45

Мы много не разговаривали, когда Колин взял меня с собой в свою квартиру, которую он построил на старом складе, оборудовав её в полу мастерскую, полу апартаменты. Со стороны улицы она была достаточно обветшалой, чтобы обеспечить анонимность, и не привлечь сквоттеров или вандалов. Внутри она была именно такой, как я научилась ожидать от Колина: простой, но удобной. Никаких предметов декорации, ничего личного, кроме книжных полок, на которых стояли американские классики и множество рассказов.

Дровяная печь находилась в одном углу, силовая скамья рядом с боксёрской грушей в другом. Я следила за тем, чтобы не смотреть в сторону двери в спальню. Я беспокойно спала там только один раз, в то время как Колин кимарил на диване. При этом воспоминании мой желудок затрепетал.

— Ты голодна? — спросил он, когда убрал свой пистолет в запираемый шкаф.

— Вообще-то нет. Но я устала.

Он пересёк комнату, его шаги были хорошо слышны на цементном полу, и остановился менее, чем в тридцати сантиметрах от меня.

— Думаю нужно отвезти тебя домой.

— Это последнее место, где я хочу сейчас находиться. Я должна ещё придумать, что сказать маме.

Он нахмурился, взял мой шарф в руки и потёр между пальцев. У меня перехватило дыхание. В комнате было так тихо, что я слышала, как трётся ткань о его кожу. Он медленно разматывал шарф с моей шеи и коснулся костяшками пальцев горла. Когда добрался до последней петли, он положил шарф на диван и взял меня за руку в перчатке.

Я никогда не замечала, какими большими были его руки. На фоне его притуплённых, угловатых кончиков пальцев мои казались крошечными. Он осторожно и не спеша снял с меня перчатки. Когда он стянул вторую, у меня закружилась голова от желания,

поднимающегося вдоль внутренней стороны ног и поясницы. Колин подошёл ближе, провёл руками по внешней стороне моей куртки и засунул перчатки в карманы, прежде чем снова вернуться к пуговицам.

Я закрыла глаза. Серьёзность его лица потрясла меня. Я чувствовала рывок и то, как пуговица выскальзывает из петли, когда он расстёгивал их одну за другой. Под куртку проник холодный воздух, но мне всё ещё было лихорадочно-жарко. Колин снял мне куртку с плеч, так что её вес внезапно исчез и в то время, пока он бросал её на диван, мне казалось, будто я парю.

А потом он так крепко прижал меня к себе, что из лёгких вышел весь воздух. Я запрокинула голову, и увидела Колина прямо перед собой, он смотрел на меня своими тёмно-серыми, трепетными глазами. Форма его губ была мягкой и приглашающей, а поцелуй казался таким правильным, как будто я вернулась домой.

Мы долго не двигались. Было так много всего, что я хотела ему сказать, но мне не хватало слов, да это и не имело значения. Пламя продолжало во мне разгораться из-за магии, моего триумфа и его прикосновений.

Я осуществила невозможное. Идея, что у нас есть с Колином шанс — настоящий шанс! — больше не казалась мне сумасшедшей.

Теперь, когда я знала правду о Билли, соотношения сил изменилось. Я помогу Нику Петросу и Дженни уничтожить его.

Колин будет свободен. Мы заберём Тесс с собой в Нью-Йорк, устроим её там, где-нибудь и начнём всё заново. Я была настолько довольна собой, что прямо-таки мурлыкала.

— Ей, — сказал Колин, проводя след из поцелуев от моих губ к челюсти. — Куда ты пропала?

— Я здесь. С тобой.

Он немного отступил, разглядывая меня.

— Сегодня вечером ты напугала меня до смерти.

— Больше не думай об этом, — сказала я, встала на цыпочки и прикусила ямочку на плече. — Ведь теперь всё хорошо.

Он отстранился.

— Но это ещё не конец.

— Нет. Магия часть меня. Или я часть магии. Трудно сказать, — казалось он не разделял моё веселье, и я вздохнула. — Если ты действительно хочешь поговорить об этом...

— Нам явно нужно обсудить эту тему.

— Мы можем по крайней мере сесть?

Я плюхнулась на потёртый, синий велюровый диван и положила голову ему на грудь. Биение его сердца наполнило меня спокойной радостью.

— Всё это время магия причиняла тебе проблемы, — сказала он. — Поэтому Люк не брал тебя с собой в Межпространство.

— Моё тело не могло справиться с ней. Но теперь она больше не будет вредить мне. Теперь мы понимаем друг друга, — чувство удовлетворения наполнило меня, подтверждая мои слова.

— Ты и магия, — в его голосе явно слышался скепсис.

Я не хотела высказывать мою теорию по поводу того, что магия — это живое существо, потому что сама плохо её понимала.

— Ты соврала, — сказал он. — А я по опыту знаю, что ты не особо любишь врать.

— Я просто не рассказала тебе об этом. Это не одно и то же.

— В последнее время у тебя полно тайн.

Безмятежное чувство защищённости, казалось, постепенно исчезает.

— Какие например?

— Помимо магии? А что с твоим источником? Тем, что обеспечивает тебя информацией?

Я выпрямилась. Воспоминание о папке Колина заставило меня вздрогнуть.

— У тебя тоже есть тайны. Ты собираешься рассказать мне, что у Билли есть против тебя? Откуда у тебя эти шрамы?

Прошу, упрашивала я про себя, скажи мне, чтобы я перестала делать вид, будто ничего не знаю. Чтобы я могла удостовериться, что ты доверяешь мне так же, как я тебе. Пожалуйста, расскажи мне, тогда я позабочусь об этом и всё исправлю.

Но он не рассказал. Вместо этого отодвинулся от меня, как раз достаточно, чтобы показать, что его прошлое остаётся и дальше табу.

Этот жест причинил мне боль, и мне в свою очередь инстинктивно захотелось сказать что-то обидное, но потом я подумала о Тесс и о том, как её и прошлое Колина прилипло к их повседневной жизни, как ракушки к корпусу корабля, и сдержалась.

— Я ничего не имела бы против, — в конце концов сказала я и вложила свою руку в его, наслаждаясь тем, как они выглядят вместе. — Твоё прошлое — это часть тебя, не так ли? А я хочу тебя всего Колин, не только твои хорошие стороны. Я хочу все.

Он поднёс наши переплетённые руки к губам, а я придвинулась ближе к нему. Что-то в его выражение лица и в посадке плеч расслабилось. Он сделал глубокий вдох, как будто хотел что-то сказать, как вдруг загудел домофон.

Он выпустил мою руку и так резко встал, что я упала.

— Кто там?

Кто бы не стоял за дверью, это ничего хорошего не предвещало. Колин очень хорошо следил за тем, чтобы никто не знал где он живёт.

Неожиданные посетители означали неприятности.

Он прошёл к домофону, нажал большим пальцем на кнопку и уставился в небольшой видеомонитор.

— Что?

— Доннелли. Впусти нас, чувак. Мы отморозили здесь снаружи задницу!  
Без Колина, сидящего рядом, я замёрзла и закуталась в шерстяное одеяло.

— Кто это?

— Люди Билли.

— Ты давал им свой адрес?

Он покачал головой.

— Чего вам надо?

— Мы хотим поговорить с тобой, вот и всё, — в домофоне зашумело.

Колин внимательно смотрел на монитор.

— Сейчас не самое лучшее время.

— Нас послал Билли. Мы не можем уйти, пока не передадим сообщение.

— Мо, — сказал Колин спустя мгновение странным, невыразительным тоном. — Иди в спальню. Не выходи из неё, пока я не скажу.

— Что? Нет.

Голос снова затрещал из громкоговорителя и в этот раз звучал нетерпеливо.

— Впусти нас, чувак! Мы пытаемся быть вежливыми. А можем и иначе.

— Дайте мне минуту, — сказал он и схватил мою куртку и шарф. Он стащил меня с дивана и начал засовывать мои руки в рукава. — Иди в спальню. Там возле задней стены есть шкаф, большой, из вишневого дерева. Я хочу, чтобы ты забралась в него и закрылась изнутри. Поняла?

— Этих типов послал Билли.

— Да.

— Они хотят поговорить. Так они сказали, что у них есть для тебя сообщение.

— Они здесь не для того, чтобы говорить. Ты должна спрятаться. Не выходи, пока не будешь уверена в том, что они ушли.

— Это безумие, Колин. Поговори с ними. Дай мне с ними поговорить. Они не причинят мне вреда...

Раздался глухой стук, как будто кто-то колотил в дверь, и снова задребезжал звонок, в то время как Колин отводил меня в спальню.

— Доннелли, не делай ещё хуже!

— Немедленно Мо. Кто-то видел нас и выдал. Билли всё знает.

— Я позвоню ему, — я начала рыться в сумке. — Я всё исправлю.

— Ты не хотела, чтобы я смотрел, когда ты была занята с магией. Ты не могла позволить себе отвлечься.

Я начала дрожать, и он продолжил:

— Я не смогу выбраться отсюда живым, если мне придётся защищать ещё и тебя.

— Ты вообще сможешь выбраться?

— Я попытаюсь. Но ты должна спрятаться. Тебе не стоит на это смотреть.

— Колин...

— Я знал, что нам не следует этого делать. Я знал на какой иду риск, — он нежно чмокнул меня. — Поступки и последствия. И ты того стоила. Каждая проведённая с тобой секунда.

Он подтолкнул меня к шкафу, когда из мастерской раздался приглушённый треск.

— Иди! — сказал он и прикрыл за собой дверь.

Я залезла в шкаф, как он и сказал, и закрыла дверь. Шкаф пах Колином, опилками и стиральным порошком, и я зарылась лицом в изношенный фланель его рубашек.

Потом ощупью добралась до задней стены и крепко прижала руки к гладкому дереву. Он сам смастерил это шкаф. Я попыталась представить в темноте, как его руки прикасались к доске и мягкими, целенаправленными движениями покрывали лаком. Я ничего не слышала, кроме шуршания его одежды и моего панического дыхания и попыталась приспособить дыхание к ритму воображаемых мной движений, с которыми Колин шлифовал доску.

Он сказал мне, что я должна запереть дверь. Я потянулась к засову, но, когда мои пальцы коснулись его, я замерла. Колин был там снаружи, и из-за меня в смертельной опасности. Потому что я домогалась его, хотя он просил не делать этого. Я обрабатывала его так долго, пока он не сдался, точно так же, как вода может превратить камень в песок, а теперь всё рушилось. Это только моя вина, и сейчас я сидела здесь в шкафу, бессильна что-либо сделать.

Только я ведь не была бессильной. Глубоко внутри себя я дотянулась до магии и

почувствовала гудение, которое уже так хорошо знала, что почти не замечала.

— Ну же, давай, — прошептала я и попыталась вызвать Линию. В ответ магия немного завибрировала, но не было потрескивающего потока, который я могла бы использовать для моих целей, никакой энергетической волны, которую я смогла бы направить против парней, охотящихся за Колином. — Ну же, чёрт!

Я почувствовала, как сила заскользила по моим венам и обмотала меня как лоза. Связь была такой же сильной, как в тот момент, когда образовалась, но что бы я ни делала, я не могла её использовать. Мне казалось это таким несправедливым, что хотелось кричать — вся эта сила, и никакого шанса помочь.

Из гостиной доносилось бормотание. Голоса замолкли, а потом раздался глухой удар и стон, отвратительный звук кулака, бьющего по плоти. Я ещё вовремя закрыла рот рукой, прежде чем из горла вырвался крик. Я услышала звон бьющегося стекла и ещё больше глухих ударов и поникла.

Магия не спасёт меня и Колина тоже. Он даже не попытался бежать, и на одно мгновение я на него разозлилась. Но куда ему идти? Тесс была здесь. А Колин был достаточно порядочным, чтобы верить в то, что должен заплатить, потому что злоупотребил доверием Билли.

У меня не было такой проблемы. Я не доверяла Билли, а он не доверял мне, и если Колин не хочет спасти себя сам, то это сделаю я. Без магии.

## Глава 46

Я приоткрыла дверь шкафа и выползла, при этом стараясь игнорировать звуки из соседней комнаты. Я должна сохранять хладнокровие. Пистолеты Колина лежали в гостиной в шкафчике. Но он точно не будет спать ночью без защиты, без оружия, до которого смог бы быстро и легко добраться. Где он мог его спрятать?

Я бросилась через комнату, выдвинула ящик из прикроватной тумбочки, стоящей рядом с кроватью, но ничего не нашла. Тоже самое было и со второй прикроватной тумбочкой. Под кроватью? Я опустилась на пол и заползла под кровать, но и там ничего не нашла, кроме комков пыли и старого издания Уолдена.

Он должен находится где-то поблизости. Я попыталась представить, как Колин спит здесь, и на него напал грабитель. Первым делом он бросится на пол, так, чтобы кровать оказалась между ним и дверью. Я встала на колени и была рада ковру, который защищал мои колени от цементного пола.

Однажды Колин рассказал мне, что цементировал пол сам. Он был очень горд — как же типично для мужчины так из-за этого восторгаться! Мне не хватило духу сказать ему, что пол был ужасно твёрдым и ледяным.

Не было места, где можно было бы что-то спрятать. Под матрасом ничего не лежало, и на этой стороне не было мебели, не считая прикроватной тумбочки, которую я уже проверила. Я снова скользнула под кровать и попыталась посмотреть, приклеил ли он пистолет к нижней части изголовья, но и там ничего не оказалось. Я вылезла из-под кровати, сдвинув при этом ковёр.

И поняла, где он. Неудивительно, что он так гордился. В полах был вырезан квадратный кусок цемента и снова вставлен. На поверхности имелись выдолбленные выемки, так чтобы его было легче поднять. Я подковырнула пальцами, и квадрат со скрежетом отделился от пола. Под ним находилось углубление, содержащее пистолет и несколько пуль.

Мои руки дрожали, когда я вытаскивала его, почувствовав кончиками пальцев масляный металл. Я понятия не имела, как им стрелять.

Я даже не знала, заряжен ли он. Когда мы познакомились, я так долго надоедала Колину, говорила, что обязательно должна научиться защищать себя саму. Он отмахнулся от этой идеи. Теперь, когда моё мнение подтвердилось, это должно было принести больше удовлетворения, но звуки из соседней комнаты становились всё хуже. Я слышала, как Колин стонет и кашляет, влажный звук, не предвещающий ничего хорошего.

Может он работает точно так же, как фотоаппарат: направить и выстрелить. А может и стрелять не придётся. Я действительно очень надеялась, что не нужно будет стрелять.

Никто ничего не заметил, когда я прокралась в гостиную. Я ухватилась за пистолет, как видела по телевизору и направила его на более здорового из двоих парней, на того, кто как раз пинал Колина по рёбрам.

— Оставьте его в покое.

Даже в моих ушах голос прозвучал слабо, незначительно посреди всего этого насилия, но его было достаточно, чтобы заставить мужчин повернуться ко мне. Они уставились на меня. Колин лежал с разбитым лицом на полу. Из рваной раны над глазом текла кровь, но не смотря на всё это, он ухитрился одарить меня гневным взглядом.

— Прекратите немедленно, — потребовала я, и, хотя я не могла использовать магию, я всё же опиралась на неё, чтобы не позволить голосу оборваться от волнения. Присутствие магии напомнило мне, что я была больше, чем видели эти мужики, больше, чем видел кто-либо, и понимание этого позволяло мне непреклонно целиться. — Не прикасайтесь к нему больше. Встаньте вон туда. — Я движением головы указала в сторону двери. — Встаньте туда и не двигайтесь, в противном случае я застрелю вас, клянусь Богом!

Здоровый мужик повернулся ко мне.

— Ты племянница Билли? Боже мой, Доннелли, да у неё даже нет приличной..., - он сделал непристойный жест, показывая грудь.

Я перебила его.

— Эй! Лучше тебе не оскорблять девушку с пистолетом в руке!

Тот, что поменьше подал голос:

— Дитя, убери это, пока не причинила себе вреда.

— Вряд ли. Колин, ты в порядке?

Он застонал, но стон вскоре перерос в кашель.

— Мо...

Я встала перед ним на колени.

— Тебе нужно в больницу?

— Не в больницу, — выдохнул он. — Ты же должна была спрятаться.

— Мне не понравился этот план.

Здоровяк сделал шаг вперёд, и я направила ствол пистолета на него.

— Я правда застрелю тебя. И даже не буду об этом сожалеть.

Он сделал ещё один шаг.

— Детка, ты никого не застрелишь. Ты на это даже не способна.

Я напрягла локоть, так, чтобы пистолет не дрожал, когда вставала.

— Ах нет? Я племянница Билли Греди, ты тупица! Ты только что причинил боль тому, кого я люблю, — я переместила пистолет и встала, широко расставив ноги, как видела делает Колин. — Ты постепенно начинаешь замечать семейное сходство?

Он поблел.

— Конечно. Мне жаль. А так же... э..., - он беспомощно помахал руками. — То замечание.

— Мы ведь только сделали то, что требовал от нас Билли, — заскулил второй.

— Где он сейчас? В «Морган»?

Они обменялись взглядами.

— Да.

Я выдохнула и нащупала в кармане куртки мобильный. Лена взяла трубку после второго гудка.

— Послушай, мне нужна твоя помощь.

Пистолет был слишком тяжёлым, чтобы держать его дольше только одной рукой. Я зажала телефон между ухом и плечом и снова обхватила его обоими руками.

— Помощь с домашней работой по математике или чтобы незамеченной выскользнуть из дома?

— Колин ранен, а у меня есть дело, о котором я должна позаботится прямо сейчас. Если я дам тебе его адрес, ты сможешь приехать сюда и оказать ему помощь?

Она очень долго молчала.

— Как тяжело ранен?

— Ранен, — сказала я. — Но он не любит больницы.

— Куда ты хочешь пойти?

Я одарила громил Билли моей самой солнечной улыбкой.

— Навестить моего дядю.

## Глава 47

Если и есть что-то хорошее в том, когда становишься очевидцем того, как из твоего телохранителя или вернее будущего парня выбивают душу, так это то, что после этого он не в состоянии остановить тебя, когда ты отправляешься отомстить. Лена весит, наверное, всего около пятидесяти килограммов, но у Колина были такие сильные боли, что даже она смогла держать его под контролем.

Я даже не пыталась отнести его в спальню, но Лене и мне удалось положить его на диван. И даже это было очень утомительным предприятием, осложнённое тем, что я не хотела выпускать их рук пистолет. Я показала ей, где стоит коробка из-под обуви с реквизитами для перевязки.

— Если тебе покажется что-то странным, позвони мне. Если ему станет хуже, вызови экстренную помощь. Я скоро вернусь.

— Ты собираешься ехать с ними? — спросила Лена писклявым голосом. — Это ужасно глупо.

— Они работают на моего дядю. Я уверена, что они не допустят, чтобы со мной что-то случилось.

— Что, если по дороге вас остановит полиция? — она так сильно скрутила свой хвост, что он казался скрученной, блестящей, чёрной верёвкой.

— Кому, как ты думаешь, поверит полиция, этим двоим или несовершеннолетней в школьной форме?

— Ты меня пугаешь, — сказала она.

— Я знаю. Спасибо, что ты мне помогаешь, — я наклонилась и поцеловала Колина в



лоб. — Я объясню тебе всё позже, клянусь.

— О, да, определённо, тебе придётся всё объяснить, — ответила Лена. — А теперь положи этому конец, хорошо?

В этот момент я чувствовала себя не очень комфортно.

— Будь осторожна, — хрипло сказал Колин, беря меня за руку. — Билли планирует намного вперёд, учитывает все варианты.

— Я тоже.

Если бы был другой путь, я бы избрала его, но разве у меня есть выбор? Я должна убедиться в том, что как только уйду, громилы не вернутся и не навредят Колину ещё больше. Я должна увидеться с дядей, и мне был нужен кто-то, кому я могла доверять, чтобы он приглядел за Колином. Это был не идеальный план, но всё, на что я могла рассчитывать — не считая пистолета, который я прятала под курткой, когда мы шли к машине этих двоих.

Это была самая длинная и безмолвная поездка в моей жизни. Пальцы рук занемели, потому что я так крепко сжимала рукоятку пистолета. Когда мы доехали до «Морган», я сунула пистолет в карман куртки и послав людей Билли вперёд, последовала за ними.

«Морган» ещё не открылся после пожара — по крайней мере официально — но несколько непоколебимых завсегдатаев сидели вместе за стойкой. Требовался только незначительный ремонт, и я не сомневалась, что бар возобновит работу в течение одной недели. «Слайс» останется закрытым на неопределённое время, и мысль об этом всё ещё немного меня злила.

Я смотрела на лицо Билли, когда он обнаружил своих громил. Холодное ожидание — он отдал приказ и теперь ему нужно было только подтверждение, что его выполнили. Когда он увидел меня, его лицо застыло от ужаса. Я позволила гневу управлять собой и чувствовала себя такой хладнокровной, как выглядел он.

— Мо, — осторожно сказал он. — Что ты здесь делаешь?

— Твои люди привезли меня сюда. Думаю, я не слишком им нравлюсь.

— И почему ты так думаешь?

— Что ж, — я положила пистолет на стол, стоящий между нами. — Наверное, потому что я пригрозила пристрелить их.

— Убери это, — прошипел он. — Ты сошла с ума, дитя?

— Я не дитя, но до сумасшествия зла. Эти два пещерных человека по твоему приказу избили сегодня Колина.

Он одарил меня совершенно безразличным взглядом.

— Он знал, что произойдёт. Я говорил ему, чтобы он не увивался за тобой.

— Мне почти восемнадцать. Не тебе решать, кого я люблю.

— Значит ты влюблена в него, я прав? Это ошибка. Он внутренне сломлен.

— Я помогу ему исцелиться.

Билли презрительно рассмеялся.

— Тоже самое твоя мать говорила о Джеке Фицджеральд — и как всё закончилось? Ты не знаешь, с чем имеешь дело.

— Я знаю о Раймонде Гаскилле, — сказала я. — По крайней мере большую часть. Он мёртв, не так ли? Колин застрелил его.

— Он рассказал тебе об этом?

Я не ответила.

— Что я не могу себе объяснить так это то, что тебя связывает со всем этим делом. Они

ведь выросли в Денвере.

Он откинулся назад, скрестив руки на груди и не отрывал взгляда от пистолета.

— Раймонд Гаскилл были громилой. Маленькой пешкой. Наши пути пересекались время от времени. У был занят в Чикаго или летел в Денвер. Через некоторое время знакомишься с людьми. Я знал, что он был плохим человеком, — он пристально посмотрел на меня. — Держу пари, ты полагала, что я настолько ужасен, как только может быть человек. Но Гаскилл был намного хуже. Мне всегда хотелось соскоблить с себя кожу, даже только после того, как пожал ему руку. Я знал, что он использует ребят в качестве боксёрской груши, и подозревал, что он делает с маленькой девочкой. Но у него были связи, очень полезные, поэтому люди наверху закрывали на это глаза.

— Пока социальная служба не забрала детей.

— Сотрудница была новенькой, её легко можно было одурачить. Любой серьёзный социальный работник смог бы доказать, что мужчина был не пригоден. Но когда детей вернули назад, он потерял рассудок. Он в последний раз набросился на них, — Билли пожал плечами. — Это было довольно легко замять. Никто не хотел вести расследование о Гаскилле. У него были связи со многими людьми, которые хотели остаться анонимными. У Доннелли был шок. Девочка — Тесс — всё ещё находилась в коме. В Денвере у них не было будущего. Их бы разделили. Поэтому я привёз их сюда, отправил Колина в военную школу, чтобы он научился дисциплине, подобающе похоронил мать и маленького мальчика и нашёл для Тесс пристанище.

— И Колин пришёл к выводу, что в долгу у тебя на всю оставшуюся жизнь.

— Благодарность, — он сощурился. — Его попытка соблазнить тебя показывает, что он не особо благодарен.

— Он уже давно заплатил свой долг. Он был ребёнком, а ты вбил ему в голову, будто спас его.

— Я его спас. Вот такой я, Маура Кэтлин: спасаю людей, которые не могут позаботиться о себе сами, и я требую не слишком много, когда в свою очередь ожидаю проявление какой-то лояльности.

— Он тебе благодарен. Но теперь он выходит из игры.

— Моя дорогая девочка, я ценю твою смелость, но у тебя не особо твёрдые позиции для переговоров.

— А я думаю иначе.

— Что у тебя есть такого, что ты могла бы предложить за жизнь Доннелли? Подумай хорошенько, прежде чем ответить. Ведь он тот мужчина, о котором ты говоришь, что любишь его. Поэтому постарайся предложить соответствующую цену за его жизнь.

Я провела пальцем по блестящему стволу пистолета.

— Я знаю, что пожар в «Слайсе» устроил ты. И вторжение в наш дом.

— Это были русские.

Но он не пытался убедить меня с той же настойчивостью, как делал бы ещё неделю назад.

— Юрий Экомов хотел со мной работать. Он не хотел напугать мне до смерти. Но из-за того, что «Слайс» сгорел, ты получишь страховку и сможешь использовать строительную компанию, чтобы восстановить ресторан. Однако прежде всего это должно было мотивировать меня помочь тебе. Полагаю, ты не рассказал маме о своём плане.

— Твоя мать разрешает мне улаживать сложные дела в нашей жизни.

— Возможно. Но мы оба знаем, что она никогда не позволила бы тебе уговорить меня бороться с русской мафией, — я нервничала, мне срочно хотелось проведать Колина. — Ты же собираешь деньги за покровительство, дядя Билли. Так что позволь тебе сказать: оба Доннелли находятся теперь под моей защитой.

— А что я получу взамен?

— Молчание. Я ничего не скажу маме.

Билли фыркнул.

— И это всё? Ты уже во второй раз за два месяца открыто восстаёшь против меня, да ещё сгубила при этом одного из моих лучших людей. Я очень люблю твою мать, но сохранить её благосклонность для меня не так важно, как ты, возможно, полагаешь. Пока она не получит назад свой ресторан, всё остальное отойдёт для неё на второй план, особенно потому, что домой возвращается твой отец. Она простит меня, потому что хорошая христианка, потому что мы одна семья и потому что ценит то, что я сделал для нас, — он зацокал языком. — Разыграй карту получше.

До меня дошло, что он имеет ввиду, и на сердце стало тяжелее, чем было ощущение пистолета в руке. Всё это время он хотел именно этого. Я недооценила Билли. В очередной раз.

— Экомов, — тихо сказала я.

Он улыбнулся.

— Он хочет работать вместе с тобой. Тебе просто нужно будет передавать ему отобранную информацию.

Если это цена за жизнь Колина, хорошо. Но я хотела, чтобы условия были ясными.

— Впредь ты оставишь Доннелли в покое. Обоих. Ты будешь платить счета Тесс, а Колин может покончить со всем и уйти, когда захочет. И куда захочет.

— Он может, но не ты. Ты согласишься остаться в Чикаго. Откажись от своих нелепых планов насчёт Нью-Йорка. Здесь тоже есть вполне хорошие колледжи... и когда-нибудь место в компании.

Я начала задыхаться. Одно дело остаться на своих условиях, чтобы появился шанс с Колином, но совсем другое связать себя в качестве пешки Билли.

— Но...

— Это моя цена за жизнь Доннелли. Что скажешь?

Должен быть выход. Я его найду. Только не сейчас. В настоящий момент жизнь Колина важнее всего. Я заплачу любую цену, которую назначит Билли.

— Договорились, — мой голос не дрожал, в нём не было никаких заминок. Я больше никогда не позволю ему увидеть мою слабость.

— Прекрасно.

Я встала, чтобы уйти, но он продолжил:

— Знаешь, он узнает об этом.

— Не от меня, — сказала я. — И не от тебя, или с нашим соглашением будет покончено.

— Правда имеет привычку рано или поздно всплывать. Он выяснит, что ты сделала, и ты его потеряешь. Этот мужчина живёт, чтобы защищать людей, которых любит, а ты перевернула всё с ног на голову. Он просто неспособен простить тебе это. Ты его потеряешь, Мо.

— Потерянный лучше, чем мёртвый, — ответила я и проигнорировала ледяной ком страха, поселившейся у меня в груди.

## Глава 48

Дверь в мастерскую Колина была выбита, замок вырван из дверного проёма, поэтому войти было легко, но на тот случай, если он и Лена подготовились встретить незваных гостей, я постучала в дверь квартиры.

— Это я.

Я услышала шарканье задвижки, и Лена приоткрыла дверь.

— С тобой всё в порядке?

— Мне холодно. Впусти меня.

Она отступила, и я прошла прямо к Колину, который приложил к щеке полотенце, наполненное кубиками льда. Пластырь в виде бабочки закрывал рану над его глазом, а на столе стоял стакан, который сильно пах Джемесоном.

— Мне кажется, они сломали тебе нос, — сказала я.

Он осторожно потрогал его.

— Было бы не в первый раз. Что случилось?

Прежде чем я смогла ответить, Лена встала и переминаясь с ноги на ногу, сказала:

— Наверное я пойду. Увидимся завтра. Колин...

Её голос дрогнул, и она позеленела.

— Мы не будем это повторять, верно?

— Лена... — У меня не хватало слов, чтобы отблагодарить её, и она подошла ко мне и быстро обняла.

— Однако завтра я ожидаю, что ты изольёшь мне душу, — сказала она и ушла.

Я снова повернулась к Колину.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Рассказывай уже.

Я поправила укрывающее его одеяло.

— Мы разговаривали. Это был почти цивилизованный разговор.

— И? — Ему было больно разговаривать, я поняла это, потому что он напрягся перед каждым предложением и слышала по хрипоте в голосе.

— Хорошая новость в том, что к тебе больше не заявятся неприглашенные гости.

Прежде чем он успел спросить почему, я быстро заговорила дальше:

— А плохая, что ты всё ещё работаешь на Билли.

Это не так уж и ужасно, говорила я себе. Тесс нужна медицинская помощь, а Колин до конца своих дней питался бы только лапшой, если бы ему пришлось покрывать эти расходы, но его связь с Билли была не только финансовой. Не важно, насколько мерзким казался мне мой дядя, он всё же спас Колина и Тесс, в то время как остальная часть мира игнорировала их. Об этом Колин никогда не забудет.

— Как?

Теперь объяснить будет сложнее. Билли прав, если Колин узнает, что я выкупила его жизнь своею, он никогда мне этого не простит. Он должен поверить, что я нашла другой способ, чтобы убедить дядю. Поэтому я присела на краешек дивана, посмотрела ему в глаза, которые были такими тёмными и встревоженными, как озеро Мичиган зимой, и соврала без единого зазрения совести парню, которого люблю.

— Я пригрозила ему, что всё расскажу маме про пожар. На протяжении лет она многим пожертвовала ради Билли, но у каждого когда-нибудь чаша терпения становится полной. Это

безвыходное положение. Билли не вмешивается в наши дела, а я не вмешиваюсь в его.

Он опустил голову на подушку. Усталость и боль придавали его коже болезненную бледность. На лбу обнаружилось место, которое было не слишком сильно покрыто синяками, и я осторожно поцеловала его туда, прежде чем он начал засыпать.

— Ты сказала головорезам Билли, что они сделал больно человеку, которого ты любишь, — сонно сказал он.

— Я была в ярости.

— Ты любишь меня? — он дотронулся до моей ноги.

Я посмотрела ему в глаза.

— Это было бы проблемой?

— Тебе следовало уйти, — сказал он. — Так было бы легче.

— Ничего лёгкого в этом нет. Вот почему я знаю, что это правильно.

Когда Колин заснул, я сделала два телефонных звонка. Сперва я позвонила Дженни Ковальски.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказала я и подумала о жёстком диске, который всё ещё был спрятан позади моего комода. — Не знаю, насколько он тебе поможет, но это — начало.

— Ты передумала? Ты сможешь нам?

Нужно планировать задолго вперёд, напомнила я себе. Мой единственный шанс справиться с дядей.

— Соглашение остаётся прежним. Ничего о Колине, а если я говорю тебе держаться от чего-то подальше, то ты так и делаешь.

— Как пожелаешь.

— Завтра после школы, подойдёт? И не бери с собой Ника. Попытайся не привлекать внимание.

— Ты поступаешь правильно, — сказала она. — Даже мой папа сказал бы тоже самое.

Затем я позвонила домой, потому что знала, что мама будет паниковать и приготовилась к худшему.

Но ничего не произошло.

— Милая! Как дела у Колина?

— Он... отдыхает. Откуда ты знаешь...?

— О, я позвонила твоему дяде, хотела задать ему пару вопросов насчёт страховки. Он упомянул о том, что ты заглядывала и что Колин болен. У него грипп? Могу поспорить, что он не прививался против гриппа, не так ли?

— Скорее всего нет.

— Хочешь, я принесу что-нибудь? У меня уже есть немного готового супа. Может у него проявится аппетит, когда он начнёт поправляться.

— Возможно я занесу ему что-нибудь завтра, — сказала я. — После школы.

— Звучит не плохо. И тебе будет чем заняться, ведь «Слайс» закрыт.

— Да.

— Твой дядя сказал, что ты могла бы помогать в «Моргане», пока мы не возобновим работу. Разве это не прекрасно? Сначала я волновалась, потому что не была уверена в том, действительно ли бар подходящее для тебя место работы, но так всё останется в семье. А ты ведь знаешь, как сложно отказать в чём-то твоему дяде.

— Я не хочу работать в баре.

Билли уже опять пытался помыкать мной. Как только моя мать могла быть настолько слепой ко всему, что касается его?

— Я знаю, что ты злишься на него, но думаю, что так будет безопасней, — она сделала паузу. — Для всех.

В первый раз я услышала, что она хочет сказать. Не знаю, почему мне потребовалось столько много времени. Тоже самое она говорила уже всё это время. Она не была слепа к тому, что вытворял Билли и никогда не была. Она просто попала в ловушку, построила себе жизнь, которую могла выносить и научилась закрывать глаза на вещи, которые были невыносимы.

Ничего удивительного, что она оставалась невероятно спокойной, когда предположила, что у меня с Колином отношения. Он был знакомым парнем и лояльным. А ко всему прочему, чтобы я находилась в безопасности, был готов подставить под удар свою жизнь. Если бы можно было отсеять тот факт, что он работает на мафию — а у моей мамы хорошо получалось забывать о таких неприятных вещах — то он был бы идеалом любой свекрови.

Я бросила взгляд на Колина, который спал на диване, размышляя, сказать ли ей, что хочу остаться на ночь. Но даже с помощью магии, я не смогла бы так сильно изменить мою мать.

— Я останусь здесь ещё ненадолго, — сказала я. — Потом вернусь домой.

— Я подожду с ужином, — сказала она. — Я с нетерпением жду, когда ты придёшь домой, милая.

## Глава 49

На следующее утро Лена ждала меня в школе недалеко от входной двери. Было слишком холодно, чтобы оставаться во дворе, а Колин всё ещё лежал дома и присылал каждый час ворчливую смс, чтобы удостовериться, что со мной всё в порядке. Мы пошли в кафетерий, заняли столик и сделали вид будто занимаемся.

— Как дела у Колина?

— У него очень плохое настроение.

— Хм, так же, как и всегда? Он был ужасно зол, когда ты вчера ушла. Мне чуть ли не пришлось сесть на него, чтобы не дать следовать за тобой.

— Я уже предполагала нечто подобное. Спасибо, что ты за ним присмотрела.

Она наклонилась вперёд и подперла подбородок руками.

— Твоя семья и правда так ужасна, как все говорят, верно?

Я посмотрела ей в глаза. Она уже знала ответ.

— Ещё хуже.

— И твой дядя натравил на Колина тех типов, потому что вы что-то друг с другом замутили?

— Он не слишком обрадовался.

Сложно сказать, что Билли тревожило больше — мои отношения с Колиным или тот факт, что мы взбунтовались против него. В обоих случаях результат был одним и тем же.

— Знаешь, в некоторых семьях за такое просто выдают домашний арест.

— Как бы было здорово, — сказала я.

— Твой дядя устроил пожар, я права?

Я прикусила нижнюю губу и кивнула.

— Зачем ему это?

— Прежде всего из-за страховки. И чтобы оказать на меня давление.

Я не стала упоминать ни Экономова, ни жёсткий диск, завёрнутый в газету, который находился в моей сумке и ждал момента, когда я передам его Дженни.

— Он хочет, чтобы я на него работала.

Она пренебрежительно махнула рукой.

— Этого ещё не хватало!

Я молчала.

— Ты издеваешься?

— Ты никому не должна об этом рассказывать. Особенно Колину!

— Ты ненормальная, — сказала она. — Зачем тебе к чёрту... О-о. Из-за Колина.

Я открыла металлический язычок банки с колой лайт.

— Значит, ты работаешь теперь на своего дядю, а он взамен, оставляет твоего парня в живых. Однозначно, Рождество будет отличным.

— Похоже тебя это не особо потрясло, — сказала я. — Почему?

Ей было неловко, она избегала моего взгляда и раскрошила свою булочку.

— Ты моя подруга, — сказала она после долгого молчания. — Разве не так поступают подруги? Они поддерживают друг друга в сложные времена.

— Видимо так.

Я подумала о Верити и о том, что встала на её сторону только тогда, когда было уже поздно. Мне было интересно, смогу ли когда-нибудь поддержать Лену так же, как она помогает мне.

— Спасибо.

— Единственное, что я всё ещё не понимаю, это Люк. Что с ним? Как он вписывается в общую картину?

— Люк не имеет ничего общего с моей семьёй, — ответила я. — Это работа... так сказать. Что-то, что я делаю, чтобы оказать услугу Верити. Мы не... — я помахала рукой, потому что сегодня мне было слишком тяжело подбирать подходящие слова, которые бы описали то, кем являемся друг для друга Люк и я.

— Но вы оба выглядели так, будто..., - она повторила моё движение рукой. — На балу.

Я прикусила губу.

— Это была ошибка.

— О, — она хотела ещё что-то добавить, но потом замолчала. — Итак... французская монархия.

Я моргнула из-за такой внезапной смены темы.

— Что?

— Разве вы не должны быть на уроке, девочки? — спросила Ниобе позади меня. — Первый урок уже начался.

Мы собрали книги и пробормотали извинения, но Ниобе подняла руку. — Вообще-то, я бы хотела поговорить с тобой в моём кабинете, Мо.

Лена состроила гримасу, когда уходила.

— Дай угадаю. Меня хотят видеть Кварторы.

— Наверняка хотят, но я желаю поговорить с тобой не по этой причине.

Мы молча направились в её кабинет, и она открыла дверь заклиниванием, вместо ключа. Я почувствовала заклинивание, точную форму магии. Побочный эффект, как я полагала.

Внутри на низком стуле сидела Констанция с покрасневшим носом и влажными

щеками.

— Привет, — сказала я и присела на другой стул. — С тобой всё в порядке?

Она вытерла лицо рукавом.

— Ниобе сказала, что ты исправила магию.

— Да.

— Она сказала, что это было очень опасно.

— Что ж, это не было прямо насколько ужасно. Главное, что теперь они должны помочь тебе.

— Только потому, что ты их заставила, я права? Иначе бы они оставили меня на произвол судьбы.

Я кинула взгляд из окна на остатки снега, который всё ещё лежал на заброшенных цветочных горшках и статуях во дворе.

— Я не знаю. Я не совсем понимаю ход их мыслей.

— Но ты им помогла.

Она схватилась за край стула так крепко, что костяшки её пальцев побелели.

— Я хотела всё исправить. Они нуждались в моей помощи, а я в их.

Как ни странно, мне казалось, будто я оправдываюсь, а это раздражало. В конце концов, я чуть не умерла. Разве этого недостаточно?

— Констанция, — выступила Ниобе, — ты же говорила, что хочешь что-то сказать Мо?

Констанция, казалось, вновь пришла в себя. Она убрала волосы за уши, поправила юбку и сказала с дрожащим подбородком:

— Я хотела поблагодарить тебя. Ты спасла меня, несмотря на то, что я была изрядной злокой.

«Я тоже скучаю по ней», хотелось мне сказать. Каждый день. Но ограничилась лишь этим:

— Не за что.

Она бросила на Ниобе мимолетный взгляд, а затем больше не сказав ни слова, убежала.

Когда мы остались одни, я спросила:

— Это значит, что ты теперь уйдешь?

— Нет. За Констанцией нужно и дальше приглядывать. Кварторы должны выполнить свою часть договора.

— Это мне кое о чём напомнило, — сказала я и потянулась за сумкой. — Что мне теперь делать с этим?

Она взяла стопку колец, с помощью которых мы заключила договор. Когда я вернулась домой, они, почерневшие и разъединенные, лежали на моей прикроватной тумбочке. От них больше не исходило никакого магического гудения.

— Всё, что захочешь. В тот момент, когда ты выполнила свою часть договора они вернулись в немагическое состояние. Думаю, ты можешь их выбросить.

Она с сомнением посмотрела на зеленую корзину для мусора у своего стола.

— Значит всё и вправду закончилось.

— Напротив. Это было доброе дело, но у него будут последствия, прежде всего в политической сфере.

— Политика меня не интересует.

— Вообще-то должна, учитывая твоё положение.

— Я привязана к магии, Ниобе, но я не стремлюсь вмешиваться в нечто подобное.



Она улыбнулась.

— Ты привязана к наследнику, Мо Фитцджеральд. Ты уже давно во всё замешана, хочешь ты того или нет.

## Глава 50

Я как раз выносила мусор, выйдя в проулок позади «Морган», когда появился Люк.

— Новая карьера, Мышонок? — Он произнёс эту шуточку с лёгким колебанием, будто не был уверен в том, посмеюсь я над ней или нет.

Я подняла мешок с мусором и положила в контейнер.

— Трудно получить чаевые, если ресторан сгорел. Кроме того, — я показала на белый саржевый фартук, — здесь униформа лучше

— Даже не знаю, — ответил он и осмотрел меня. — Маленький чепчик всегда казался мне симпатичным.

— Это смурфы симпатичные, — сказала я. — А та вещь была преступлением против моды.

Он коротко улыбнулся.

— Куджо сейчас поблизости? Я должен поблагодарить его.

— За то, что он тебя вытащил? Ты вылечил его после Разрушительного потока. Выквиты.

— Я сделал это ради тебя, — тихо сказал он.

— Я знаю.

Я стояла и теребила ленточку фартука.

Ярость, которую я ожидала, отказывалась проявляться. Между тем я осознавала, что он стоял перед невозможным выбором. И в конце он выбрал меня.

— Почему ты пытался проникнуть в магию? Это было моей задачей. Почему ты пошёл на риск?

Он пожал плечами и отвёл взгляд в сторону.

— Я надеялся, что это работает в обе стороны, что я могу использовать твои таланты, как ты использовала мои.

— У меня нет никаких талантов.

— Дерзкие уста, большое сердце, упрямее, чем Миссисипи в ширину... Для меня это звучит вполне как несколько талантов.

— Никаких магических талантов. И это было не то, о чём говорилось в пророчестве. Почему же...

— Я боялся.

Он без всякого одушевления пнул груды деревянных поддонов.

— Что у меня не получится?

— Что потеряю тебя.

Я обняла себя руками из-за холода и мягко сказала:

— Я не принадлежу тебе, поэтому ты и не можешь меня потерять.

— Ты предельно четко разъяснила это.

Его слова были полны горечи.

— Ты сказала, что я люблю тебя только потому, что должен. Что пророчество для меня важнее, чем ты.

— И ты хотел доказать обратное, рискуя своей жизнью?

Он посмотрел на меня пылкими золотисто-зелёными глазами.

— Со дня нашей первой встречи ты очень боялась того, что происходит между нами, ты об этом знаешь? Ты думала, что я хотел Вии, волновалась, что мои чувства к тебе — это следствие пророчества, нашей связи или судьбы. И поэтому ты отворачиваешься от меня и утверждаешь, что не можешь мне доверять.

Было бесполезно отрицать это.

— Ты не дал мне почти никакого повода доверять тебе.

Он пожал плечами.

— Но вся суть вот в чём: то, что мы ненавидим в других, это обычно то, что мы ненавидим в самих себе. Поэтому я задаюсь вопросом, не доверяешь ли ты только моим чувствам или своим тоже.

Да он потерял свой эгоистичный рассудок! Он пытался подловить меня. Он был абсолютно не прав и если моё сердце бешено билось, то из-за возмущения, а не из-за страха, что он может быть прав.

— Это сумасшествие.

— В самом деле? А как по мне, так это абсолютно логично. Ты ужасно боишься, что все то, что ты ко мне испытываешь — это что-то, к чему тебя принудили. Ты ничто не презираешь в этом мире так сильно, как то, когда тебе говорят, что ты должна делать. Не важно кто это: твоя мать, дорогой Бог или судьба.

Я хотела возразить, но он приподнял вверх бровь, и я промолчала.

— Я пытался занять твоё место, чтобы освободить тебя от пророчества, потому что тогда ты поняла бы, что то, что ты ко мне испытываешь, исходит от твоего сердца, а не от магии. Ведь ты не осмелишься принять меня, пока не убедишься в этом, пока не сделаешь свой собственный выбор.

— Ты не можешь заставить меня решить в твою пользу, — неуверенно сказала я.

— Нет, — ответил он. — Но я могу попробовать.

— Я бы предпочла, чтобы ты не пробовал, — вырвалось у меня.

— Ах, Мышонок... если бы не было словечка «бы»...

— Мне нужно вернуться, — сказала я и кивком указала на «Морган».

— Ты больше не сможешь убежать, — сказал он, и его голос разнёсся далеко в ночи. —

Для этого мы уже слишком далеко зашли.

Магия, моя постоянная спутница, сжалась внутри меня.

— Я знаю.

— Кварторы слабы. Им всё ещё не достаёт одного члена. И в данный момент они не слишком популярны. Серафимы не сдадутся, а ты — идеальная цель.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты и магия — теперь одно целое. Если с тобой что-то случится, пострадает и магия. Люди Антона хотят нанести вред, а ты лёгкая добыча.

Начался лёгкий снегопад. Крошечные, бывшие снежинки исчезали, едва касаясь земли. Несмотря на мороз, я осталась неподвижно стоять, вместо того, чтобы зайти в здание.

— Ты нужна нам, — тихо сказал Люк. — Серафимы готовы уничтожить магию, чтобы создать свою версию идеального мира, и поверь мне — она не будет идеальной ни для твоих, ни для моих людей. Ты создана для этого. Как ещё ты объяснишь то, на что способна, то, что уже пережила? Твоя судьба настолько переплетена с магией, что мы не смогли бы распутать вас, даже если бы попытались.

Я заскрипела зубами. Он был прав гораздо больше, чем мог знать.

— Я не верю в судьбу.

— Не называй это судьбой. Назови это ценой за свободу выбора. В ту ночь, когда была убита Вии, у тебя была возможность уйти. Она посоветовала тебе бежать, а ты решила остаться. Каждый шаг, который ты предприняла с тех пор, вёл тебя дальше по этому пути, а теперь возврата назад нет. Если ты веришь во что-то другое, то обманываешь себя больше, чем когда-либо.

Я смотрела ему вслед, как он уходил в кружащем вокруг снеге. Я действительно лгала себе, но не было смысла бежать за ним и признаваться в этом. Отношения между мной и Люком ещё не закончились, только изменились, точно так же, как магия изменила меня.

Я уже чувствовала, как она преобразовывает фрагменты девушки, которой я когда-то была, в девушку, которой я могла быть. В более сильного человека, способного, проложить себе дорогу, которая объединит оба моих мира.

В одном Люк был прав: теперь возврата назад нет, никакого возвращения к моей прежней жизни. Отныне я могла двигаться только вперёд.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**